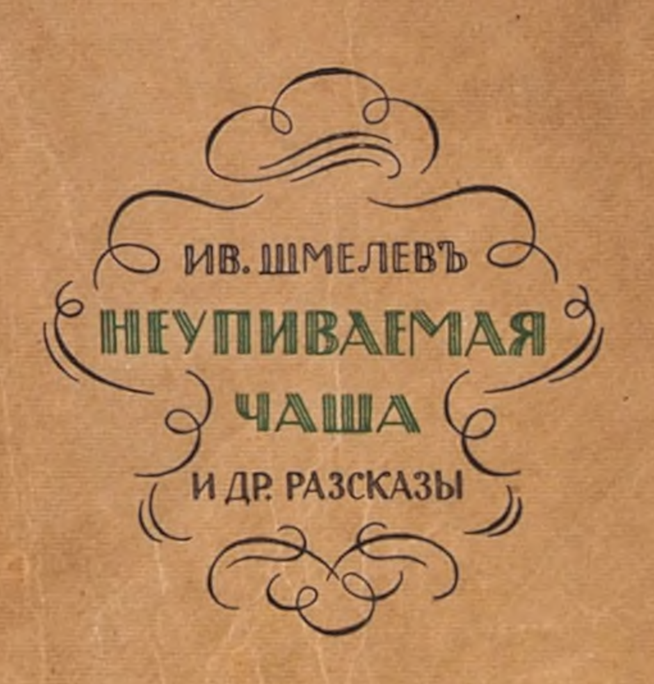

ИВ. ШМЕЛЕВЪ
НЕУПИВАЕМАЯ
ЧАША
И ДР. РАЗСКАЗЫ

ИВ. ШМЕЛЕВЪ

НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША

И ДР. РАЗСКАЗЫ

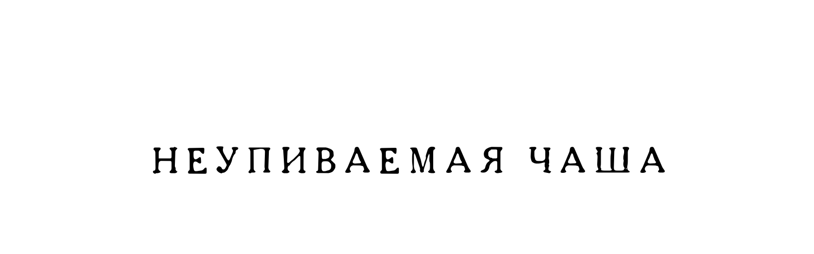

ПРАГА

1924

Издательство
„ПЛАМЯ“
подъ общимъ
руководствомъ
профессора
Е. А. Ляцкаго

Печатано въ типографіи „Легіографія“, Прага.

НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША

Дачники съ «Ляпуновки» и окрестностей любятъ водить гостей «на самую Ляпуновку». Барышни говорятъ восторженно:

— Удивительно романтическое мѣсто, все въ прошломъ! И есть удивительная красавица... одна изъ Ляпуновыхъ. Цѣлыя легенды ходятъ.

Правда: въ «Ляпуновкѣ» все въ прошломъ. Гости стоятъ въ грустномъ очарованіи на сыроватыхъ берегахъ огромнаго полноводнаго пруда, отражающаго зеркально-каменную плотину, столѣтнія липы и тишину; слушаютъ кукушку въ глубинѣ парка; вглядываются въ зеленые камни пристаньки, съ затонувшей лодкой, наполненной головастиками, и стараются представить себѣ, какъ здѣсь было. Хорошо бы пробраться на островокъ, гдѣ теперь все въ малинѣ, а весной поютъ соловьи въ черемуховой чащѣ; но мостки на островокъ рухнули на середкѣ, и прогнили подъ берестой березовыя перильца. Кто-нибудь запоетъ срывающимся теноркомъ: — «Невольно къ этимъ грустнымъ берега-амъ»... — и его непремѣнно перебьютъ:

— Идемте, господа, чай пить!

Пьютъ чай на скотномъ дворѣ, въ крапивѣ и лопухахъ, на выкошенномъ мѣстечкѣ. Полное запустѣніе, — каменные сараи безъ крышъ, въ проломы смотрится бузина.

— Одинъ быкъ остался!

Смотрятъ — смѣются: на одинокомъ столбу воротъ еще торчитъ побитая бычья голова. Во фли-

гелькѣ, въ два окошечка, живетъ сторожъ. Онъ приноситъ осколокъ прежняго — помятый зеленый самоваръ-вазу и говоритъ непремѣнное: «сливковъ нѣту, хоть и скотный дворъ». На него смѣются: всегда распояской, недоумѣнный, словно что потерялъ. И жалованья ему пять мѣсяцевъ не платятъ.

— А господа все судятся?! — подмигивая, удивляется бывалый дачникъ.

— Двадцать два года все судъ идетъ. Который баринъ на полькѣ женился... а тутъ еще вступились... а Катерина Митревна... — наплевать мнѣ, говоритъ. А безъ ее нельзя.

И опять всѣ смѣются, и сараи — каменнымъ пустымъ брюхомъ.

Идутъ осматривать домъ. Онъ глядитъ въ паркъ, въ широкую аллею, съ черной Флорой на пустой клумбѣ. Онъ невысокій, длинный, подковой, съ плоскими колонками и огромными окнами по фасаду, — напоминаетъ оранжерею. Кто говоритъ — ампиръ, кто — барокко. Спрашиваютъ сторожа:

— А можетъ и рококо?

— А мнѣ что... Можетъ, и она.

Входятъ со смѣхомъ, идутъ амфиладой: банкетныя, боскетныя, залы, гостиныя, — въ зеленоватомъ полусвѣтѣ отъ парка. Смотритъ нѣмо корельская береза, красное дерево; горки, угòльные диваны-исполины, гнутыя ножки, пузатые комоды, тускнѣющая бронза, въ пыли уснувшія зеркала, усталыя отъ вѣковыхъ отраженій. Молодежь выписываетъ по пыли пальцами: Анюта, Костя... Оглядываютъ портреты: тупеи, тугіе воротники, глаза навыкатъ, насандаленные носы, парики, — скука.

— Вотъ, красавица!

Изъ-за этого портрета и смотрятъ домъ.

— Глаза какіе!

Портретъ въ овальной золоченой рамѣ. Очень молодая женщина, въ черномъ глухомъ платьѣ, съ чудесными волосами красноватаго каштана. На тонкомъ блѣдномъ лицѣ большіе голубые глаза въ радостномъ блескѣ: весеннее переливается въ нихъ, какъ новое послѣ грозы небо, — тихій восторгъ просыпающейся женщины. И порывъ, и наивно-дѣтское, чего не назовешь словомъ.

— Радостная королева-дѣвочка! — скажетъ кто-нибудь, повторяя слово заѣзжаго поэта.

Стоятъ подолгу, и, наконецъ, всѣ соглашаются, что и въ удлиненныхъ глазахъ, и въ уголкахъ наивно полуоткрытыхъ губъ — горечь и затаившееся страданіе.

— Вторая неразгаданная Монна Лиза! — кто-нибудь скажетъ непремѣнно.

Мужчины — въ мимолетной грусти несбывшагося счастья; женщины затихаютъ: многимъ ихъ жизнь на минуту представляется сѣренькой.

— Секретъ! — спѣшитъ предупредить сторожъ, почесывая кулакомъ спину. — На всякаго глядитъ сразу!

Всѣ смѣются, и очарованіе пропало. Секретъ всѣ знаютъ и мѣняютъ мѣста. Да, глядитъ.

— И другой секретъ . . . про анпиратора! Прописано на ней тамъ . . .

Сторожъ шлепаетъ голой грязной ногой на табуретку, снимаетъ портретъ съ костыля, держитъ, будто хочетъ благословить, и барабанитъ пальцами: читайте! И всѣ начинаютъ вполголоса вычитывать на картонной наклейкѣ написанное красиво вязью, съ красной начальной буквой:

. . . Анастасія Ляпунова, по роду Вышатова. Родилась 1833 года маія 23. Скончалась 1855 г. марта 10 дня. Выпись изъ родословной меморіи рода Вышатовыхъ, листъ 24: «На балу санктъ-петербургскаго дворянства Августѣйшій Монархъ изволилъ остановиться противъ сей юной дѣвицы, исполненной нѣжныхъ прелестей. Особливо поразили Его глаза оной, и Онъ соизволилъ сказать: »Maintenant c'est l'hiver, mais vos yeux, ma petite, réveillent dans mon coeur le printemps!« А на утро прибылъ къ отцу ея, гвардіи секундъ-маіору, Павлу Афанасьевичу Вышатову, флигель-адъютантъ и привезъ приглашеніе во дворецъ совокупно съ дочерью Анастасіей. О, сколь сія Монаршая милость горестно поразила главу фамиліи благородной! Онъ же, гвардіи секундъ-маіоръ Вышатовъ, прозрѣвая грустную отнынѣ участь юной дѣвицы, единственнаго дитяти своего, и позоръ семейный, чего многіе за позоръ не почитаютъ, явилъ дерзостное ослушаніе, въ сихъ судьбахъ благопохвальное, и тотъ же часъ выѣхалъ съ дочерью, въ великомъ ото всѣхъ секретѣ, въ дальнюю свою вотчину Вышата-Темное».

Сторожъ убираетъ портретъ. Всѣ молчатъ: оборвалась недосказанная поэма. Мерцающіе, несбыточные глаза смотрятъ, хотятъ сказать: да, было . . . и было многое . . .

Идутъ къ церкви, за паркомъ. Бѣгло оглядываютъ стѣнную живопись, работу будто-бы крѣпостного человѣка. Да, недурно, особенно Страшный Судъ: деревенскія лица, чуть ли не въ зипунахъ.

— Господа, въ склепѣ опять *она!* Въ 905-мъ парни разбили надгробія и выкинули кости.

Входятъ въ сыроватый сумракъ, въ радугѣ отъ цвѣтныхъ стеколъ. Осматриваютъ подправленныя

надгробія, помятыя плиты. Одно надгробіе уцѣлѣло, съ врѣзаннымъ въ мраморъ медальономъ: *ея* портретъ, уменьшенное повтореніе. Тѣ же, радостно плещущіе глаза.

— Парни наши побили гроба.. — равнодушно говоритъ сторожъ. — До «жеребца» добирались. А старики такъ прозвали. А эту не дозволили безпокоить. Святой жизни, будто, была. Старики сказывали.

Больше онъ ничего не знаетъ.

Смотрятъ бархатную черноту склепа — роспись, Ангела Смерти, съ черными крыльями и каменнымъ ликомъ, перегнувшагося по своду, склонившагося къ *ея* надгробію, и бѣлыя лиліи, слабо проступающія у стѣнъ: какъ живыя.

Осмотрѣно все, можно домой. Не показываетъ сторожъ могилы у сѣверной стороны церкви. Въ сочной травѣ лежитъ обросшій бархатной плѣсенью валунъ-камень, на которомъ едва разберешь высѣченные знаки. Здѣсь лежитъ прахъ бывшаго крѣпостного человѣка Ильи Шаронова. Имя его чуть проступаетъ въ уголку портрета. А можетъ быть и не знаетъ сторожъ: мало кто знаетъ о немъ въ округѣ.

Церковь въ «Ляпуновкѣ» во имя Ильи Пророка, тянутъ къ ней три деревни, а на Престолъ бываютъ и изъ Вышата-Темнаго, верстъ пятнадцать. Тогда приходитъ и столѣтній дьячокъ Каплюга, проживающій въ Высоко-Владычнемъ женскомъ монастырѣ, въ Настасьинской богадѣльнѣ. Старѣй его нѣтъ верстъ на сто; мужики зовутъ его Мусаиломъ и какъ поѣдутъ на Илью Пророка — везутъ на сѣнѣ. Отъ него и знаютъ про старину. А онъ многое помнитъ: какъ перекладывали Илью-Пророка и какъ вѣнчали

Анастасію Павловну съ гвардіи поручикомъ Сергіемъ Дмитріевичемъ Ляпуновымъ: такіе-то огни на прудахъ запускали! Хорошо помнилъ дьячокъ Каплюга и какъ расписывалъ церковь живописный мастеръ, дворовый крѣпостной человѣкъ Илюшка.

— Обучался въ чужихъ краяхъ... я его и грамотѣ училъ.

Знаетъ Каплюга и про «жеребца», родителя Сергія Дмитріевича, и какъ жилъ на скотномъ во флигелечкѣ живописный мастеръ, и какъ померъ. И про блаженной памяти Анастасію Павловну, и называетъ ее — святая. И про Вышата-Темное, откуда она взята.

— А Егорій-то на стѣнѣ... ого! И «Змѣя» того... прости Господи... самъ видалъ. Только тогда объ этихъ дѣлахъ не говорили.

Лежитъ за рѣкой Нырлей, о-бокъ съ Вашата-Темнымъ, Высоко-Владычній монастырь, бѣлый, приземистый, — давняя обитель, стѣнами и крестомъ ограждавшая край отъ злыхъ кочевниковъ: теперь это женская обитель. На южной сторонѣ собора свѣтлый рыцарь, съ глазами-звѣздами, на бѣломъ конѣ, поражаетъ копьемъ Змѣя въ черной бронѣ, съ головой какъ у человѣка, — только язычище, зубы и пасть звѣриные. Говорятъ въ народѣ, что голова того Змѣя — «жеребцова».

Много разсказовъ ходитъ про «Ляпуновку». А вполнѣ достовѣрно только одно, что разсказываетъ Каплюга. Самъ читалъ, что записано было самимъ Ильею Шароновымъ тонкимъ красивымъ почеркомъ въ «итальянскую тетрадь бумаги». Тетрадь эту передалъ дьячку самъ Илья наканунѣ смерти.

— Такъ и сказалъ: «Анисьичъ... меня ты грамотѣ обучалъ... вотъ тебѣ моя грамота»...

Хранилъ дьячокъ ту тетрадь, а какъ стали переносить «Неупиваемую Чашу» изъ трапезной палаты въ соборъ, смутился духомъ и передалъ записанное матушкѣ настоятельницѣ втайнѣ. Говорилъ Каплюга, будто и доселѣ сохраняется та тетрадь въ желѣзномъ сундукѣ, за печатями, — въ покояхъ у настоятельницы. И архіерей знаетъ это и повелѣлъ:

— Храните для назиданія будущему, не оглашайте въ настоящемъ, да не соблазнятся. Тысячи путей Господней благодати, а народъ жаждетъ радости...

Умный, ученый былъ архіерей тотъ и хорошо зналъ тоску человѣческаго сердца.

Вотъ что разсказываютъ читавшіе.

I

Былъ Илья единственный сынъ крѣпостного двороваго человѣка, маляра Терёшки, искуснаго въ дѣлѣ, и тягловой Луши Тихой. Матери онъ не зналъ: померла она до году его жизни. Приняла его на уходъ тетка, убогая скотница Агафья Косая, и жилъ онъ на скотномъ дворѣ, съ телятами, безъ всякаго досмотра, — у Божья Глаза. Топтали его свиньи и лягали телята; быкъ разъ поддѣлъ подъ рубаху рогомъ и метнулъ въ крапиву, но Божій Глазъ сохранялъ, и въ дѣтскихъ годахъ Илья сталъ помогать отцу: растиралъ краски и даже наводилъ свиль орѣшную по фанерамъ. Но былъ онъ мальчикъ красивый и румяный, какъ наливное яблочко, а нѣжностью лица и глазами схожъ былъ съ дѣвочкой, и за эту приглядность взялъ его старый баринъ въ покои подавать и запалять трубки. И вотъ однажды, когда второпяхъ разбилъ Илья о ножку стола любимую баринову труб-

ку съ изображеніемъ голой женщины, которой въ бедра самъ баринъ наминалъ табакъ съ крехотомъ, приказалъ тиранъ дать ему соленаго кнута на конюшнѣ. Сказал:

— Узнаешь, песій щеняка, чѣмъ трубка пахнетъ.

Тогда отъ стыда и страха убѣжалъ Илья къ теткѣ на скотный и, втайнѣ отъ нея, хоронился въ хлѣву, за соломой, выхлебывая свиное пойло. Но не избѣжалъ наказанія и опять былъ приставленъ къ трубкамъ.

Звали люди барина «жеребцомъ». Былъ онъ высокъ, тученъ и похотливъ; всѣ пригожія дѣвки перебывали у него въ опочивальной. Былъ онъ съ роду такой; а какъ повыдалъ дочерей замужъ, а сына прогналъ на службу, сталъ, какъ султанъ турецкій: полонъ домъ былъ у него дѣвокъ. Даже и совсѣмъ недоростки были. Помнилъ Илья, какъ кинулся на барина съ сапожнымъ ножомъ столяръ Игнашка, да промахнулся, и былъ увезенъ въ острогъ. Но сталъ баринъ хирѣть и терять силы. Тогда водили къ нему особо приготовленныхъ дѣвокъ: парили ихъ въ жаркой банѣ и сѣкли яровой соломой, оттого приходили онѣ въ ярое возбужденіе и возвращали тирану силы.

Тяжело и стыдно было Ильѣ смотрѣть на такія дѣла, но по своей обязанности состоялъ онъ при баринѣ неотлучно. Даже требовалъ отъ него баринъ ходить нагимъ и смотрѣть весело. А онъ закрывалъ отъ стыда глаза. Тогда приказывалъ ему баринъ-тиранъ дѣлать разныя непотребства, а самъ сидѣлъ на креслѣ, сучилъ ногами и курилъ трубку.

Было тогда Ильѣ двѣнадцать лѣтъ.

Какъ-то лѣтомъ поѣхалъ баринъ глядѣть мельницу на Проточкѣ, — прорвало ее паводкомъ. Рѣдко

выбирался онъ изъ дому, а Илья все надумывалъ, какъ бы сходить въ монастырь, помолиться, — ждалъ случая. И вотъ, не сказавъ ни отцу, ни ключницѣ — старухѣ Фефёлихѣ, въ стыдѣ и скорби, побѣжалъ на Вышата-Темное, въ Высоко-Владычній монастырь: слыхалъ часто и отъ дворовыхъ и отъ прохожихъ людей, что получаютъ тамъ утѣшеніе.

Послѣ обѣдни онъ остался въ храмѣ одинъ и сталъ молиться украшенной лентами золотой иконѣ. Какой — не зналъ. И вотъ, подошла къ нему старушка-монахиня и спросила съ лаской:

— Какое у тебя горе, мальчикъ?

Илья заплакалъ и сказалъ про свое горе. Тогда взяла его монахиня за руку и велѣла молиться такъ: «Защити-оборони, Пречистая!» И сама стала молиться рядомъ.

— А теперь ступай съ Богомъ. Скушай просвирку, и укрѣпишься.

Дала изъ мѣшочка просвирку, перекрестила и вывела изъ храма. И легко стало у Ильи на сердцѣ.

Всю дорогу — пятнадцать верстъ — сосновымъ боромъ весело прошелъ онъ, собирая чернику, и пѣлъ пѣсни; и кто-то шелъ съ нимъ кустами и тоже пѣлъ. Должно быть, это былъ отзвукъ. И вовсе не думалось ему, что воротился съ мельницы баринъ и хлопаетъ въ ладони — кличетъ. Только подходитъ къ лавамъ на Проточкѣ, — выскочила изъ кустовъ Любка Кривая, которой проткнулъ баринъ глазъ, выпынивая изъ-подъ лѣстницы, куда она отъ него забилась, обхватила Илью за шею и затрепала:

— Илюшечка миленькій, красавчикъ! Утопъ нашъ Жеребецъ проклятущій на мельницѣ, не по своей волѣ! Туточки верховой погналъ на деревню, кричалъ...

Завертѣла его, какъ бѣшеная, зацѣловала. Возрадовался Илья въ сердцѣ своемъ и не сказалъ никому про свою молитву.

Положилъ Господь на вѣсы Правды Своей слезы рабовъ и покаралъ тирана напрасной смертью.

Всю жизнь снился Ильѣ старый баринъ: мурластый, лысый, съ закатившимися подъ лобъ глазами, въ заплеванномъ халатѣ, съ волосатой грудью, какъ у медвѣдя, и ногами въ шерсти. И всю свою недолгую жизнь говорилъ Илья въ тягостную минуту старухину молитву.

II

Сталъ на власть молодой баринъ, гвардіи поручикъ Сергій Дмитріевичъ. Пріѣхалъ изъ Питера — при старомъ баринѣ бывалъ рѣдко — и завелъ псовую охоту на удивленье всѣмъ. Стало при немъ много веселѣй. Старый медвѣдемъ жилъ, не водился съ сосѣдями; а молодой погналъ пиры за пирами. Завелъ пѣсельниковъ и трубачей, поставилъ на островкѣ «павильонъ любви» и перекинулъ мостки. Стали плавать на прудахъ лебеди.

Опять отошелъ Илья къ отцову дѣлу: расписывалъ на бесѣдкахъ букеты и голячковъ со стрѣлками — амуровъ. Не хуже отца работалъ.

Добрый былъ молодой баринъ, не любилъ сѣчь; а сказалъ:

— Надо васъ, дураковъ, грамотѣ всѣхъ учить: ученье — свѣтъ!

Призвалъ молодого дьячка Каплюгу съ погоста да заштатнаго дьякона, пьяницу Безносаго — провалился у него носъ — и приказалъ гнать науку на всѣхъ дворовыхъ — стариковъ и ребятъ. Вырѣзалъ

себѣ Безносый долгую орѣшину и доставалъ до лысины самаго задняго старика, у котораго и зубовъ уже не было. Плакали въ голосъ старики, молили барина ихъ похерить. А Безносый доставалъ орѣшиной и гнусилъ:

— Не завиствуй господской долѣ! Господская наука всѣмъ мукамъ мука!

Кончилось обученье: нашли Безносаго подъ мостками въ Проточкѣ, у полыньи: разбился во хмелю будто.

Выучился Илья у Каплюги бойко читать Псалтырь и по гражданской печати; и писать и считать выучился отмѣнно. Пришелъ баринъ прослушать обученье и подарилъ Ильѣ за старанье холста на рубаху, новую шапку къ зимѣ и гривну мѣди на подмонастырскую ярмарку, что́ бываетъ на Рождество Богородицы.

Памятна была Ильѣ та первая гривна мѣди.

Пригоршню сладкихъ жемковъ, корецъ имбирныхъ пряниковъ и полную шапку синей и желтой рѣпы накупилъ онъ на ярмаркѣ; три раза проползалъ подъ икону за крестнымъ ходомъ и щей монастырскихъ съ сомовиной наѣлся досыта. Слушалъ слѣпцовъ, наглядѣлся на медвѣдя съ кольцомъ въ ноздрѣ. Помнилъ до самой смерти тотъ ясный, съ морозцемъ, день, засыпанныя кистями рябины у монастырскихъ воротъ и пушистыя георгины на образахъ. А когда возвращался съ народомъ черезъ сосновый боръ, — вольно отзывался боръ на разгульные голоса парней и дѣвокъ. Пѣли они гулевую пѣсню, перекликались. Запретная была эта пѣсня, шумная: только въ лѣсу и пѣли.

Пѣли-спрашивали — перекликались:

С'отчево вьюгой-метелюшкой мететъ?
С'отчево не всѣ дорожки укрыётъ?
Одну-ю и вюжинà не беретъ!
А какую вьюжинà не беретъ?
Всю каменьемъ умôщеную,
Все кореньемъ да съ хвощиною!
А какую метелюга не мететъ?
Ой, скажи-ка, укажи, лѣсъ-боръ!
Самаю ту, чтò на барскай дворъ!

Радовался Илья, выносилъ подголоскомъ, набиралъ воздуху, — ударятъ сейчасъ всѣ дружно. Такъ и заходитъ боръ:

Чтобъ ей не было ни хожева,
Ой, ни хожева, ни ѣзжева!
Ай, вьюга-метелюга, заметай!
Ай, дѣвки, русы косы расплетай!

Минуло въ ту осень Ильѣ шестнадцать лѣтъ.

III

Прошло половодье, стала весна, — и въ монастырѣ начали подновлять соборъ. Пріѣхала къ барину съ поклонами обительская мать-казначея, — ѣздила пò округѣ, — не отпуститъ-ли для малярной работы чистой умѣлаго мастера, Шаронова Терёшу? Охотно отпустилъ баринъ: святое дѣло.

Лежало сердце Ильи къ монастырской жизни: тишина манила. Хорошъ былъ и колокольный наборъ и вызвонъ: пріѣзжалъ обучать звонамъ знаменитый позаводскій звонарь Иванъ Куня и обучилъ хорошо слѣпую сестру Кикилію. Умѣла она выблаговѣстить на подзвонѣ — «Свѣте Тихій».

Ужъ собираться было отцу уходить въ монастырь на работу, и баринъ сталъ собираться въ отъѣздъ, въ степное имѣніе, до осенней охоты. Тогда нашла на Илью смѣлость. Примѣтилъ онъ — по-

шелъ баринъ утречкомъ на пруды кормить лебедей, понесла за нимъ любимая дѣвка, Сонька Лупоглазая, пшенную кашу въ шайкѣ. Подобрался Илья кустами, сталъ выжидать тихой минутки.

Веселый стоялъ баринъ на бережку, у каменнаго причала, гдѣ рѣзныя, Ильей покрашенныя лодки для гулянья, швырялъ пшенную кашу въ бѣлыхъ лебедей, а они радостно били крыльями. Такое было кругомъ сіяніе!

Въ китайскій красный халатъ былъ одѣтъ баринъ, съ золотыми головастыми змѣями, и золотая мурмолка сіяла на головѣ, какъ солце. Такъ и сіялъ, какъ икона. И день былъ погожій, теплый, полный весенняго свѣта — съ воды и съ неба. Какъ въ снѣгу, бѣлый былъ островокъ въ черемуховомъ цвѣтѣ. Стучали ясными топорами плотники на мосткахъ, выкладывали перильца бѣлой березой.

Услыхалъ Илья, какъ говоритъ весело баринъ:

— Лебедь есть птица боговъ, Сафо. Помни это. Они полны благородства и красоты. Помни это. Поиграй на струнахъ.

Радовался Илья. Зналъ, что въ духѣ сегодня баринъ, если разговариваетъ съ Сафо — Сонькой Лупоглазой.

Вся въ бѣломъ была Сафо, какъ отроковица на иконѣ въ монастырѣ, съ голубками. Приказалъ ей баринъ надѣвать бѣлый саванъ, распускать чрные волосы по плечамъ, на голову вздѣвать золотое кольцо, а на ногахъ носить съ ремешками дощечки. Приказалъ бѣлить румяныя щеки и обводить глаза углемъ. Совсѣмъ новой становилась тогда она, какъ на картинкахъ въ домѣ, и любилъ смотрѣть на нее Илья: будто святая. А черезъ плечо висѣли у ней гусли, какъ у царя Давида. Самая красивая была

она, и ее покупалъ еще у стараго барина заѣзжій охотникъ, давалъ пять тысячъ. Такъ говорилъ Спиридошка-поваръ, ея отецъ. Ненужна она была старому барину; слабый онъ былъ совсѣм, а только потому и не продалъ, что очень она была красива тѣломъ, — любилъ сидѣть и смотрѣть. А когда сталъ на власть молодой баринъ, взялъ ее изъ дѣвичьей въ покои, на особое положеніе, и приказалъ называть ее всѣмъ — Сафо. Такъ и звали, подлащивались къ новой любимицѣ, а межъ собой стали звать — Сова Лупоглазая. Даже Спиридошка-поваръ, Сонькинъ отецъ, передавая ей блюдо съ любимымъ кушаньемъ барина, бараньими кишками съ кашей, говорилъ уважительно:

— Пожалуйте вамъ, Сафа Спиридоновна, кишочки.

А вслѣдъ плевался и кричалъ на Илью:

— Чего, паршивецъ, смѣешься!

Выбрался Илья на прудовую дорожку и издалёка упалъ на колѣни. Сказалъ:

— Отпустите, баринъ, съ отцомъ... поработать на монастырь!

Зналъ Илья, — никогда баринъ сразу не обернется, а все слышитъ. Покормилъ баринъ лебедей, вытеръ о халатъ руки и приказалъ подойти ближе. Сказалъ:

— Это ты, грамотей? — и погладилъ по головѣ. — Ты красивый парень. Скажи, Сафо... любятъ его дѣвки?

Сафо закатила глаза, — училъ ее такъ баринъ, — выставила ногу и сказала нараспѣвъ въ небо:

— О, не знаю-съ, баринъ!

Испугался Илья: разсердился баринъ, не пустить его въ монастырь на работу. А баринъ затопалъ и замахалъ руками:

— Дура! Не баринъ — надо, а го-спо-динъ! Такъ говорили греки! Слушай: «не знаю, о, мой господинъ». — Въ монастырь работать? А ну, что скажешь, Сафо?

Тогда Илья съ мольбой посмотрѣлъ на Сафо, и его глаза застлало слезами. И опять испугался. Сказала Сафо опять:

— О... можно, баринъ!

Затопалъ баринъ еще пуще.

— Ахъ ты, ду-ра утячья! Пошла, пошла!... Выучись по моей запискѣ съ Петрушкой... Постой... Повтори: «отпусти его, о, господинъ мой»! И поиграй на струнахъ.

Обрадовался Илья: она ладно сказала, отвернувъ голову, и позвонила на гусляхъ.

— Ступай, — сказалъ баринъ. — Благодари ее за вкусъ манеръ. А то бы не работать въ монастырѣ. Ей обязанъ!

До самой смерти помнилъ Илья то свѣтлое утро съ лебедями и бѣдную, глупенькую Сафо-Соньку. Не скажи она ладно — было бы все другое.

IV

Радостно трудился въ монастырѣ Илья.

Еще больше полюбилъ благолѣпную тишину, тихій говоръ и святые на стѣнахъ лики. Почуялъ сердцемъ, что можетъ быть въ жизни радость. Много горя и слезъ видѣлъ и чуялъ Илья и испыталъ на себѣ; а здѣсь никто не сказалъ ему худого слова. Святымъ глядѣлось все здѣсь: и цвѣты, и люди. Даже

обгрызанный черный ковшикъ у святого колодца. Святымъ и ласковымъ. Кротко играло солнце въ позолотѣ иконъ, тихо теплились алые огоньки лампадъ... А когда взывала тонкимъ и чистымъ, какъ хрусталекъ, дѣвичьимъ голоскомъ сестра подъ темными сводами низенькаго собора — «изведи изъ темницы душу мою»! — душа Ильи отзывалась и тосковала сладко.

Расписывали соборъ заново живописные мастера-вязниковцы, изъ села Холуя, знатоки уставного ликописанія. Облюбовалъ Илью главный въ артели, старикъ Арефій, за пригожесть и тихій нравъ, приглядѣлся, какъ работаетъ Илья мелкой кистью и чертитъ углемъ, и подивился:

— Да братики! да голубчики! Да гдѣ-жъ это онъ выучку-то заполучилъ?!

И показывалъ радостно и загрунтовку, и какъ наводить контуръ, и какъ вымѣрять лики. Восклицалъ радостно:

— Да братики! да вы на чудо-те Божіе поглядите! да онъ же не хуже-те моего знаетъ!

Дивился старый Арефій: только покажешь, а Ильѣ будто все извѣстно.

Проработалъ съ мѣсяцъ Илья — поручилъ ему Арефій писать малые лики, а на большихъ — одѣяніе. Училъ уставно:

— Святому вохры-те не полагается. Ни киновари, ни вохры въ бородку-те не припускай, нѣтъ рыжихъ. Одинъ Іуда рыжій!

Выучился Илья зракъ писать, бѣлильцами свѣтлую точечку становить, безъ циркуля, отъ руки, нимбикъ класть. Крестился Арефій отъ радости:

— Да вы, братики, поглядите! да кокой же золотой палецъ! Да это же другой Рублевъ будетъ!

Земчугъ въ новозѣ обрѣлъ, Господи! — пооквивалъ Арефій, допрашивалъ маляра Терёшку: — Да откудова онъ у те взялся?

Смотрѣлъ Терёшка, посмѣивался:

— По седьмому году онъ у меня сани расписывалъ глазками павлиньими, по восьмому варабеску у потолку наводилъ!

Приходили монахини, подбирали блѣдныя губы, покачивали клобуками:

— Благодать Божія на немъ... произволеніе!

Стыдливо смотрѣлъ Илья, думалъ: такъ, жалѣетъ его Арефій. Радостно давалась ему работа. За что же хвалитъ? Сказалъ Арефію:

— Мнѣ и труда нимало нѣту, одна радость.

Растрогался Арефій до слезъ и открылъ ему первому великій секретъ — невыцвѣтающей киновари:

— Яичко-те бери свѣжехонечкое, изъ-подъ курочки прямо. А какъ стирать съ киноварью будешь, сушь бы была погода... ни оболочка! Небо-те какъ Божій глазокъ чтобы. Капелечки водицы единой — ни Боже мой! да не дыхай на красочку-те, ротокъ обвяжи. Да про себя, голубокъ, молитву... молитовочку шопчи: «Кра-а-суйся — ликуй и ра-а-дуйся, Іерусалиме!»

Самъ все нашептывалъ-напѣвалъ эту кроткую, радостную пѣснь Церкви, когда выписывалъ въ слабомъ свѣтѣ, подъ куполомъ, стараго Бога-Саваоѳа, маленькій и легкій, какъ мошка.

Уже старый-старый былъ онъ, съ глазками-лучиками, и, смотря на него, думалъ Илья, что такіе были старенькіе угодники — Сергій и Савва, особо почитаемые Арефіемъ.

Стояла въ монастырскомъ саду караулка, — одинъ срубъ, безъ настила, — крытая по жердямъ со-

ломой. Тутъ и жили живописные мастера, а обѣдать ходили въ трапезную палату.

Еще когда цвѣли яблони, въ первые дни работы, вышелъ Илья изъ караулки на восходѣ солнца. Весь бѣлый былъ садъ, въ слабомъ свѣтѣ просыпающагося солнца, и хорошо пѣли птицы. Такъ хорошо было, что переполнилось сердце, и заплакалъ Илья отъ радости. Сталъ на колѣни въ травѣ и помолился по-утреннему, какъ зналъ: учила его скотница Агафья. А когда кончилъ молитву, услыхалъ тихій голосъ: «Илья!» И увидалъ бѣлое видѣніе, какъ мыльная пѣна или крутящаяся вода на мельницѣ. Одинъ мигъ было ему это видѣніе, но узрѣлъ онъ будто глядѣвшіе на него глаза... Въ страхѣ приникъ онъ къ травѣ и лежалъ долго. И услыхалъ — окликаетъ его Арефій:

— Ты что, Илья?

Поднялся Илья и разсказалъ Арефію: видѣлъ глаза, такіе, какихъ ни у кого нѣтъ.

— Ну, какіе? — допытывался Арефій.

— Не знаю, батюшка... такихъ ни у кого нѣту...

Могъ, защурясь, вызвать эти глаза, а сказать не могъ.

— Строгіе, какъ у Николы-Угодника? У Ильи-Пророка? — все допытывался встревоженный Арефій.

— Нѣтъ, другіе... черезъ нихъ видно... будто и во весь садъ глаза, свѣтленькіе...

Покачалъ задумчиво головой Арефій: такъ, со сна показалось. Не повѣрилъ. А Илья весь тотъ день ходилъ, какъ во снѣ, и боялся, и радовался, что было ему видѣніе: слыхалъ, какъ читали монахини въ трапезной Житія, что бываютъ видѣнія къ смерти и послушанію.

Съ этого утра положилъ Илья на сердцѣ своемъ — служить Богу. Только не разумѣлъ — какъ.

Ласково жили въ монастырѣ: ласку любилъ Арефій. Всѣхъ называлъ — братики да голубчики, подбадривалъ нерадивыхъ смѣшкомъ да шуткой. Много зналъ онъ ласково-радостныхъ сказочекъ про святыхъ, чего не было ни въ одной книгѣ: почему у Миколы глаза строгіе, какъ октябрь мѣсяцъ, почему Касьянъ — рѣдкій именинникъ, а Ипатія пишутъ съ тремя морщинками. Обвѣвало все это благостной теплотой мягкое Ильино сердце.

Спрашивалъ Илья Арефія:

— А почему мученики были греки а то рымляне... а нашихъ нѣту?

— А вотъ тебѣ царь Борисъ-Глѣбъ, наши! Митрополитъ Филиппъ... Димитрій-Царевичъ!

— А мужики-мученики, какіе?

— Какіе? А погоди...

Припоминалъ Арефій: юродивые, блаженные, столпники, преподобные...

Не могъ вспомнить. Слушалъ малярь-Терёшка, посмѣивался:

— Краски, дядя Арефій, про всѣхъ не хватитъ... много насъ больно. Потому и не пишутъ!.. Да и образина-то... рыломъ не вышли!..

Разсердился Арефій, поморщился:

— Ты этимъ не шути, братикъ!

Августъ подходилъ, краснѣли по саду яблоки. Заканчивалась живописная работа. Загрустила душа Ильи. Когда спали послѣ трапезы мастера, и замирало все въ тишинѣ монастырской, уходилъ Илья въ старый соборъ, забирался на лѣса, подъ куполъ, гдѣ дописывалъ Арефій Саваоѳа съ Ангелами и бѣлыми голубями у подножія облаковъ. Сидѣлъ въ тишинѣ

соборной. Вливались въ соборъ черезъ узкія рѣшетчатыя оконца солнечные лучи-потоки, а со стѣнъ строго взирали мученики и святые. И подумалось разъ Ильѣ: всѣ лики строгіе, а какъ же въ Житіяхъ писано, — читали монахини за трапезой, — что всѣ радовались о Господѣ? Задумался Илья, и вдругъ услыхалъ онъ, какъ зашумѣло-зазвенѣло у него въ ушахъ кровью, и заиграло сердце. Вспомнилъ онъ, что скоро уйдетъ Арефій, и захотѣлось ему сдѣлать на прощанье Арефію радость. Тогда, весь сладко дрожа, помолился Илья на Бога-Саваоѳа въ облакахъ и евангелисту Лукѣ, самому искусному ликописному мастеру, — помнилъ наказъ Арефія, — отпилилъ сосновую дощечку, загрунтовалъ, — и утвердилась его рука. Недѣлю, втайнѣ, работалъ онъ подъ куполомъ въ послѣобѣденный часъ.

И вотъ, наступилъ день прощанья: уходилъ Арефій съ мастерами, и онъ съ отцомъ — къ своему мѣсту. Тогда, выбравъ время, какъ остались они вдвоемъ на лѣсахъ, подалъ Илья съ трепетомъ и любовью Арефію икону преп. Арефія Печерскаго.

Взглянулъ Арефій на иконку, вскинулъ красные глазки съ лучиками на Илью и вскричалъ радостно:

— Ты, Илья? !

— Я... — тихо скзалъ Илья, озаренный счастьемъ. — Порадовать тебя, батюшка, помнить про меня будешь...

Заплакалъ тогда Арефій. И Илья заплакалъ. Не было никого на лѣсахъ, подъ куполомъ, только сѣдой Саваоѳъ сидѣлъ на облакахъ Славы. Сказалъ Арефій:

— Да что же ты, голубокъ, сдѣлалъ-то! Ты меня... самоличнаго... въ преподобнаго вообразилъ! Грѣшника-те... о, Господи!

Ничего не сказалъ Илья. Все было писано по уставу ликописанія: схима, церковка съ главками и пещерка у ногъ преподобнаго, — все вызналъ Илья отъ Арефія, какое уставное ликописаніе его Ангела. Только ликъ взялъ Илья отъАрефія: розовыя скульцы, красные, сіяющіе лучиками глаза и сѣдую рѣденькую бородку.

Показалъ мастерамъ Арефій: посмѣялись,—живой Арефій.

— То портретъ церковный .... — раздумчиво сказалъ Арефій. — Не съ нами тебѣ, Илья ... Плавать тебѣ по большому морю.

Путь ихъ лежалъ на Муромъ, и пошли они на Ляпуново, лѣсомъ. Всю дорогу шелъ Илья по кустамъ, набиралъ для Арефія малину, переживая тяжелую разлуку. Въ слезахъ говорилъ Арефій:

— Господи, великую радость являешь въ человѣкѣ. Не могу такъ уйти: пойду, Илья, сказать твоему барину. Не могу тебя такъ оставить.

— Уѣхалъ далече баринъ ... — сказалъ Илья.

А когда показалось за Проточкомъ высокое Ляпуново съ прудами и барскимъ домомъ, ухватился Илья за Арефія и заплакалъ въ голосъ. Постояли минутку молча, и сказалъ Арефій:

— Плавать бы тебѣ, Илья, по большому морю!

И разошлись. И никогда больше не встрѣтились. Ушли мастера на Муромъ.

V

Осенью воротился со степей баринъ и привезъ лису чернобурую, дѣвку-цыганку. Прогналъ съ глазъ встрѣтившую его Соньку-Сафо и приказалъ

всѣмъ почитать цыганку за барыню, называть Зоя Александровна.

Была та Зойка-цыганка вертлявая, худящая, какъ оса, и злая. Когда злилась — гикала по всему дому, визжала по-кошачьи и лупила по щекамъ дѣвокъ. Вытрясла изъ сундуковъ старыя шали, шелка и бархаты, раскидала по всему дому, даже на стѣны вѣшала. Загоняла старую ключницу Фофёлиху. Возами возили изъ города и сукна, и штофъ, и парчу, и всякіе наряды, а Зойка валялась по полу въ лентахъ и вызванивала на гитарѣ. Дивились люди, что даже барина по щекамъ лупитъ: опоила.

Тутъ пришла на Илью напасть: велѣлъ баринъ при столѣ стоять въ полномъ парадѣ. Надѣлъ Илья красный камзолъ, бѣлый парикъ съ косицей, зеленые чулки и туфли съ пряжками, и кисейный галстукъ. Увидала его цыганка и закатилась смѣхомъ:

— Марькизъ-то вшивый!

И баринъ сталъ звать, и дворовые, и даже мальчишки на деревнѣ кричали:

— Марькизъ-то вшивый!

Было Ильѣ обидно непонятное слово. Днями сидѣлъ онъ въ лакейской и плакалъ втайнѣ, вспоминая Арефія.

Тутъ пришло на него горшее искушеніе.

Уѣхалъ баринъ на медвѣжью охоту, на цѣлую недѣлю. Садилась Зойка за столъ одна, въ красныхъ шаляхъ, пила стаканами ренское вино. Упилась разъ до злости, обожгла Илью черными глазами и приказала пить за ея здоровье. Никогда не пилъ Илья вина — грѣха боялся. А тутъ поскидала съ себя Зойка красныя шали, оголилась до пояса, подтянула подъ темныя груди алую ленту съ нанизанными червонцами и уставилась на Илью глазища-

ми. Опустилъ Илья глаза въ полъ отъ искушенія. А она притянула его за руку къ себѣ и заворожила глазами-змѣями. Поглядѣлъ Илья на ея жаркія губы и убѣжалъ въ страхѣ отъ соблазна. А она смѣялась.

Понялъ тогда Илья, что послано ему искушеніе, помолился Страстямъ Господнимъ и укрѣпился.

Послѣ обѣда повалилъ снѣгъ, и зашумѣла на дворѣ метелюга. Тогда крикнула Ильѣ Зойка — топить самый большой каминъ, Львиную Пасть, приказала ему сидѣть при огнѣ неотлучно и замкнула его въ опочивальной. Понялъ тогда Илья, что идетъ на него новое искушеніе. Сталъ на колѣни и помолился Іоанну Кіевскому. И слышитъ:

— Ступай, Фефёлиха, въ банью!

Вошла Зойка въ опочивальную, а дверь замкнула. Стало въ опочивальной жарко. Тогда выбѣжала Зойка изъ-за ширмы, босая и обнаженная, ухватила Илью сзади за шею и потребовала имѣть съ ней грѣхъ. Но совладалъ Илья съ искушеніемъ: схватилъ горящую головешку и ткнулъ ею въ голую грудь блудницы. Слышалъ только визгъ неистовый, похожій на кошачій, и уже ничего не помнилъ. Очнулся и видитъ: сидитъ онъ въ своей каморкѣ, на тюфякѣ, а на дворѣ ночь черная, и шумитъ метелюга. Пришла старая Фефёлиха и смѣется:

— Змѣя-то наша спьяну на головешку упала, ожглась.

Не сказалъ Илья про искушеніе. Не трогала его съ той поры Зойка. А на масленицѣ повезъ баринъ Зойку въ Кіевъ, на ярмарку, а воротился одинъ: пропала она безъ вѣсти.

Понялъ тогда Илья, что послана была ему Зойка-цыганка для искушенія: ему и барину.

Сталъ послѣ того баринъ тихій. Даже на охоту пересталъ ѣздить, а приказалъ открыть большой шкапъ съ книгами, — не помнилъ Илья, когда его открывали, — и сталъ читать съ утра до вечера. Сталъ читать и Илья, и читалъ съ охотой. И узналъ много новаго о жизни и людяхъ.

И вдругъ баринъ совсѣмъ перемѣнился. Призвалъ Гришку Патлатаго, портного, и велѣлъ шить на него власяницу. Не зналъ Гришка, какая бываетъ власяница, и сшилъ онъ халатъ изъ колючаго войлока. Надѣлъ баринъ халатъ на голое тѣло и подпоясался веревкой. Сказалъ Ильѣ:

— Надо спасать душу.

Тогда попросилъ Илья, чтобы дозволилъ баринъ и ему надѣть власяницу. И стали они вести жизнь подвижническую. Будилъ баринъ по ночамъ Илью и наказывалъ читать Псалтырь. А самъ становился на колѣни, на горку крупы съ солью, и стоялъ до утра.

Недѣли двѣ такъ молился баринъ. Радовался Илья. И перемѣнилось вдругъ.

Ночью было. Читалъ Илья изъ псалма любимое: ... «азъ возьму крылѣ моя рано и вселюся въ послѣднихъ моря ...» — какъ баринъ крикнетъ:

— Стой, маркизъ! Буди всѣхъ, зови сюда пѣвчихъ дѣвокъ!

Понялъ Илья, что это барину искушеніе, и продолжалъ: «и тамо бо рука Твоя ...» Но еще пуще закричалъ баринъ. Тогда разбудилъ Илья пѣвчихъ дѣвокъ. Собрались дѣвки въ бѣлыхъ покрывалахъ, какъ, бывало, Сафо ходила, и запѣли сонными голосами любимую баринову «Венеру»:

Единъ младъ охотникъ
Въ полѣ разъѣзжаетъ,
Въ островахъ лавровыхъ
Нѣчто примѣчаетъ...
Венера-Венера!
Нѣчто примѣчаетъ.

Не далъ имъ кончить баринъ, приказалъ выдать сушенаго чернослива и спать ложиться. Сказалъ:

— Опостылѣли вы мнѣ, головы утячьи! Не умѣете жизни радоваться, и мнѣ черезъ васъ радости нѣт. Уѣду отъ васъ на край свѣта. А съ собой Илюшку возьму за камердинера. Сшить ему камзолъ сѣрый съ золотыми пуговицами! И пошли всѣ вонъ!

Пошелъ Илья въ свою каморку, при лакейской, подъ лѣстницей. И ужъ взялъ было иконку мученика Терентія, отцу дописывать, — по ночамъ втайнѣ работалъ, — отворилась дверь, и спросилъ баринъ:

— Это что такое, огонь горитъ?!

Тогда въ страхѣ признался Илья въ слабости своей: сказалъ, что по ночамъ только трудится, а днемъ выполняетъ положенное. Взял баринъ иконку, увидалъ, что похожъ мученикъ на маляра Терёшку, и сказалъ, поднявъ руки:

— Ты, дуракъ, и не понимаешь, что ты геній! Но ты и негодяй за то, что во святого мученика Терен-тія Терёшку-пьяницу произвелъ!

Потребовалъ показать — еще что писано. Зойку-цыганку призналъ на листѣ, на стѣнкѣ; въ пещерѣ она лежала, какъ Марія Египетская. Сорвалъ со стѣнки и подъ власяницу спряталъ. Призналъ

и себя: сидѣлъ въ золотой коронѣ на высокомъ тронѣ. Вскричалъ грозно:

— Я? въ коронѣ?!

Затрепеталъ Илья и палъ на колѣни, прося прощенія. Но не разсердился баринъ, далъ поцѣловать руку и сказалъ милостиво:

— Перстъ Божій меня привелъ. Значитъ, долженъ я тебя повезти въ науку. Петръ Великій посылалъ дураковъ за море учиться, вотъ и я тебя повезу. Пусть знаютъ, какіе у насъ русскіе геніи даже изъ рабовъ! Спи и не страшись наказанія.

И обрадовался Илья, что такъ обернулось. Потому что хотѣлъ онъ написать Діоклетіана-гонителя и мучениковъ, а не успѣлъ написать и имя-рекъ не вывелъ.

VI

Весна пришла, а все готовили барина въ дальнюю дорогу. Налаживали кузнецы и каретники дорожную раскидную коляску: и спать, и принимать пищу, и всячески прохлаждаться можно было въ той раскидной коляскѣ: потому и называлась она — *ладно́*.

Отпѣли Пасху. Полный расцвѣтъ весны былъ. Забѣлѣло черемухой кругомъ пруда. Прощался Илья со всѣми. И на пруду посидѣлъ, и съ лошадьми попрощался. Сбѣгалъ на скотный дворъ къ теткѣ — поплакать передъ разлукой. Утѣшала его тетка Агафья — барская воля, покоришься. Творожку въ узелочкѣ дала ему на дальнюю дорогу и мѣди пятакъ на свѣчку Угоднику Миколѣ: въ дальнихъ краяхъ мощи его нетлѣнно почиваютъ, кто и ука-

жетъ, можетъ. У отца попросилъ благословенія и со слезами простился: тяжко больной другой мѣсяцъ лежалъ маляръ-Терёшка, отнялись у него ноги. Заплакалъ Терёшка — никогда раньше не видалъ Илья, какъ отецъ плачетъ: всегда смѣялся. И Спиридошкѣ-повару поклонился въ ноги, благодарилъ за ласку: давалъ ему Спиридоша барскіе кусочки. Сбѣгалъ и на погостъ, къ Каплюгѣ...

Сказалъ ему Каплюга:

— Есть въ городѣ всесвѣтномъ, именуемомъ Рымъ-городъ, самый главный соборъ, и сидитъ въ томъ соборѣ Папа Рымскій, за Христа почитаемый. Всѣмъ велитъ цѣловать ногу. Ту ногу не цѣлуй, смотри.

Далъ ему Каплюга четвертакъ серебряный — на свѣчу Петрову Гробу, сказалъ:

— Кто Петрову Гробу свѣчу поставитъ — въ рай попадетъ. За грамоту мою услужи.

Сбѣгалъ и въ монастырь Илья: обернулъ за ночь. Горячо помолился въ утрени... А какъ бѣжалъ обратно лѣсной дорогой — простился съ лѣсомъ. Новымъ показался ему тотъ лѣсъ, въ новыхъ иглахъ, въ бѣлой калинѣ, въ весело зеленѣвшемъ орѣшникѣ. Соловьи заревые щелкали по оврагамъ. И соловьямъ говорилъ — прощайте, и ключику-кадушкѣ въ логу, и ястребамъ въ небѣ. И будто слышалъ Илья, какъ говоритъ ему лѣсъ: воротишься.

Приказалъ баринъ служить въ церкви молебенъ «въ путь шествующимъ». Согналъ бурмистръ «Козутопъ Иванычъ» на проводы всю деревню. Послѣ молебна объявилъ баринъ мужикамъ, что не для радости какой ѣдетъ, а отъ великой скорби: скушно

ему глядѣть на темную жизнь, никогда веселаго лица не видить.

— Ворочусь — новую церковь, просторную, выведу для васъ. А вотъ обучу тамъ Илью, — онъ и распишетъ... Будете веселѣй молиться.

Взялъ въ дорогу, чтобы не скучно было, глупенькую Сафо-Соньку, приказалъ надѣть цыганкино платье и зеленую тальму. И поѣхали, провожаемые верховыми до большого тракта.

Пошли чужія села и деревни, и лѣса, и города, большіе и малые. Ново и радостно было Ильѣ все это. Налетали ливни и грозы, жарило солнцем и обсушивало вѣтрами. Дни и ночи смотрѣлъ Илья съ валкаго мѣстечка на козлахъ — радовался. Не случилось въ пути до самой границы никакого лиха, и отпустилъ домой баринъ силача шорника Панфила съ пистолетомъ, свою охрану. Одно случилось, сильно опечалившее Илью: у самой границы пропала Сафо, какъ камень въ воду. Пошла въ городкѣ покупать барину чулки шерстяные, необыкновенные, — проѣзжіе все хвалили, — повелъ ее старый полякъ-дѣляга, — и пропала. Три дня простояли въ томъ городкѣ, у городничаго жили, всѣ мѣста непотребныя обыскали. Пропала Сафо, какъ въ воду камень. Сказалъ баринъ:

— Туда ей и дорога, шельмѣ! Такъ и зналъ, какая у ней повадка.

Поплакалъ Илья на своемъ мѣстечкѣ, а потомъ вспомнилъ, какъ перешептывался съ Сафо Панфилъ-шорникъ, какъ онъ же сыскалъ и того поляка-дѣлягу, и подумалъ: можетъ, ушли въ нѣмецкую землю. Не сказалъ барину: можетъ, тамъ лучше будетъ.

VII

Четыре года прошло, и были эти четыре года, какъ сонъ свѣтлый: затерялась въ немъ далекая Ляпуновка.

Снились — были новая земля и новое небо. А свѣтлѣе всего была давшаяся нежданно воля: иди, куда глазъ манитъ.

Море видѣлъ Илья — синее земное око, горы — земную грудь, и всесвѣтный городъ, который называютъ: Вѣчный. Новыхъ людей увидѣлъ и полюбилъ Илья. Чужіе были они — и близкіе. Радостнымъ, несказаннымъ, раскинулся перед нимъ Міръ Божій — просторъ безкрайній. И новыя надъ нимъ звѣзды. И цвѣты, и деревья — все было новое. И новое надо всѣмъ солнце.

Чужое было, незнаемое — и свое: прилѣпилась къ нему душа. Даже и своего Арефія снова нашелъ Илья, сѣденькаго, быстраго, съ такими же розовыми скульцами и глазами-лучиками. Только свой Арефій хлопалъ себя по бедрамъ и восклицалъ распѣвомъ:

— Да го-лубь ты мо-ой!

А этотъ хваталъ за плечо и вскрикивалъ:

— Браво, руски Иля!

Взлетъ души и взмахъ ея вольныхъ крыльевъ позналъ Илья и неиспиваемую сладость жизни. Изливалась она, играла: и въ свѣтѣ новаго солнца, и въ сладостныхъ звукахъ церковнаго органа, и въ бѣлыхъ лиліяхъ, и въ неслыханномъ перезвонѣ колоколовъ. Переливалась въ его глаза со стѣнъ соборовъ, съ бѣлыхъ гробницъ, съ безцѣнныхъ полотенъ сокровищницъ. Новыя имена узналъ и полюбилъ Илья: Леонардо и Микель-Анджело; Тиціана и Ру-

бенса; Рафаэля и Тинторетто.... Камни старые узналъ и полюбилъ Илья, и приросли они къ его молодому сердцу.

Годъ учился онъ въ городѣ Дрезденѣ, у русскаго рисовальщика Ивана Михайловича.

Непонятно было Ильѣ тогда: вольный былъ человѣкъ Иванъ Михайловичъ и сильно скучалъ по родинѣ, а ѣхать не могъ. Обласкалъ его этотъ человѣкъ, какъ родного, говорилъ часто:

— Помни, Илья: народъ породилъ тебя — народу и послужить долженъ. Сердце свое слушай.

Не понималъ Илья, какъ народу послужить можетъ. А потомъ понялъ: послужить работой.

Прошелъ годъ. Сказалъ Ильѣ рисовальщикъ:

— Больше тебѣ отъ меня нечего взять, Илья. Велико твое дарованіе, и сердце твое лежитъ къ духовному. Такъ и напишу владѣтелю твоему. А совѣтъ мой тебѣ такой: наплюй на своего владѣтеля, стань вольнымъ.

Тогда сказалъ ему Илья, удивленный:

— Если я уйду тайно отъ барина, какъ могу я воротиться на родину и послужить своему народу? Скитаться мнѣ тогда, какъ бродягѣ. Я на дѣло повезенъ бариномъ: обучусь — распишу церковь. Вотъ и послужу родному мѣсту.

Опредѣлилъ его тогда баринъ въ живописную мастерскую въ городѣ Римѣ, къ ватиканскому мастеру Терминелли. Работалъ у него Илья три года.

Былъ онъ красивый юноша и нѣжный сердцемъ, и всѣ товарищи полюбили его. Были они парни веселые и не любили сидѣть на мѣстѣ. Прозвали они Илью — фанчулла, что значитъ по-русски — дѣвочка, и насильно водили его въ трактиры и на танцы, гдѣ собирались красивыя черноглазыя дѣвушки.

Но не пилъ Илья краснаго вина и не провожалъ дѣвушекъ. Дивились на него товарищи, а дѣвушки обижались. Только одна изъ нихъ, продававшая цвѣты у собора, тихая, маленькая Люческа, была по сердцу, но не посмѣлъ Илья сказать ей. Но однажды попросилъ ее посидѣть минутку и уголькомъ нанесъ на бумагу. Посмѣялись надъ нимъ товарищи:

— Все равно, она у него и такъ живая!

Спрашивали Илью:

— Кто ты, Илья? И кто у тебя отецъ въ твоей холодной Россіи?

Стыдно было Ильѣ сказать правду, и онъ говорилъ глухо:

— Мой отецъ маляръ, служитъ у барина.

И еще стыднѣе было ему, что говоритъ неправду. А они были всѣ вольные и загадывали, какъ будутъ устраивать жизнь свою. Спрашивали Илью:

— А ты, Илья... въ Россію свою поѣдешь?

Онъ говорилъ глухо:

— Да, въ Россію.

На третьемъ году написалъ Илья церковную картину, по заказу отъ господина кардинала. Хлопнулъ его по плечу Терминелли, сказалъ:

— Эта святая Цецилія не хуже Ватиканской! Она лучше, Илья! Она — святая. Нѣтъ, ты не рабъ, Илья!

Поникъ головой Илья: стало ему отъ того слова больно. Понялъ его старый Терминелли, затрепалъ по плечу, заторопился:

— Я хотѣлъ сказать, что ты не берешь отъ другихъ... ты — самъ!

А потомъ видѣлъ Илья, какъ отсылали картину

кардиналу, а въ правомъ уголку стояла черная подпись: Терминелли.

Къ концу третьяго года сталъ Терминелли давать Ильѣ выгодную работу: расписывать потолки и стѣны на подгородних виллахъ. Триста лиръ заработалъ онъ у виноторговца за одну недѣлю и еще двѣсти у мясника, которому написалъ Мадонну. Горячо хвалили его работу. И сказалъ Терминелли:

— Ты — готовый. Теперь можешь ставить на работѣ свое имя. Не ѣзди, Илья, въ Россію. Тамъ дикари, они ничего не понимаютъ.

Сказалъ Илья:

— Потому я и хочу ѣхать.

Сказалъ удивленный Терминелли:

— Здѣсь ты будешь богатый, а тамъ тебя могутъ убить кнутомъ, какъ раба!

Тогда посмотрѣлъ Илья на Терминелли и сказалъ съ сердцемъ:

— Да, могутъ. Но тамъ, если я напишу св. Цецилію, будутъ радоваться, и рука не подымется на меня съ кнутомъ. А на работѣ будетъ стоять мое имя — Илья Шароновъ.

Понялъ Терминелли и устыдился. Далъ Ильѣ пятьсотъ лиръ, но Илья не взялъ.

Сказалъ Терминелли:

— Вотъ ты рабъ, а гордый. Трудно тебѣ будетъ у твоего господина. Оставайся, я дамъ тебѣ самую большую плату.

Но не хотѣлъ никакой платы Илья: томила его тоска по родному.

Все радостное и свѣтлое было въ въ тепломъ краю, гдѣ онъ жилъ. Грубаго слова, ни окрика не услыхалъ онъ за эти три года. Ни одной слезы не видалъ и думалъ — счастливая сторона какая. Пѣсенъ

веселыхъ много послушалъ онъ «пѣли на улицахъ, и на площадяхъ, и на деревенскихъ дорогахъ, и по садамъ, и въ поляхъ. Вездѣ пѣли. А были дни праздниковъ — тогда и пѣли, и кидались цвѣтами. А за крестнымъ ходомъ, — видѣлъ Илья не разъ, — выпускали голубей чистыхъ и жгли огни съ выстрѣлами: радовались.

Но еще больше тянула душа на родину.

Многое множество цвѣтовъ было кругомъ, — бѣлые и розовые сады видѣлъ Илья весною: и лиліи бѣлыя, тихіе цвѣты мучениковъ, и маленькія фіалки, и душистая бѣлая акація, миндаль и персикъ, пахучіе, сладкіе цвѣты апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ, и еще многое множество розъ всякаго цвѣта.

Но весной до тоски тянула душа на родину.

Помнилъ Илья тихіе яблочные сады по веснѣ, милую калину, какъ снѣгомъ заметанныя черемухи и убранныя ягодами раскидистыя рябины. Помнилъ синіе колокольчики на лѣсныхъ полянахъ, восковыя свѣчечки ладанной любки, малиновые глазки-звѣздочки липкой смолянки и пушистыя георгины, которыми убираютъ Животворящій Крестъ. И снѣговые сугробы помнилъ, вьюжные пути, и ледяные навѣсы въ соснахъ. Помнилъ гулъ осеннихъ лѣсовъ, визгъ и скрипъ санный въ поляхъ и звонкій, и гулкій, какъ колоколъ, голосъ мороза въ бревнахъ. Весеннія грозы въ свѣтлыхъ поляхъ и ласковую, милую съ дѣтства радугу.

Бѣдную церковъ видѣлъ Илья за тысячи верстъ, — и не манили его богатые, въ небо тянувшіеся соборы. Закутку въ церкви своей помнилъ Илья, побитую жестяную купель и выцѣлованныя понизу досчатыя иконы въ полинялыхъ лентахъ. Сумрачныя лица

смотрѣли за тысячи верстъ, лохматыя головы не уходили изъ памяти. Ночью просыпался Илья послѣ родного сна и тосковалъ въ одинокихъ думахъ.

Два письма получилъ онъ отъ барина: требовалъ баринъ на работу. Тогда заколебался Илья: новая душа у него теперь, не сможетъ терпѣть, что терпѣлъ и что терпятъ другіе, темные. Откладывалъ день отъѣзда. Да еще разъ позвалъ его старый Терминелли и смутилъ богатой работой: звалъ его на княжескую виллу, работать въ-парѣ.

Сказалъ строго:

— Ты, Илья, человѣкъ неблагодарный. Твою работу будетъ видѣть король Неаполитанскій! Ты сумасшедшій парень, русскій Илья! Я положу тебѣ тысячу лиръ въ мѣсяцъ! Подумай. Придетъ время, и, я даю тебѣ слово: будешь писать портретъ самого Святѣйшаго Отца, Папы! . . . Честь эта выпадаетъ рѣдко.

Смутилась душа Ильи, и сказалъ онъ:

— Дайте, подумаю.

Тутъ случилось: сонъ увидалъ Илья.

Увидалъ Высоко-Владычній монастырь съ садами, будто смотритъ съ горы, отъ лѣса. Выходитъ народъ изъ монастыря съ хоругвями. Тогда спустился Илья съ горы и пошелъ съ народомъ, и пѣлъ пасхальное. Потомъ за старой иконой прошелъ въ соборъ — и нестало народу. И увидѣлъ Илья съ трепетомъ голыя стѣны съ осыпающейся на глазахъ известкой, кучи мусора на землѣ и гнѣзда иконъ, — мерзость и запустѣніе. Заплакалъ Илья и сказалъ въ горѣ: «Господи, кто же это?» Но не получилъ отвѣта. Тогда поднялъ онъ лицо свое къ Богу-Саваоѳу и увидалъ на зыбкой дошечкѣ незнаемаго старца съ кистью. Спросилъ его: «кто такъ надругался надъ

святыней?» Сказалъ старецъ: «Иди, Илья! не надругался никто, а новую роспись дѣлаемъ, по слову Господню». Тогда подумалъ Илья, что надо взять кисти и палитру и сказать, что надо Арефія на работу, а то мало... И запѣлъ радостно: «красуйся-ликуй и радуйся»!..

И проснулся. Слышалъ, просыпаясь, какъ пѣлъ со слезами. И мокры были глаза его. Сказалъ твердо: домой поѣду, было это мнѣ вразумленіе.

И отказался отъ почетной работы.

А вечеромъ пошелъ въ маленькую старенькую церковку, на окраинѣ, у мутнаго Тибра: чѣмъ-то она была похожа на его родную церковь. Часто выстаивалъ онъ тамъ вечерню и любовался на стѣнное писаніе: «Послѣднее Воскресеніе». Стоялъ передъ Богоматерью въ нишѣ, тоскующій и смятенный, и вопрошалъ: надо ли ему ѣхать? И услыхалъ восклицаніе: Pax vobiscum!

Слово это — миръ вамъ! — принялъ Илья, какъ отпускъ. А какъ вышелъ изъ церкви, увидалъ хроменькаго старичка съ ведеркомъ и кистью, вспомнилъ отца и подумалъ: «это мнѣ указаніе».

Собралъ нажитое, что было, и въ концѣ марта мѣсяца — стояла весна цвѣту́щая — тронулся въ путь-дорогу на кораблѣ. Вспомнилъ слово Арефія: «плавать тебѣ, Илья, по большому морю!»

И укрѣпился.

VIII

Въ торговомъ городѣ, который называется Генуя, сѣлъ Илья на большой корабль въ парусахъ, — было у него имя — Летеція; значило это имя —

Радость. И въ этомъ имени добрый знакъ уразумѣлъ Илья.

Товаръ радостный везъ тотъ корабль: цвѣтное венеціанское стекло, тонкія кружева, бархатъ и шелкъ, инжиръ и сладкіе финики и цѣлыя горы ящиковъ съ душистыми апельсинами. Черные греки и веселые итальянцы были на немъ корабельщики и пѣли пѣсни: радовались, что счастливый вѣтеръ. Полными парусами набиралъ кораблъ вѣтеръ, бѣлой раздутой грудью, — только шипѣли волны. Сидѣлъ всѣ дни на носу Илья — любовался моремъ, ловилъ глазами. Во многія гавани заходилъ корабль, чтобы взять товары: коринку, миндаль, бочки вина и пузатыя кипы шерсти.

Радовался на все Илья и думалъ: сколько всего на свѣтѣ! Сколько всякихъ людей и товаровъ, — какъ звѣздъ на небѣ. Сколько радости на землѣ! Думалъ: не случись добраго Арефія — и не зналъ бы. Въ радости свѣтлой плылъ онъ морями, подъ теплымъ солнцемъ, и, какъ въ духовной работѣ, напѣвалъ незабываемое: «красуйся-ликуй и радуйся, Іерусалиме! . .»

У береговъ греческихъ поднялась черная буря, и стало швырять корабль, но не испугался Илья: какъ равный, помогалъ корабельщикамъ свертывать паруса и тянуть канаты. Работалъ и не замѣтилъ, какъ пронесло бурю, и опять засіяло солнце. Усталый, уснулъ Илья на горкѣ сырыхъ канатовъ и видѣлъ сонъ. Ѣдетъ онъ на кораблѣ мимо зеленаго острова, стоитъ на носу, у якоря, и видитъ: плывутъ отъ острова къ кораблю лодки подъ косыми красными парусами, а въ лодкахъ народъ всякій. Стали подходить лодки, и увидалъ Илья, что это не греки и не итальянцы, а свои, ляпуновскіе все: Спи-

ридоша-поваръ, Панфилъ-шорникъ, конюхъ Андронъ, бурмистръ «Козутопъ Иванычъ» и другіе. Плывутъ и машутъ. Тогда закричалъ Илья, чтобы опускали якорь. Загрохалъ якорь...

Проснулся Илья и слышитъ, что опускаютъ якорь. Пришелъ корабль въ незнакомый городъ. Раздумался о своемъ снѣ Илья — какую картину видѣлъ! къ чему бы это?

Вышелъ на пристань, смотрѣлъ, какъ турки, въ красныхъ обвязкахъ по головѣ, таскали на корабль ящики съ табакомъ и боченки съ оливковымъ масломъ. Подивился ихъ силѣ. Поразилъ его огромный турокъ въ фескѣ съ кисточкой, съ волосатыми руками: по три ящика взваливалъ себѣ на спину тотъ турокъ и весело посмѣивался зубами. Былъ онъ за старшаго, показалось Ильѣ: ходилъ въ головѣ всей цѣпи. И задрожало у Ильи сердце, крикнулъ онъ, не помня себя отъ радости:

— Панфилъ!! Панфилъ-шорникъ!!

Несъ силачъ-турокъ на спинѣ груду ящиковъ. Услыхалъ голосъ, выпрямился въ свой ростъ, полетѣли ящики на землю и разбились о камни: посыпался изъ нихъ сухой черносливъ и синій изюмъ — кувшинный.

Радостно-нежданная была та встрѣча. Сказалъ Панфилъ, что ушелъ тогда изъ Россіи къ православнымъ болгарамъ, работалъ на кукурузѣ, а вотъ другой годъ у турокъ товары грузитъ. Все лучше, чѣмъ въ господской власти. И по-ихнему говорить умѣетъ, и бѣлаго хлѣба вволю.

Спрашивалъ Илья про Сафо-Соньку. Не зналъ про нее Панфилъ, пожалѣлъ:

— Свели ее куда въ домъ веселый. Дѣвокъ барскихъ у насъ много, отъ хорошей жизни.

Разказалъ Панфилъ, что копитъ деньги, возьметъ землю въ аренду и думаетъ жениться. Сказалъ:

— Жить, Илья, вездѣ можно, лишь бы воля. А ты самъ въ кабалу лѣзешь.

Пообѣдалъ Илья съ Панфиломъ, поѣлъ вареной баранины съ чеснокомъ на блинѣ-чурекѣ и все дивился: совсѣмъ сталъ Панфилъ туркомъ: табакъ куритъ изъ бумажки и пьетъ кофе. Сказалъ Панфилъ:

— Земля-то одна — Божья. Оставайся, Илья. Выдадутъ тебѣ настоящій турецкій пачпортъ.

Вспомнилъ Илья про сонъ, разсказалъ Панфилу. Задумался Панфилъ:

— Вотъ что ... И тятеньку видалъ, значитъ. Можетъ, поди, и померъ ... Скажи ему, живъ я ... отвези ему табаку настоящаго, турецкаго.

Вспомнилъ Илья Панфилова отца, стараго кузнечнаго мастера Ивана-Силу. Сталъ жалѣть: старый Иванъ, горюетъ. Заморгалъ Панфилъ, тронулъ кулакомъ глазъ. Сказалъ глухо:

— Самъ сны вижу. Ворочусь, когда будетъ воля.

Повелъ Илью на базаръ, купилъ въ подарокъ отцу теплую рубаху и мѣдную трубку.

— Скажи, что живу ладно, не пьянствую. А въ кабалу не желаю.

Пошелъ корабль дальше. Стало Ильѣ грустно отъ этой нежданной встрѣчи. Все думалъ: въ туркахъ живетъ Панфилъ и доволенъ. И стало ему горько: совсѣмъ черной показалась ему жизнь, на которую добровольно ѣдетъ. И еще подумалъ: нѣтъ, это все искушеніе мнѣ, вотъ и буря пугала. Вечеромъ помолился Илья на западающее солнце и укрѣпился.

Не было больше искушенiй.

Двадцать два года исполнилось Ильѣ, когда вернулся онъ въ Ляпуново.

IX

А въ Ляпуновѣ за это время многое измѣнилось. Сломали старую церковь и возвели новую, пошире, вывели широкiй и низкiй куполъ и поставили малый крестъ. И стала церковь похожа на каравай. Прежняя была лучше.

Померъ малярь-Терёшка и кузнецъ Иванъ-Сила, — сгорѣлъ отъ вина и горя: тосковалъ по сыну. Некому было отдать гостиницы. Померъ и Спиридоша-поваръ, и конюхъ Андронъ, и еще многiе. Радъ былъ Илья, что еще жива тетка Агафья.

Жилъ теперь Илья на скотномъ дворѣ, во флигелькѣ — на волѣ. Когда вернулся, призвалъ его на крыльцо баринъ и удивился:

— Ну, здравствуй, Илья. Тебя и не узнаешь! будто баринъ... Сталъ ты красивый малый. Ну, спасибо.

Похвалилъ привезенную въ подарокъ картину — «Препоясанiе ап. Петра» — давалъ за нее Ильѣ триста лиръ содержатель таверны, — и приказалъ повѣсить въ банкетной залѣ. Похвалилъ, что справилъ себѣ Илья хорошую одежу — сюртукъ табачнаго покроя съ бархатными бочками, жилетъ изъ голубого манчестера и сѣрыя клѣтчатыя брюки.

— Теперь можешь показаться гостямъ съ прiятностью.

Похвалилъ и за разумное поведенiе:

— Такъ и думалъ: сопьется мой Илья съ этими безпутными итальянцами! А ты вонъ какой ока-

зался. Будь покоенъ, я твоихъ трудовъ не забуду. Стало мнѣ твое обученіе за тысячу серебра, вотъ и распишешь церковь. А тамъ увидимъ.

Обѣдъ велѣлъ брать артельный и еще, как награду, отпускать съ барскаго стола сладкое кушанье: привыкъ, небось, къ разнымъ макаронамъ!

А самая большая перемѣна была, что женился баринъ, и другой годъ, какъ родился у него наслѣдникъ. Взялъ изъ Вышата-Темнаго, изъ рода господъ Вышатовыхъ, красавицу. Собиралась она послѣ отцовой смерти въ монастырь уйти, а барин тутъ и посватался. Узналъ Илья, что молодая барыня тихая и ласковая, никогда отъ нея плохого слова не слышатъ. Въ своемъ Вышатовѣ домъ отдала мужикамъ подъ стариковъ и сиротъ, хоть и сердился баринъ. Разсказывали Ильѣ, что и баринъ перемѣнился: сталъ совсѣмъ тихій и ходитъ за барыней по ниткѣ: все баловство бросилъ.

Вотъ что разсказывали Ильѣ про эту женитьбу.

Въ самый тотъ годъ, какъ повезъ баринъ Илью въ науку, пріѣхалъ зимой нежданно баринъ Вышатовъ изъ Питера съ дочкою Настасьей Павловной и тутъ же наказалъ строго-настрого всѣмъ говорить, что пустой стоитъ дом, а его нѣтъ здѣсь и не было. Такъ цѣлый годъ и таился, ни самъ ни къ кому не ѣздилъ, ни къ себѣ не пускалъ. Ото всего хоронился. Всѣ окошки позанавѣшалъ, всѣ двери позаколотилъ и не выходилъ во дворъ даже. И барышню никуда не допускалъ. Только выйдетъ она по саду прогуляться, а онъ высунетъ голову въ чердачокъ и кричитъ не своимъ голосомъ: — «Ой, Настенька, воротись назадъ!» Кругомъ дома высокій заборъ съ гвоздями приказалъ поставить, а на ворота тройные засовы съ замчищами. Даже и въ монастырь въ са-

мые большіе праздники ни барышню не пускалъ, ни самъ не ѣздилъ, хоть и совсѣмъ рядомъ. А разбойниковъ все опасался! Въ окошки рѣшетки железныя вправилъ самъ — не довѣрилъ людямъ. Вотъ разъ и пріѣхалъ къ нему капитанъ-исправникъ по бумажному дѣлу, какія-то деньги платить барину требовалось. Сталъ настоятельно стучать въ ворота, а баринъ выскочилъ къ нему съ пистолетомъ, всталъ на ворота и кричитъ: — «Можете убить меня, а не отдам кровь! Доложите пославшему!» — Совсѣмъ, какъ ума рѣшился. Такъ и уѣхалъ капитанъ-исправникъ, не похлебалъ. А баринъ Вышатовъ всю ночь на порогѣ прокараулилъ. И другую ночь все караулъ у забора несъ, а къ утру подняли его безъ памяти на крыльцѣ. Такъ и отошелъ безъ памяти. Хоронили въ монастырѣ, баринъ Ляпуновъ всѣ хлопоты на себя принялъ и сироту утѣшалъ. Потомъ тетка пріѣхала, хотѣла къ себѣ везти, въ городъ Пензу. А баринъ что ни день — въ Вышатово. Будто бы даже на колѣнкахъ передъ сиротой становился, въ грудь кулакомъ билъ. «Вы, говоритъ, сирота, и я сирота!» Вотъ такъ сирота! «Я, говоритъ, въ пухъ васъ буду пеленать-покоить!» Мундиръ свой военный вынулъ, саблю повѣсилъ — прямо и не узнать. Ну, конечно, тетка тутъ за него встала. По-французски говорить принялся, всѣхъ дѣвокъ своихъ распустилъ, книжки почалъ возить для барышни... А она, будто, все не хотѣла. Былъ слухъ, что въ Питерѣ-то къ ней самъ великій князь сватался, ну, конечно, ей какъ обидно! А покорилась. На четвертой недѣлѣ поста папенька померъ, а къ Покрову свадьбу справили.

Видѣлъ Илья, что перемѣнился баринъ: ходилъ уже не въ халатѣ, а въ бархатномъ сюртукѣ-фракѣ

малиноваго покроя, и духами отъ него пахло. Когда надѣвалъ власяницу, приказалъ всѣхъ лебедей порѣзать, — «это, говорилъ, — язычники только лебедями занимаются». Теперь опять бѣлые лебеди плавали на тихой водѣ прудовъ и кричали тоскливо въ гулкомъ паркѣ.

Жилъ Илья на скотномъ дворѣ, во флигелечкѣ. Не призывалъ его къ себѣ баринъ. Ходилъ Илья смотрѣть церковь, прикидывалъ планъ работы. Старый иконостасъ стоялъ въ ней, и смотрѣла она пустынно выбѣленными стѣнами. Провѣрилъ Илья штукатурку — хорошо, гладко положена, ни бугорковъ, ни морщинки: только работай. Но не призывалъ баринъ. Стали посмѣиваться надъ Ильей люди, говорили:

— Ишь ты, ба-ринъ! Подольстился къ барину — бока належиваетъ, морду себѣ нагуливаетъ, марькизь вшивый! Мы тутъ сто потовъ спустили, а онъ по морямъ катался, картинками занимался.

Заходили къ Ильѣ, оглядывали стѣны.

— Картинками занимаешься. Ишь, долю себѣ какую вымолилъ. Въ господа, что-ль, выходишь? Просись, вольную тебѣ дастъ баринъ.

Говорилъ имъ Илья, затаивъ горечь:

— Обучался я тамъ, чтобы расписать для васъ церковь. Вотъ буду . . .

— Для барина. А для насъ и старой было довольно.

— Нѣтъ, для васъ. Для васъ только и работалъ. Для васъ вернулся, — говорилъ Илья съ сердцемъ. — Остался бы тамъ, не слыхалъ бы обидныхъ словъ вашихъ.

Не вѣрили ему люди.

Захаживала къ нѣму старая Агафья, тетка. Сокрушалась:

— Лучше бы ты, Илюшечка, тамъ остался. А то что-жъ ты теперь — ни Богу свѣчка, ни *этому* кочережка. Смѣются на тебя и дѣвки. На какое же тебѣ положеніе выходитъ?

Молчалъ Илья. Принимался разказывать старой Агафьѣ про разныя чудеса. Не вѣрила Агафья.

Сердились на Илью дѣвки: и не смотритъ. Намекалъ бурмистръ «Козутопъ» теткѣ, что по сердцу онъ его дочкѣ, выхлопочетъ у барина, возьметъ къ себѣ въ домъ зятемъ: слыхалъ бурмистръ отъ самого барина, что теперь большія деньги можетъ заработать Илья иконами.

И на это молчалъ Илья. Надѣвалъ свою шляпу-итальянку, ходил въ паркѣ, садился на берегу, вспоминалъ прошлое. А все не призывалъ баринъ. Тогда пошелъ Илья къ барину, доложился черезъ обученнаго камердинера Стефана.

Вышелъ на крыльцо баринъ, сказалъ, что забылъ онъ про церковную работу.

— Осмотришь церковь и изобразишь планъ работы. Потомъ доложишь.

Подалъ Илья барину планъ работы. Повертѣлъ баринъ планъ работы, сказалъ, чтобы пустилъ Илья подъ куполомъ къ Престолу Господню впереди великомученицу Анастасію, а не первомученика Стефана, похвалилъ, что не забылъ Илья преподобному Сергію положить видное мѣсто, — Сергій былъ его Ангелъ, — и сказалъ:

— Теперь знай-работай.

И всталъ Илья на работу.

X

Прошло лѣто, пошли осенніе холода съ дождями. Задымились риги, ударили морозы, и стала промерзать церковь. Пошелъ Илья доложиться, что нѣмѣютъ пальцы, и надо топить церковь, а то портитъ иней живописную работу. Стали прогрѣвать церковь. Служились службы, — мало кто смотрѣлъ на обставленныя лѣсами стѣны. Часто навѣдывался Каплюга, пощелкивалъ языкомъ, хвалилъ:

— По-новому, Илья, пишешь. Красиво, а строгости-то нѣту.

Говорилъ Илья:

— Старое было строгое. Радовать хочу васъ, вотъ и пишу веселыхъ. А будетъ и строгое... будетъ...

Обижался и Каплюга: гордый сталъ Илья, иной разъ даже и не отвѣтитъ.

Заходилъ и баринъ, глядѣлъ написанное. Говорилъ:

— Важно! Самая итальянская работа. Ты, Илья, надъ Анастасіей особо постарайся, для барыни.

— Для всѣхъ стараюсь... — говорилъ Илья, не оборачиваясь, — въ работѣ.

Строго посмотрѣлъ баринъ и повторилъ строго:

— Я тебѣ говорю про Анастасію!

Не отвѣтилъ Илья, стиснулъ зубы и еще быстрѣе заработалъ. Пожалъ баринъ плечами.

— Я тебѣ, глухому, говорю еще разъ... про Анастасію!

Тутъ швырнулъ кисть Илья въ ящикъ и сказалъ:

— Я пишу... и пишу по своей волѣ. Если моя работа не нравится, сударь, заставьте писать дру-

гого. А великомученицу Анастасію я напишу, какъ знаю!

Рѣзко и твердо сказалъ Илья и твердо взглянулъ на барина. Усмѣхнулся баринъ. Сказалъ по-особенному:

— Научился говорить вольно?

Сказалъ Илья:

— Въ работѣ своей я воленъ. Волей своей вернулся — волей и работать буду. Прикажете бросить работу?

— Продолжай... — сказалъ баринъ.

И не приходилъ больше.

Другой годъ работалъ Илья безсмѣнно.

Пришла и прошла весна, переломилось лѣто, и къ Ильину дню, Престолу, окончилъ Илья живописную работу. Пришелъ на крыльцо, сказалъ камердинеру Стефану:

— Доложи, что работу кончилъ.

Велѣлъ сказать ему баринъ:

— Придемъ завтра — посмотримъ.

Въ церковь пошелъ Илья, разобралъ подмостки, всталъ на самую середину и любовно оглядѣлъ стѣны. Сказала ему душа — «радуйся, Іерусалиме!» И сказала еще: «плавать бы тебѣ, Илья по большому морю!»

Не было ни души въ церкви. Былъ тогда тихій вечеръ, и стрижи кружились у церкви. Сказалъ Илья:

— Кончена работа...

И стало ему грустно.

Въ цвѣтахъ и виноградѣ, глядѣли со стѣнъ кроткіе: Алексѣй — человѣкъ Божій и Убогій Лазарь. Сторожили оружіемъ — Михаилъ Архангелъ съ мечомъ, Георгій съ копьемъ, и со щитомъ Благовѣрный

Александръ Невскій. Водружали Крестъ Вѣры и письмена давали слѣпымъ Кириллъ и Меѳодій. Вдохновенно читали Писаніе — Иванъ Златоустъ, Григорій Богословъ и Василій Великій. Глядѣли и звали лаской Сергій и Савва. А грозный Илья мужицкій, на высотѣ, молніями гремѣлъ въ тучахъ. Шли подъ широкимъ куполомъ къ лучезарному Престолу Господа св. мученики, мужи и жены — многое множество, ступали по бѣлымъ лиліямъ, подъ золотымъ виноградомъ . . .

Смотрѣлъ Илья, и больше радовалась душа его.

А надъ входомъ и по краямъ его — во всю стѣну — написалъ Илья Страшный Послѣдній Судъ, какъ въ полюбившейся ему церковкѣ у Тибра.

Шли въ цѣпяхъ сильные міра — къ Смерти, а со свѣтильниками-свѣчами, подъ золотымъ виноградомъ, радостно грядущіе въ Жизнь Вѣчную.

Шли, — голы и босы, — блаженные, страстотерпцы, нищіе духомъ, плакавшіе и смиренные. Шли въ разноязычной толпѣ несмѣтной и, затерявшіеся въ вереницѣ свѣтлой, вѣдомые Ильѣ: и маляръ-Терёшка, и Спиридошка-поваръ, и утонувшій въ выгребной ямѣ Архипка-плотникъ, и кривая Любка, и глупенькая Сафо-Сонька, и живописный мастеръ Арефій . . . — многое множество.

Смотрѣлъ Илья, и еще больше радовалась душа его. И не было полной радости. Зналъ сокровенно онъ: нѣтъ живого огня, что́ сладостно опаляетъ и возноситъ душу. Перебиралъ всю работу и не могъ вспомнить, чтобы полыхало сердце.

И чѣмъ дольше смотрѣлъ Илья — силнѣй тосковала душа его: да гдѣ-же сгорающая въ великомъ огнѣ душа? И думалъ въ подымающейся тоскѣ: ужели для этого только покинулъ волю?

Всю ночь безъ сна провелъ онъ на жесткой койкѣ у себя на скотномъ, и томили его сомнѣнія. Говорило сердце: не для этой же работы воротился. На ранней зарѣ поднялся Илья и пошелъ въ церковь. Бѣлый туманъ курился въ низинахъ, по Проточку. Сѣлъ Илья на старый могильный камень, положилъ голову на руки и сталъ думать: ну, теперь кончена положенная отъ барина работа . . . для барина и работалъ . . .

И вотъ, какъ давно, въ яблочномъ монастырскомъ саду, въ охватившей его дремотѣ, сверкнуло передъ нимъ яркой до боли пѣной или кипящей водой на мельницѣ. Мигъ одинъ вскинулъ Илья глазами — и въ страхѣ и радости несказанной узналъ глянувшіе въ него глаза. Были они въ полънеба, свѣтлые, какъ лучи зари, радостно опаляющіе душу. Такихъ ни у кого не бываетъ. На мигъ блеснули они тихой зарницей и погасли.

Въ трепетѣ поднялся Илья, смотрѣлъ сквозь слезы въ розовѣющее надъ туманомъ небо, — въ потерянную радость:

— Господи . . . Твою красоту видѣлъ . . .

Понялъ тогда Илья: все, что вливалось въ его глаза и душу, что обрадовало его во дни жизни — вотъ красота Господня. Чуялъ Илья «все, чего и не видали глаза его, но что есть и во-вѣки будетъ, — вотъ красота Господня. Въ прозрачномъ и чуткомъ снѣ, — видѣлъ онъ, — перекинулась радуга во все небо. Плыли въ эти небесныя ворота корабли подъ красными парусами, шумѣли морскія бури, мерцали негасимыя лампады-звѣзды; сверкали снѣга на неприступныхъ горахъ; золотые кресты свѣтились надъ лѣсными вершинами; грозы гремѣли, и наплывали изъ ушедшихъ далей звуки величественнаго хорала;

и бѣлыя лиліи въ далекихъ садахъ, и тихіе яблочные сады, облитые солнцемъ, и радость св. Цециліи, покинутой за морями...

Въ этотъ блеснувшій мигъ понялъ Илья трепетнымъ сердцемъ, какъ неистощимо богатъ онъ и какую имѣетъ силу. Почуялъ сердцемъ, что придетъ, должно придти то, что радостно опаляетъ душу.

XI

Выше подымалось солнце. Тогда пошелъ Илья и надѣлъ чистую рубаху, — показывать господамъ работу. Пришелъ въ церковь, и показалось ему, что сегодня праздникъ. Вышелъ на погостъ у церкви, увидалъ синій цикорій на могилѣ и посадилъ въ петлицу. Вспомнилъ, какъ сдавалъ на виллахъ свою работу.

Въ самый полдень пришли господа осмотрѣть церковь.

Въ бѣломъ платьѣ была новая госпожа, — въ первый разъ видѣлъ ее Илья такъ близко. Юной и чистой, отроковицей показалась она ему. Бѣлой невѣстой стояла она посреди церкви, съ полевыми цвѣтами. Радостный и смущенный смотрѣлъ Илья на ея маленькія ножки въ бѣлыхъ туфляхъ: привыкъ видѣть только святые лики. Смотрѣлъ на нее Илья и слышалъ, какъ бьется сердце.

Спросила она его, освѣтивъ глазами:

— А кто это?

Сказалъ Илья, оглядывая куполъ:

— Великомученица Анастасія Рымляныня, именуемая Прекрасная, показана въ великомъ кругу мученій.

Она сказала:

— Это мой Ангелъ...

И онъ ее вдругъ увидѣлъ.

Увидѣлъ всю нѣжную красоту ея — радостные глаза-звѣзды, несбыточные, которыхъ ни у кого нѣтъ, кроткія черты дѣвственнаго лица, напомнившія ему его св. Цецилію, совсѣмъ розовый ротъ, дѣтски полуоткрытый, и милое платье, падающее прямыми складками. Онъ стоялъ, какъ въ очарованіи, не слышалъ, какъ спрашиваетъ баринъ:

— А почему передъ Первоучителями всѣ слѣпые?

Не Илья, а она сказала:

— Вѣдь, они совсѣмъ темные... они еще ничего не знаютъ.

Спросилъ баринъ:

— А почему у тебя, Илья, въ рай идутъ больше убогіе?

— А, вѣдь, правда! — сказала она и освѣтила глазами.

Показалось Ильѣ, что она смотритъ ласково, будто сама сказать хочетъ. Тогда прошло онѣмѣніе, будто путы спали съ Ильи, и сказалъ онъ вольно:

— По св. Писанію такъ: «легче верблюду пройти»... и «блаженни нищіе духомъ»... Такъ трактовали: Карпаччіо...

Но перебилъ баринъ:

— Знаю!

А она сказала, опять сіяя:

— Мнѣ это нравится... и нравится вся работа.

Какъ тихіе голоса въ органѣ, былъ ея голосъ, какъ самая нѣжная музыка, которую когда-либо слышалъ Илья, были ея слова. Онъ, словно подня-

тый отъ земли, смотрѣлъ на это неземное лицо, лицо еще никѣмъ не написанной Мадонны, на ея неопредѣлимые глаза, льющіе радостное, казалось ему, сіяніе. Онъ не могъ теперь отвести взгляда, все забывъ, не слыша, что баринъ уже другой разъ спрашиваетъ:

— А почему у Ильи Пророка одежда, какъ у послѣдняго нищаго?

Сказалъ Илья на крикливый голосъ:

— Пророки не собирали себѣ сокровища на землѣ. Сказано въ книгѣ пророка...

И опять перебилъ баринъ:

— Знаю!

— Все здѣсь говоритъ сердцу... — сказала она и освѣтила глазами. — Васъ благодарить надо.

Поклонился Илья стыдливо: были ея слова великой ему наградой. Сказалъ баринъ:

— Да, спасибо, Илья. Оправдалъ ты мое довѣріе.

И ушли. Стоялъ Илья какъ во снѣ, затихъ-затаился. Смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ стояла она, вся свѣтлая. Увидалъ на полу полевую гвоздичку, которую она держала въ рукѣ, и поднялъ радостно. И весь день ходилъ, какъ во снѣ, не здѣшній: о ней думалъ, о госпожѣ своей свѣтлой. Весь этотъ будто праздничный день не находилъ себѣ мѣста. Выходилъ на крылечко, смотрѣлъ вдоль аллеи парка.

Зашелъ Каплюга:

— Ты чего, Илья, нонче такой веселый? Похвалили твою работу?

— Да, — сказалъ Илья, — похвалили.

— Вольную должны дать тебѣ за такой подвигъ... — сказалъ Каплюга.

Не слыхалъ Илья: думалъ о госпожѣ свѣтлой.

А вечеромъ пришелъ на скотный дворъ камердинеръ и потребовалъ къ барину:

— Велѣлъ баринъ въ покои, безъ докладу.

Въ сладкомъ трепетѣ шелъ Илья: боялся и радовался *ее* увидѣть. Но баринъ сидѣлъ одинъ, перекладывалъ на столѣ карты. Сказалъ баринъ:

— Вотъ что, Илья. Желаетъ барыня икону своего Ангеля, великамученицы Анастасіи. Ужъ постарайся.

— Постараюсь! — сказалъ Илья, счастливый.

Пошелъ не къ себѣ, а бродилъ до глубокой ночи у тихихъ прудовъ, смотрѣлъ на падающія звѣзды и думалъ объ Анастасіи. Крадучись подходилъ къ барскому дому, смотрѣлъ на черныя окна. Окрикнулъ его Дёма-караульщикъ:

— Чего, марькизъ, ходишь? Ай украсть чего хочешь?

Не было обидно Ильѣ. Взялъ онъ за плечи горбатаго Дёму потрясъ братски и посмѣялся, вспомнилъ:

— Дёма ты Дёма — не всѣ у тебя дома, на спинѣ хорома!

Постучалъ колотушкой, отдалъ и поцѣловалъ Дёму въ беззубый ротъ.

— Не серчай, Дёма-братикъ!

И пошелъ паркомъ, не зная, что съ собой дѣлать. Опять къ прудамъ вышелъ, спугнулъ лебедей у каменнаго причала: спали они, завернувъ шеи. Поглядѣлъ, какъ размахнулись они въ ночную воду. Ходилъ и ходилъ по росѣ, отыскивалъ въ опаленномъ сердцѣ желанный образъ великомученицы Анастасіи.

И нашелъ къ утру.

XII

Недѣлю горѣла душа Ильи, когда писалъ онъ образъ великомученицы Анастасіи. Не уставно писалъ, а далъ ей бѣлую лилію въ ручку, какъ у св. Цециліи въ Миланскомъ соборѣ.

Смотрѣла Анастасія, какъ живая. Далъ ей Илья глаза далекаго моря и снѣжный блескъ бѣлому покрову — дѣвство. Радостно Ильѣ было: всѣ дни смотрѣла она на него кротко.

Зашли господа посмотрѣть работу. Удивился баринъ, что готова. Не смѣя взглянуть, подалъ Илья своей госпожѣ икону.

— Какъ чудесно! — сказала она и по-дѣтски сложила руки. — Это чудо!

Вбиралъ Илья въ свою душу небывающіе глаза-звѣзды.

Сказалъ баринъ:

— Теперь вижу: ты, Илья, — мастеръ заправскій. Говори, что тебѣ дать въ награду?

Увидалъ Илья, какъ она на него смотритъ, и сказалъ:

— Больше ничего не надо.

Не понялъ баринъ, спросилъ:

— Не было отъ меня тебѣ никакой награды... а ты говоришь, чудакъ, — больше не надо!

Смотрѣлъ Илья на госпожу свою, на ея блѣдныя маленькія руки. Всѣ жилки принялъ въ себя, всѣ блѣдно-розовые ноготки на пальцахъ. И темныя, бархатныя брови принялъ, темныя радуги надъ бездоннымъ моремъ, и синія звѣзды, которыя не встрѣчалъ ни на одной картинѣ по галлереямъ. Вливалъ въ себя неземное, чего никогда не бываетъ въ жизни.

— Вы здѣсь и живете? — спросила она глазами.

Понялъ Илья глаза. Сказалъ:

— Да. Здѣсь хорошо работать.

Удивился на него баринъ: чего это отвѣчаетъ. А она оглядывала почернѣвшія стѣны, съ вылѣзавшей паклей, и повѣшенныя работы.

Увидала цвѣточницу, маленькую Люческу... Спросила:

— А кто эта? Какая милая дѣвушка.

Вспыхнулъ Илья подъ ея взглядомъ. Сказалъ смущенно:

— Такъ... цвѣты продавала у собора...

Посмѣялся баринъ:

— Тихоня, а... тоже!

Толкнуло Илью въ сердце. Не помня себя, рванулъ онъ холстикъ и подалъ:

— Нравится вамъ... возьмите, барыня...

Въ первый разъ назвалъ ее такъ; потомъ, когда вспоминалъ это, краснѣлъ-думалъ: не для нея это слово: для нея — обида.

Она посмотрѣла, будто залила свѣтомъ:

— Оставьте у себя. Мнѣ не надо.

Всѣ краски и всѣ листы пересмотрѣла она. Увидала мученика, прекраснаго юношу Себастіана въ стрѣлахъ — смотрѣла, будто молилась. И Илья молился — пресвѣтлому, открывшемуся въ ней Лику. Говорила она — пѣніе слышалъ онъ. Обращала къ нему глаза — сладостная мука томила душу Ильи.

Ушла она, и осталась мука сильнѣе смерти. Упалъ Илья на колючій войлокъ, жесткое свое ложе, сдавилъ зубы и облился слезами. Говорилъ въ стонахъ:

— Господи... на великую муку послано мнѣ испытаніе! Знаю, не увижу покоя. И нѣтъ, у меня жизни...

Такъ пролежалъ до вечера въ сладкой мукѣ. А къ вечеру пришли отъ двора двое — Лукавый и казачокъ. Спирька-Быстрый и принесли деревянную кровать на кривыхъ ножкахъ, два стула, тюфякъ изъ морской травы и пузатую этажерку. Сказалъ Спирька:

— Такъ, Илья Терентьичъ, сама барыня приказала.

А Лукавый-Лука прибавилъ:

— У него, говоритъ, не комната, а канура собачья! Плыветъ тебѣ счастье, Илья. Маслена коту настала. До мяконькова добрался. Понѣжишься — гляди, и подушку вылежишь съ одѣяломъ.

Потыкали пальцами въ картинки, посмѣялись надъ бариномъ:

— Псалтыремъ ты его зачиталъ, Илья, — образами накроешь.

Не сказалъ имъ Илья ни одного слова. Остался стоять, закрылъ руками лицо, повторялъ мыслями:

— Сама... барыня... приказала...

Смотрѣлъ въ темноту ночи и видѣлъ ее, свѣтлую госпожу свою. Мѣнялось ея лицо, и смотрѣла изъ темноты великомученица, прекрасная Анастасія. И она мѣнялась, и свѣтились несбыточные глаза — два солнца. Въ сладкой радости и мукѣ упалъ Илья на колѣни, припалъ губами къ старому полу, гдѣ она стояла, и цѣловалъ доски. Всю ночь метался Илья по своей каморкѣ, выходилъ на крыльцо, слушалъ, какъ стрекочутъ кругомъ кузнечики въ деревьяхъ, какъ оставшіяся за морями цикады. Спрашивалъ темноту-тоску:

— Что же?!

Стало свѣтать. Взглянулъ Илья на присланную кровать — не легъ. Жутко было ложиться на посланное *ею*, будто совершишь святотатство. Легъ на войлокъ и заснулъ крѣпко. Проснулся — только-только подымалось за прудами солнце. Пошелъ на плотину, прошелъ дальше, къ Проточку. Пошелъ дальше, по монастырской дорогѣ. Лѣсомъ шелъ, пѣлъ. Охватывала его радостно тишь лѣсная. Отозвалось въ свѣтломъ утрѣ, въ чвоканьи и посвистѣ красногузыхъ дятловъ и въ гулкомъ эхѣ разгульное. И запѣлъ Илья гулевую-лѣсовую пѣсню:

. . . .

Одну-ю и вьюжина́ не беретъ!
Вьюжина́ да метелюга не мететъ!

Радость неудержимая закружила Илью. Билъ онъ палкой по гулкимъ соснамъ и пѣлъ. И по сторонамъ отзывалось гулко и далеко:

Ай, вьюга-метелюга, заметай!...

Кончился лѣсъ — и увидалъ Илья бѣлый монастырь надъ Нырлей, съ золочеными главами-рѣпами. Сталъ Илья на бугрѣ и смотрѣлъ жаднымъ, берущимъ взглядомъ. На бѣлый простѣнъ собора смотрѣлъ — на полдень. Свистнулъ и пошелъ въ монастырь. Сказалъ казначеѣ:

— Хочу расписать вамъ стѣну на полдень — Георгія со Змѣемъ. Хлопочите у барина, а я хоть завтра.

Обрадовалась казначея: знала, какъ благолѣпно Илья расписалъ церковь въ Ляпуновѣ.

А черезъ мѣсяцъ младой Георгій на бѣломъ конѣ побѣдно разилъ поганаго Змѣя въ бронѣ, съ головой какъ бы человѣка. Дивно прекрасенъ былъ

юный Георгій — не мужескаго и не женскаго лика, — а какъ Ангелъ въ образѣ человѣка, съ блѣднымъ лицомъ и синими глазами-звѣздами. Такъ былъ прекрасенъ, что послушницы подолгу простаивали у той стѣны и стали видѣть во снѣ... И пошло молвой по округѣ, что на монастырской стѣнѣ — живой Георгій и даже движетъ глазами.

XIII

Опять не стало у Илья работы.

Словно что потерявшій, ходилъ онъ по аллеямъ парка въ своей итальянской шляпѣ. Смотрѣлъ на небо, на осыпающіеся листья. Сквозило въ паркѣ, и яснѣй забѣлѣлъ теперь длинный господскій домъ, гдѣ по вечерамъ играли на фортопьянахъ. Обходилъ Илья главную аллею.

Въ красномъ закатѣ плыли величавые лебеди — розово-золотые въ солнцѣ. Отзывался пустынный ихъ крикъ въ паркѣ.

Лебедей рисовалъ Илья и осенній островъ, и всегда пустую липовую аллею съ желтыми ворохами листьевъ. Каменныя плотины писалъ Илья — вверху и внизу, съ черными жерлами истоковъ. Все было обвѣяно печалью.

Съ тоской думалъ Илья: вотъ и зима идетъ, снѣгомъ завалитъ, и пойдутъ долгія ночи. Вотъ ужъ и птицъ не стало, летятъ гуси за солнцемъ. Слушалъ, какъ посвистываютъ осеннички-синицы.

Рѣдко выпадало счастье, когда въ барскомъ домѣ играли на фортопьянахъ.

Слышалъ Илья — опять заскучалъ баринъ. Говорили, будто ѣздить началъ на хуторъ, гдѣ жили «на полотнянкѣ» дѣвки. И не вѣрилъ.

Сидѣлъ разъ Илья у каменнаго причала, зарисовывалъ отъ нечего дѣлать: нарисовалъ мосточки и одинокую лодку: о своей судьбѣ думалъ. А что же дальше? И стало ему до боли тоскливо, что не остался у Терминелли. Старые камни вспомнилъ, бѣлыя дороги, веселыя лица, соборы, радостныя пѣсни и тихую маленькую Люческу съ цвѣтами. Подумалъ: тамъ бы и жилъ, и работалъ. И Панфила съ ящиками вспомнилъ, какъ ѣли баранину и сидѣли у моря, свѣсивъ ноги. «Выправилъ бы себѣ настоящій турецкій пачпортъ!» Въ тоскѣ думалъ Илья: расписалъ имъ церковь, а никому и не нужно. Вѣрно, что и старой было довольно. Да, вѣрно: ни Богу свѣчка, ни *этому* кочережка!

Навалилась тоска, и въ этой тоскѣ нашелъ Илья выходъ: просить барина назначить откупъ.

Тутъ Илья услыхалъ шелестъ и оглянулся. На широкой аллеѣ къ дому стояла *она* бѣлымъ видѣніемъ, въ косомъ солнцѣ, держала за ошейникъ любимую бѣлую борзую. Всталъ Илья и поклонился.

Она сказала:

— Здравствуйте, Илья . . .

Голосъ ея показался Ильѣ печальнымъ. Онъ стоялъ, не зная, что ему дѣлать — пойти или такъ остаться. И она стояла на желтыхъ листьяхъ, поглаживала борзую. Съ минуту такъ постояли они оба, не разъ встрѣчаясь глазами. Какъ на солнце смотрѣлъ Илья, какъ на красоту, сошедшую съ неба, смотрѣлъ, затаивъ дыханье.

— Вы скучаете, милый Илья... Теперь у васъ нѣтъ работы?...

— Да, у меня нѣтъ работы... — сказалъ Илья, перебирая поля шляпы.

Тогда она подошла ближе и сказала тихо:

— Я понимаю, Илья... Вы должны получить волю.

Вскинулъ глаза Илья, обнялъ ее глазами и сказалъ съ болью:

— Зачѣмъ мнѣ воля!

Взглянулъ на нее Илья, — одинъ мигъ, — и сказалъ этотъ взглядъ его больше, чѣмъ скажетъ слово. Долгимъ, глубокимъ взглядомъ сказала она ему, и увидалъ онъ въ немъ и смущеніе, и сожалѣніе, и еще что-то... Радость? Словно она въ первый разъ узнала и поняла его, юношески прекраснаго, съ нѣжно ласкающими глазами, которые влекли къ нему дѣвушекъ за морями. Смѣло, какъ никогда раньше, посмотрѣлъ на нее Илья захотѣвшими жить глазами.

Мигъ одинъ смотрѣлъ Илья на нее и опустилъ глаза, и она только мигъ сказала, что знаетъ *это*. Опять услыхалъ Илья шелестъ листьевъ, увидалъ, какъ мягко играетъ бѣлое ея платье, и маленькая рука тянетъ ошейникъ порывающейся борзой. Смотрѣлъ — и въ движеніи ея видѣлъ, что она о немъ думаетъ. Смотрѣлъ вслѣдъ ей, пока не повернула она въ крестовую аллею. Думалъ: оглянется? если бы оглянулась!

Не оглянулась она.

XIV

На Рождество Богородицы пошелъ въ монастырь Илья, какъ ходилъ въ прежнее время. Всегда была ему отъ монастыря радость. Пошелъ бариномъ: надѣлъ сѣрыя брюки въ клѣтку, жилетъ изъ голубого манчестера и сюртукъ табачнаго цвѣта съ бархатными бочками. Остановился на плотинѣ, увидалъ

себя въ свѣтлой водѣ и усмѣхнулся, — вотъ онъ, маркизъ-то!

Раскинулась подъ монастыремъ знакомая ярмарка. Подмонастырная луговина и торговая площадь села Рождествина зачернѣла народомъ. Торговали по балаганамъ наѣзжіе торгаши китайкой и кумачемъ, цвѣтастыми платками и кушаками, бусами и всякимъ теплымъ и сапожнымъ товаромъ. Медомъ, инбиремъ и мятой пахло сладко отъ бѣлыхъ ящиковъ со сладкимъ товаромъ: всякими пряниками — пѣтухами и рыбками, сухимъ черносливомъ, изюмомъ и шепталой кавказской, яблочной пастилой и орѣховымъ жмыхомъ. Селомъ стояли воза съ желтой и синей рѣпой мытой и алой морковью, съ лѣснымъ новымъ орѣхомъ и вымолоченнымъ горохомъ. Наклали мужики лѣсовые бѣлыя горы саней и корыть, капустныхъ и огуречныхъ кадокъ, лопать, грабель, боронъ и веселаго свѣжаго щепного товару. Подъ бѣлыя стѣны подобрались яблошники съ возами вощеной желтой антоновки и яркаго аниса, съ барскихъ садовъ. Къ кабакамъ и трактирамъ понавели на коновязи, къ навозу, лошадей съ заводовъ, и бродячій цыганскій таборъ стучалъ по мѣднымъ тазамъ и сверкалъ глазами и серебромъ въ пестрой рвани.

Ходилъ и смотрѣлъ Илья, вспоминалъ, какъ бывало въ дѣтствѣ. И теперь то же было. Яркой фольгой и лакомъ рѣзалъ глазъ торговый «святой» товаръ изъ-подъ Холуя, рядками смотрѣли все одинаковые: Миколы, Казанскія, Рождества, — самые ходовые бога̀.

Съ улыбкой глядѣлъ Илья на строгіе лики, одѣтые розовыми вѣночками, и вспоминалъ радостнаго Арефія. Купилъ синей и желтой рѣпы, вспом-

нилъ, какъ обдиралъ зубами; не приходила былая радость. Купилъ «кузнецовъ» любимыхъ — мужика съ медвѣдемъ, пощелкалъ и подарилъ жадно глядѣвшему на него ротастому мальчишкѣ. Былъ и за крестнымъ ходомъ, смотрѣлъ, какъ пролѣзали подъ чтимую икону старики, бабы и дѣвушки, валились на грязь съ ребятами, давили пальцы. Смотрѣлъ на взывающія деревянныя и натуженныя лица и вздрагивающія губы. Слушалъ тяжкіе вздохи, стоны и выкрики, ругань и пугающіе голоса: — «батюшки, задавили!» Видѣлъ «пьяный долокъ», подъ монастырской стѣной, куда, для порядка, дотаскивали упившихся и укладывали въ лопухи. Все тотъ же лысый давній старикъ сидѣлъ на пенькѣ, съ багровой шишкой у глаза, — стерегъ-оберегалъ пьяницъ и получалъ грошики. Видѣлъ Илья у монастырскихъ воротъ, подъ завѣшанными, всегда урожайными рябинами — городокъ божій: сидѣла рядами всякая калѣчь, гнусила, ныла, показывала свои язвы и изъяны и жалобила богомольныхъ. Узналъ Илья Петьку Паршиваго, съ вывернутыми кровяными вѣками, и Гусака, который испугалъ его въ дѣтствѣ: не говорилъ Гусакъ, а шипѣлъ, вытягивая длинную, в руку, шею. Съ болью и отвращеніемъ проходилъ Илья мимо «божьяго городка», а ему вслѣдъ тянули: «ба-а-ринъ, милостинку подай, ба-а-ринъ» . . .

Бариномъ называли Илью торговцы, а знакомые мужики съ завистью и усмѣшкой говорили:

— Марькизю почетъ! Можетъ, лошадку купить желательно?

Останавливали Илью гулящія дѣвки въ яркихъ сарафанахъ, съ платочками, запавшими на затылокъ, — смѣялись:

— Илюша-милоша... румяный мальчикъ, пойдемъ въ сарайчикъ!

Хмельныя онѣ были, казенныя и барскія солдатки съ большого тракта, ходили цвѣтастой гулевой стайкой, наяривали заѣзжихъ. Бѣгали за ними подростки, подергивали за накрахмаленные сарафаны и дразнились. Отплевывались отъ нихъ бабы, а мужики хмуро сторонились. Помнилъ Илья двухъ изъ нихъ — Лизутку Мачихину, съ казеннаго села Мытки, и Ясную Пашу.

А теперь были новыя, и всѣ приставали къ нему и называли Илюшей. Полыхало отъ нихъ на Илью соблазномъ.

И про нихъ думалъ Илья — несчастныя. И про калѣчь, и про «пьяный долокъ». Не облегчила ему тоски ярмарка. Отошелъ Илья на бугорокъ, повыше, гдѣ сворачиваютъ отъ лѣсу, и смотрѣлъ на луговину и навозную площадь, по которой все еще носили почитаемую икону. Вспомнилось ему, какъ за морями носили на палкахъ бѣлыя статуи, шли чинно монахи, опоясанные веревками, и выпускались-взлетали бѣлые голуби... И пожалѣлъ, зачѣмъ не остался тамъ: тамъ свѣтлѣе.

Подошла къ нему старая грязная цыганка-вѣдьма. Запѣла:

— Сушитъ тебя любовь, красавчик-корольчикъ. Дай, счастливъ, на ручку, — скажу правду.

Далъ ей Илья пятакъ, чтобы отвязалась. Сказала цыганка:

— Краля твоя тоскуетъ, милаго во снѣ цѣлуетъ. Дѣлать тебѣ нечева, погоди до вечера.

И пошла, позванивая полтинками.

Собирался Илья итти домой, на свою скуку. Уже поднялся — услыхалъ за собой на мосточкѣ

топотъ и визгливый окрикъ на лошадей мальчика-форейтора: вскачь пронеслась сыпучими песками господская синяя коляска. Узналъ Илья, и захолонуло сердце: въ голубой шляпкѣ съ лентами, съ букетомъ осеннихъ цвѣтовъ — георгинъ, бархатцевъ и душистаго, горошка, одна сидѣла въ ней его молодая госпожа: везла цвѣты для иконы. Слѣдилъ Илья за голубымъ пятнышкомъ между бѣлыми ворохами саней и телѣгъ съ рѣпой, пока не проѣхала коляска монастырскія ворота. Какъ разъ и ударили къ поздней обѣднѣ и понесли съ площади икону.

Три часа просидѣлъ Илья на мосточкѣ, у дороги. Пестрѣла передъ глазами ярмарка кумачомъ, чернотой и свѣжими ворохами на солнцѣ, а голубое пятнышко не пропадало — осталось въ глазахъ, какъ кусочекъ открывшагося неба. «Свѣтлая моя, — говорилъ Илья къ монастырскимъ стѣнамъ, — радостная моя!» Словами, которыя только зналъ, называлъ ее, какъ безумный, кромѣ нея уже ничего не видя. Сладкимъ ядомъ поилъ себя, вызывая ея глаза, пилъ изъ нихъ свѣтлую ея душу и опьянялся. До слезъ, до боли вызывалъ ее въ мысляхъ и цѣловалъ втайнѣ. Три часа, томясь сладко, прождалъ Илья у дороги.

И вотъ, когда увидалъ, что выѣхала изъ монастырскихъ воротъ синяя коляска, съ краснорукавнымъ кучеромъ Якимомъ и радостнымъ голубымъ пятнышкомъ, сошелъ съ дороги и схоронился въ кусты орѣшника на опушкѣ. Черезъ просвѣтикъ жадно слѣдилъ, какъ вползала коляска по сыпучему косогору, какъ полулежала на подушкахъ его молодая госпожа, глядѣла въ небо. Жадно глядѣлъ Илья на нее, безцѣнную свою радость, и лобызалъ глазами. Тихо проползала коляска песками, совсѣмъ близко.

Даже темную родинку видѣлъ Илья на шеѣ, даже полуопущенныя выгнутыя рѣсницы, даже подымающіяся отъ дыханія на груди ленты и дѣтскія губки. Какъ божество провожалъ Илья взглядомъ поскрипывающую по песку синюю коляску, терявшуюся въ соснахъ. Вышелъ на дорогу, смотрѣлъ на осыпающійся слѣдъ на пескѣ и слушалъ, какъ потукиваютъ на корняхъ колеса.

XV

Спать собирался Илья ложиться, нечего было дѣлать — ночь темная. Пошелъ дождь, зашумѣло лѣсомъ. Тутъ постучали въ окошко: пришелъ Спирька-Быстрый, сказалъ, что требуетъ къ себѣ баринъ. Всколыхнуло Илью — обрадовало и испугало.

Сидѣли господа въ спальной, у камина грѣлись. Полыхала Львиная Пасть-морда сосновыми дровами. Краснымъ огнемъ полыхали стѣны, и розовая была широкая пышная постель подъ атласнымъ покровомъ. Пушистый красный коверъ увидѣлъ Илья, букетами, старинный, самый тотъ, что былъ при цыганкѣ. Остановился у дверей, въ корридорѣ, постѣснялся войти. Но баринъ позвалъ его изъ корридора:

— Только оботри ноги!

Вошелъ Илья и остановился у двери. Баринъ сидѣлъ въ глубокомъ кожаномъ креслѣ и похрустывалъ бѣлою кочерыжкой: лежали онѣ грудкой на тарелкѣ. А госпожа лежала на покатомъ бархатномъ креслѣ и грѣла ноги. Красныя, золотомъ вышитыя шлёпанки-туфли сперва увидалъ Илья въ яркомъ свѣтѣ, на стеганой подставкѣ. Потомъ увидалъ тонкіе розовые чулочки и бѣло-золотистый, словно изъ парчи, халатикъ въ лентахъ; потомъ розовыя тонкія

руки въ колѣняхъ, пышныя косы, кинутыя на грудь, и лицо. Устало смотрѣла она въ огонь — дремала. Сонъ прекрасный видѣлъ Илья, сказочную царевну.

Молча поклонился Илья къ камину. Сказалъ баринъ:

— Вотъ что, Илья ... Слышалъ я, что думаешь откупаться? ..

Хотѣлъ было Илья сказать, но баринъ показалъ пальцемъ — слушай.

— Самъ понимаю, что тебѣ трудно. Какая у меня тебѣ работа? И потомъ, барыня за тебя просила ..

Молча, чтобы не дрожалъ голосъ, поклонился Илья, почувствовалъ, какъ накипаютъ слезы. Неотрывно смотрѣлъ на тихое блѣдно-розовѣющее лицо, какъ у спящей. И вотъ, дрогнули темныя рѣсницы и поднялись. Новые глаза, темные отъ огня, взглянули на Илью, коснулись его нѣжно и опять закрылись.

— Волную ты получишь. Видѣла барыня сегодня въ монастырѣ твою работу, Георгія-Побѣдоносца ... Понравилось ей. Говоритъ, лицо необыкновенное ...

Неотрывно смотрѣлъ Илья на свѣтлую госпожу свою. Все такъ же она лежала, и отъ полыхающаго огня словно вздрагивали ея рѣсницы. А какъ сказалъ баринъ, что лицо необыкновенное, опять увидалъ Илья: поднялись рѣсницы, и она смотритъ. Радостно-благодарящій былъ этотъ взглядъ, ласкающій и теплый. Похолодѣлъ и замеръ Илья и опустилъ глаза на огонь.

А она сказала:

— Вы, Илья, удивительно пишете. И вотъ у меня къ вамъ просьба ...

Вздрогнулъ Илья отъ ея голоса, но сказалъ баринъ:

— Просьба не просьба. а... постарайся напослѣдокъ. Барыня желаетъ, чтобы написалъ ты ея портретъ. Можешь?

Сразу не могъ отвѣтить Илья, но собралъ силы и сказалъ чуть слышно:

— Постараюсь...

Самъ слышалъ, — будто не его голосъ. Посмотрѣлъ баринъ на Илью:

— Такъ вотъ. Можешь?

И она сказала:

— Видите, Илья... я хочу, чтобы.

Но ее перебилъ баринъ:

— Такъ вотъ. Можешь?

Въ жаръ кинуло Илью, что перебилъ баринъ. Стояло въ комантѣ живое, *ея*, слово: «я хочу, чтобы...» Чего она хотѣла?!

И сказалъ Илья твердо:

— Могу.

И посмотрѣлъ на нее свободно, какъ недавно въ паркѣ. Упали путы съ души, и почувствовалъ онъ себя вольнымъ и сильнымъ. Спросилъ смѣло:

— Завтра начать можно?

Порѣшили на завтра. Сказалъ Илья:

— Буду писать въ банкетной, на полномъ свѣтѣ.

Взглянулъ на нее и еще смѣлѣе сказалъ:

— У госпожи блѣдное лицо. Для жизни лица лучше темное одѣяніе, черное или морского тона...

Ея лицо освѣтилось, и она сказала:

— Я такъ и хотѣла.

И удивился Илья — въ мигъ она стала совсѣмъ другая, еще прекраснѣй.

Нашелъ Илья силу принять великое испытаніе. Шелъ подъ дождемъ на скотный, несъ ея свѣтлый взглядъ и повторялъ в дрожи, ломая пальцы:

— Напишу тебя, небывшая никогда! И будешь!

XVI

Съ того часу начались для Ильи сладостныя мученія, свѣтло опаляющія душу.

Всю ночь не смыкалъ онъ глазъ. Въ трепетѣ и томленіи ходилъ онъ въ тѣсной своей клѣтушкѣ, и то становился къ углу передъ иконкой, старой, черной, безъ лика, послѣ отца оставшейся, и сжималъ руки; то смотрѣлъ въ темныя стѣны, отыскивая что-то далекое, чему и имени не было, но что было; то торопливо промывалъ кисти, готовилъ краски и отчищалъ палитру. Вынулъ надежный холстъ, ватиканскій, вѣрный, и закрѣпилъ на подрамникъ. И то обнималъ его страхъ темный, то радость безмѣрная замирала въ сердцѣ.

Только передъ разсвѣтомъ забылся онъ въ чуткомъ снѣ и вскочилъ на постукиванье въ окошко. Но не было никого за окошкомъ: дождь стучался. Сердито глядѣлъ Илья въ небо — тучи-тучи. Но къ утру подуло вѣтромъ, и сплыли тучи. Пошелъ Илья въ домъ при солнцѣ.

Блѣдный, съ горячими глазами, дрожащими руками готовился Илья къ работѣ въ банкетной залѣ. Боялся *ее* увидѣть. Но напрасна была его тревога. Вышла молодая госпожа и сказала привѣтно:

— Здравствуйте, милый Илья. Что съ вами? Не больны вы? . . .

Поклонился Илья, сказалъ невнятно и началъ свою работу. Взглядомъ однимъ окинулъ милое чер-

ное платье, стыдливыя худенькія плечи и будто утончившееся со вчерашняго дня лицо съ тѣнями. Новое сіяніе глазъ увидалъ Илья, какъ сіяніе моря въ вѣтрѣ, — сіяніе тихой грусти. Подумалъ: другіе глаза стали. И стали они другіе, когда сталъ бросать углемъ, — мѣнялись: радостные они были. Она спросила:

— Надо сидѣть покойно?

Но не слыхалъ Илья словъ, — и она спросила еще. Онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, пожалуйста, говорите...

Дрожалъ его голосъ и рука съ углемъ. Теперь онъ неотрывно глядѣлъ въ лицо ея, вырванное изъ жизни и отданное ему — ему только. Теперь онъ пилъ неустанно изъ мѣнявшихся глазъ, первыхъ глазъ, которые *такъ* сіяли. Тысячи глазъ видѣлъ онъ на полотнахъ по галлереямъ, любовно взятыхъ у жизни, но такихъ не было ни у одной Мадонны. Необъятность видѣлъ Илья въ темнѣющей глубинѣ ихъ, — необъятность святого свѣта. Не могъ онъ назвать, что видѣлъ. Радость? Но и печаль, свѣтлую грусть въ нихъ чуялъ Илья, и была эта грусть прекрасна. Небывающую красоту, все, что должно бы быть и освѣтить жизнь и чего не было въ жизни, — видѣлъ Илья.

Пришелъ баринъ, сказалъ: довольно, пора обѣдать.

День за днемъ потянулась эта радостно опаляющая душу пытка. Не жилъ эти дни Илья, не прикасался къ пищѣ, и только кусокъ хлѣба и кружка воды поддерживали его силы. *Она* приходила къ нему въ короткомъ тревожномъ снѣ, мѣняющаяся: то въ пурпурѣ Великомученицы Варвары, то въ свѣтлой одеждѣ св. Цециліи, то въ одѣяніи рубенсовой Ма-

донны. Приникала къ нему во снѣ полуобнаженная, въ пышныхъ тканяхъ прекрасной венеціанки, то манила его въ аллеяхъ, то лежала раскинутой на грѣховномъ ложѣ. Въ сладострастной истомѣ пилъ Илья ея любовь по ночамъ — безплотную, и приходилъ къ ней, не смѣя взглянуть на чистую.

Спрашивала она съ тревогой:

— Милый Илья, что съ вами? Вы устали?

Говорилъ Илья съ болью — за ея тревогу:

— Я здоровъ, что вы...

Онъ уже не смотрѣлъ на мѣнявшееся лицо ея. Зналъ его, новое и ея, созданное ночами.

Спрашивала она — онъ вздрагивалъ отъ ея голоса. Говорилъ и не помнилъ. Отвѣчалъ и не понималъ.

Но бывали минуты, когда онъ складывалъ передъ нею руки и смотрѣлъ, забывая все. Бывали еще мгновенія, когда обнималъ онъ ее всю взглядомъ, прорвавшеюся въ глаза страстью. Она отводила взглядъ, прятала шею и собирала плечи. Онъ приходилъ въ себя и бросалъ работу.

Ночью безумствовалъ Илья въ своей клѣтушкѣ. Онъ молитвенно складывалъ руки передъ ея — новымъ — ликомъ, падалъ передъ нимъ на колѣни и ласкалъ словами. А только вливалось утро — вкладывалъ новое, озарившее его ночью.

Былъ это ликъ нездѣшній. Не холстъ взялъ Илья, а, озаренный опаляющей душу силой, взялъ заготовленную для церковной работы доску. Иной смотрѣла она, радость неиспиваемая, претворенная его мукой. Защитой свѣтлой явилась она ему, оплотомъ отъ покорявшей его плотской силы. Дѣвственно-чистой рождалась она въ ночахъ — святая.

Все, что когда-то узналъ Илья: радости и страданія, земля и небо и что на нихъ; жизнь въ потемкахъ и та, далекая, за морями; все, что вливалось въ душу, — творило въ Ильѣ этотъ второй образъ.

Силой, что̀ дали Ильѣ зарницы Бога, небывающіе глаза — въ-полнеба; озаряющія зарницы, что̀ открылись ему въ тиши разсвѣта и радостно опалили душу: силой этой творился ея неземной образъ. Небо, земля и море, тоска ночная и боли жизни, все, чѣмъ жилъ онъ, — все влилъ Илья въ этотъ чудесный образъ. Стояло въ глазахъ — и не могло излиться. Огромное было въ глазахъ, какъ безмѣрна жизнь даже незамѣтнаго человѣка.

Двѣ ихъ было: въ черномъ платьѣ, съ *ея* лицомъ и радостно плещущими глазами, трепетная и желанная, — и другая, которая умереть не можетъ.

И вотъ, на двадцатый день кончилъ Илья работу. Сказалъ госпожѣ своей:

— Вотъ, кончена моя работа...

И ему стало больно.

А она, радостная, сложила по-дѣтски руки, смотрѣла и говорила:

— Какая прекрасная... я ли это?!

Не было барина — уѣхалъ на охоту. Илья сталъ собирать кисти.

Она сказала:

— Илья... это вы сдѣлали *для меня*, я знаю. Я хотѣла имѣть *вашу* работу. Она сохранитъ меня для моего ребенка...

И тутъ увидалъ Илья, какъ ея глаза потемнѣли скорьбю, и горько сложились губы. Словами сказалъ:

— Сладко было мнѣ писать вашъ образъ!

А взглядомъ сказалъ другое.

Робко взглянула она. Этотъ взглядъ принялъ Илья въ награду.

XVII

Вернулся баринъ съ охоты, — а говорили, что и съ «полотнянки», — выполнилъ обѣщаніе. Получилъ Илья волю по законной бумагѣ. Спрашивали Илью дворовые:

— Куда жъ ты опредѣлишь себя, Илья?

И удивлялись, что не думаетъ Илья ѣхать на вольную работу. Иные говорили:

— Тепло ему сидѣть на нашей шеѣ!

Говорилъ имъ Каплюга:

— Дураки вы, дубье. Да вамъ его чтить какъ надо! Взялъ, одинъ, такой трудъ на себя, расписалъ вамъ церкву! Два года, почитай, работалъ! А вы: тепло ему на нашей шеѣ!

Не хотѣлъ Илья никуда ѣхать. Осень, — куда поѣдешь! Пошелъ къ барину, — спасибо, сказалъ, за волю. Попросилъ, не разрѣшитъ ли пока до весны остаться. Разрѣшилъ баринъ:

— Живи, Илья, хоть до смерти! Это твое право.

Подивился Илья: сталъ ему носить Спирька-Быстрый барское кушанье.

Спросилъ Спирьку:

— Скажи, кто приказалъ тебѣ кушанья мнѣ носить?

Ухмыльнулся Спирька:

— А барыня такъ наказала.

Помялся-потоптался и прибавилъ:

— А баринъ опять къ дѣвкамъ своимъ уѣхалъ. Барыня-то никакъ больно скучаетъ...

Сладко заныло сердце Ильи. Пошелъ въ паркъ, бродилъ по шумящимъ листьямъ, смотрѣлъ къ сквозившему черезъ облетѣвшіе кусты дому. Недѣлю все ходилъ, ждалъ встрѣтить. Шли дожди. Плохо стало Ильѣ: надорвала ли его сжигающая работа, или пришелъ давно подбиравшійся недугъ, — слабѣть сталъ Илья, и не оставлялъ его кашель. А разъ принесъ обѣдъ Спирька, смторитъ — сидитъ Илья передъ жаркой печкой въ тулупѣ. Сказалъ Илья:

— Съѣшь за меня, Спиря...

А на утро забѣлѣло за окнами: выпалъ снѣжокъ въ морозцѣ. Обрадовался Илья зимѣ: приноситъ зима радость. Сталъ онъ прибирать въ комнаткѣ, и слышитъ: стучатъ каблучки на порожкѣ. Глянулъ Илья къ окошку и схватился за сердце: она, молодая госпожа его, стояла на крылечкѣ въ бѣлой шубкѣ, въ бѣлой на головѣ шелковой шали, новая.

— Вотъ и пришла къ вамъ въ гости, Илья! — сказала она, озаряя глазами. — Вы заболѣли?.. Пришла поблагодарить васъ за работу... забыла.

И она, ласковая, протянула ему руку. Закружилось и потемнѣло у Ильи въ глазахъ, схватилъ онъ маленькую ея руку, жадно припалъ губами, палъ передъ нею, своей царицей, на колѣни, осыпалъ безумными поцѣлуями ея заснѣженныя ноги, плакалъ...

Она смотрѣла на Илью въ страхѣ и не отнимала руку. Вспоминалъ Илья, что страхъ былъ въ глазахъ ея и нѣжность, и боль непередаваемая, и еще, что онъ такъ и не назвалъ словомъ. Шептала она въ страхѣ:

— Милый ... встаньте ...

Но онъ обнялъ ея тонкія колѣни и называлъ — не помнилъ. И увидалъ Илья новое лицо: огнемъ вспыхнуло блѣдное лицо ея, и пробѣжало синимъ огнемъ въ глазахъ; и губы ея помнилъ, ея новый ротъ, потерявшій дѣвственныя черты и жаркій.

Только одинъ мигъ было. Твердо взглянула она и сказала твердо:

— Илья, не надо.

И торопливо вышла. Видѣлъ Илья слезы въ ея глазахъ. Былъ этотъ день послѣднимъ счастливымъ днемъ его жизни — самымъ яркимъ.

Сталъ Илья доживать дни свои: немного ихъ оставалось. Лежалъ отъ слабости днями и вспоминалъ трудную жизнь свою. И подумалъ: «мнѣ жить недолго; пусть *она*, свѣтлая госпожа моя, узнаетъ про жизнь мою и про мою любовь все». Взялъ тетрадь и началъ писать о своей жизни.

Къ веснѣ услыхалъ Илья, что родилась у барыни дочь, а баринъ другую недѣлю пропадаетъ на охотѣ. Пришла навѣстить тетка Агафья и сказала Ильѣ, что барыня съ полгода будто не живетъ съ бариномъ, «не спитъ, сказать прямо», а перебралась въ дѣдовскую половину. Узналъ и еще Илья, будто застала барыня свою горничную Анюту съ бариномъ въ спальной.

Понялъ тогда Илья многое, и скорбью залило душу его. А черезъ два дня — поразило его какъ громомъ: барыня скончалась.

Онъ едва могъ ходить, но собралъ силы и пришелъ проститься. Новую увидалъ Илья, свѣтлую госпожу свою, прекраснѣйшую во снѣ послѣднемъ. Далъ, какъ и всѣ, послѣднее цѣлованіе.

Послѣ погребенія праха новопреставленной Анастасіи пришелъ Илья къ барину, сказалъ:

— Хочу расписать усыпальницу.

Уныло взглянулъ на него баринъ и сказалъ уныло:

— Да, плохо, Илья, вышло. И ты захирѣлъ... Ну, пиши...

Двѣ недѣли работалъ Илья въ холодномъ и сыромъ склепѣ, писалъ Ангела Смерти, перегнувшагося по своду, съ черными крыльями и каменнымъ ликомъ, съ суровыми очами, въ которыхъ стояли слезы. Склонялся этотъ суровый Ангелъ надъ изголовьемъ могилы Анастасіи. Подъ черный бархатъ расписалъ Илья своды и написалъ живыя бѣлыя лиліи — цвѣты прекрасной страны.

Кончивъ работу, самую тяжкую изъ работъ своихъ, слегъ Илья и не подымался больше. Пришелъ его навѣстить Каплюга. Сказалъ ему Илья:

— Вотъ, умираю. Сходи въ монастырь, Анисьичъ... дай знать. Привези на своей лошадкѣ духовника обительскаго, у него исповѣдался... іеромонаха Сергія. Не доберусь самъ.

Исполнилъ Каплюга послѣднее желаніе Ильи: самъ привезъ іеромонаха. Пробылъ іеромонахъ Сергій одинъ на одинъ съ Ильей съ часъ времени, потомъ вызвалъ дьячка, старуху Агафью и скотника убогаго Степашку, — какъ свидѣтели будутъ, — и при всѣхъ объявилъ Илья, — монастырю оставляетъ образъ «Неупиваемая Чаша». И тутъ въ первый разъ увидалъ Каплюга икону, завѣшанную новой холстиной. Приказалъ Илья снять покрывало, и увидали всѣ Святую съ золотой чашей. Ликъ Богоматери былъ у нея — дивно-прекрасный! — снѣжно-бѣлый убрусъ, осыпанный играющими жемчугами и бирюзой, и «поражающіе» — показалось дьячку — глаза. Подивился Каплюга, почему безъ Младенца писана,

не уставно, но смотрѣлъ и не могъ отвести взора. И совсѣмъ убогій, полу-нѣмой, кривоногій скотникъ Степашка смотрѣлъ и сказалъ — радостная.

Умеръ Илья теплой весенней ночью. Слышалъ черезъ отворенное окошко, какъ поетъ соловей въ паркѣ, къ прудамъ. Слушалъ Илья и думалъ — поетъ на островкѣ, въ черемухѣ. Приняли послѣдній вздохъ Ильи тетка Агафья и старикъ Степашка.

Разсказывала Каплюгѣ старая Агафья:

— «Скажи, говоритъ, тетенька Агаша, будто соловей поетъ, слышно?»

— «Поетъ, говорю, Илюша».

— «А гдѣ-жъ онъ поетъ, тетенька... на прудахъ?»

— «На прудахъ, говорю, на островку».

— «На островку?» — говоритъ.

— «На островку, говорю, Илюшечка». А потомъ подремалъ... «Тетенька Агаша... ты, говоритъ, все себѣ бери, имѣнье мое... роднѣй тебя нѣту»... А потомъ Степашку увидалъ. «Дядѣ Степану дай чего, тетенька Агаша... тулупъ отдай»...

Приняли они, двое убогихъ, послѣдній вздохъ Ильи, тихо отшедшаго. Тихо его похоронили, и приказалъ баринъ положить на его могилу большой валунъ-камень и выбить на немъ слова.

Умеръ Илья — и забыли его. Травой заросла могила его на сѣверной сторонѣ церкви, осѣлъ камень и сталъ обростать мохом. Стало и его не видно въ густой травѣ.

XVIII

Принялъ монастырь Ильину икону — Неупиваемая Чаша, — даръ посмертный. Дивились настоятельница и старыя: зналъ хорошо Илья устав-

ное ликописаніе, а живописалъ Пречистую съ чашей, какъ мученицу, и безъ Младенца. И смущеніе было въ душахъ ихъ. Но іеромонахъ Сергій сказалъ:

— Чаша сія и есть Младенецъ. Писали древніе христіане знакомъ: писали Рыбу и Дверь, и Лозу Виноградную, — знаменіе сокровенное отъ злыхъ.

Тогда порѣшили соборнѣ освятить ту икону, но не ставить въ церкви, а въ обительскую трапезную палату. И когда трапезовали сестры, — радостно смотрѣли на икону и не могли насмотрѣться.

По малу времени стали шептаться сестры, что является имъ во снѣ та икона — Неупиваемая Чаша. Говорили старымъ монахинямъ и на-духу іеромонаху. Стали видѣть во снахъ и старыя. И пошелъ по монастырю слухъ: чудесная та икона. Тогда поѣхала настоятельница къ архіерею. Положилъ архіерей: не оглашать до времени, а провѣрить со всею строгостью и съ сердцемъ чистымъ, дабы не соблазнялись, а пока записать все подъ клятвой. И стала вести строгую запись ученая монахиня, мать-казначея Ксенія.

По малу времени отъ сего шелъ на свои мѣста отставной служивый бомбардиръ, человѣкъ убогій, по имени Мартынъ Кораблевъ, тащился на костыляхъ послѣ севастопольской кампаніи: пухли и отнимались у него ноги. Присталъ въ монастырь на отдыхъ. Ласково пріютили его въ монастырѣ, накормили и обогрѣли. Пришелъ убогій Мартынъ въ трапезную палату и увидалъ ту икону, радостную Неупиваемую Чашу. Тогда, въ чаяніи сокровенномъ, повѣдали ему сестры, что является во снахъ та икона и любовно наказываетъ перенести ее въ соборную церковь для всенародныхъ моленій. Не могъ

отвести умиленнаго взора убогій Мартынъ отъ радостнаго лика Пречистой Неупиваемой Чаши и, хоть и въ великое труждёніе ему было, положилъ передъ Ней три земныхъ поклона. И во всю трапезу сидѣлъ, не отводя глазъ отъ невиданнаго лика, и молился втайнѣ.

А поутру потребовалъ настоятельницу и передалъ ей подъ великой клятвой: явилась ему, какъ на-яву будто, дивная та икона Пречистой Богоматери съ Золотой Чашей и сказала: «Пей изъ Моей Чаши, Мартынъ убогій, — и исцѣлишься».

Сказала настоятельница:

— Я и сестры обители не единожды сподоблялись откровенія Пречистой, но сохраняемъ сіе до времени втайнѣ.

Тогда неотступно и со слезами сталъ убогій Мартынъ просить, чтобы отслужили передъ Неупиваемой Чашей молебенъ съ водосвятіемъ. Просьба его съ радостью была исполнена, и въ трапезной палатѣ совершено было торжественное моленіе съ водосвятіемъ. Со слезами молился весь монастырь, прося чудеснаго оказанія, освятили воду, и взялъ болящій Мартынъ той воды въ склянку и растиралъ ноги. Но не даровала ему Пречистая исцѣленія.

Втайнѣ скорбѣли сестры, и поселялось въ душахъ ихъ искушеніе и соблазнъ. Съ великой печалью оставилъ Высоко-Владычній монастырь Мартынъ убогій.

А поутру прибѣжала, какъ не въ себѣ, съ великимъ плачемъ и слезами, старая мать-вратарница Виринея на крыльцо настоятельницы и вскричала:

— Призрѣла Пречистая скорби наши! Исцѣлился Мартынъ убогій, видѣла своими глазами! Безъ костылей ходитъ!

Не смѣя радоваться, спрашивали ее: откуда знаетъ? Говорила она, обливаясь радостными слезами:

— У св. воротъ разсказываетъ Мартынъ народу.

Тогда пошли всей обителью и увидѣли: стоитъ солдатъ Мартынъ, а кругомъ него много народу, потому что день былъ базарный. Босой былъ Мартынъ и всѣмъ показывалъ свои ноги. Дивились сестры — были тѣ ноги, какъ у всѣхъ здоровыхъ, и крестнымъ знаменіемъ свидѣтельствовали и настоятельница, и старыя, что еще вчера были тѣ ноги запухшія отъ воды, какъ бревна, и желтыя, какъ нарывы. А Мартынъ показывалъ костыли и возвѣщалъ народу:

— До Михайловскаго, братцы, едва доползъ ... ноги стало ломать, мочи нѣтъ! Приняли на ночлегъ меня, помогли въ избу влѣзть ... Положили меня бабы на печь и по моей просьбѣ стали мнѣ растирать ноги святой водой отъ Неупиваемой Чаши. А у меня и силъ вовсе не стало, будто ноги мнѣ рѣжутъ! И сталъ я совсѣмъ безъ памяти, какъ обмеръ. И вотъ, братцы ... даю крестное цѣлованіе ... пусть меня сейчасъ Богъ убьетъ! ... слышу я сладкій голосъ: «Мартынъ убогій!» И увидалъ я Радостную, съ Золотой Чашей ... съ невиданными глазами, какъ свѣтъ живой ... «Встань, Мартынъ убогій, и ходи! и радуйся!» Очнулся я, братцы, ночь темная, не видать въ избѣ ... Спать полегли всѣ. Чую — не болятъ ноги! Тронулъ ... Господи! да гдѣ-жъ бревна-то мои каторжныя?! Самъ съ печи слѣзъ, стою — не болятъ ноги, не слыхать ихъ вовсе! Побудилъ хозяевъ, засвѣтили лучину ... А я хожу по избѣ и плачу ...

Подтвердили его слова мужики и бабы, что пришли съ Михайловскаго съ Мартыномъ. Тогда запу-

мѣлъ народъ и просилъ отслужить молебенъ Неупиваемой Чашѣ.

Возликовала Высоко-Владычная обитель, и пошла молва по всей округѣ, и стали неистощимо притекать къ Неупиваемой Чашѣ, многое множество: въ болѣзняхъ и скорбяхъ, въ уныніи и печали, въ обидахъ ищущіе утѣшенія. И многіе обрѣтали его.

Повелѣлъ архіерей, уступая неоднократнымъ просьбамъ обители и получившихъ утѣшеніе, перенести ту икону въ главный соборъ, прибылъ съ духовной комиссіей и лицезрѣлъ самолично. И долгое время не могъ отвести взора отъ неописуемо-радостнаго Лика. Сказалъ проникновенно:

— Не по уставу писано, но выраженіе великаго Смысла явно.

И повелѣлъ ученому архіерейскому мастеру, до Лика не прикасаясь, изобразить Младенца въ Чашѣ стоящаго: будетъ сія икона по ликописному списку — Знаменіе.

Прибылъ въ обитель ученый иконописный мастеръ и дописалъ Младенца на св. Лонѣ въ Чашѣ. И положили годовое чествованіе мѣсяца ноября въ двадцать седьмый день.

Годъ отъ году притекалъ къ Неупиваемой Чашѣ народъ, — годъ отъ году больше. Стала округа почитать ту икону и за избавленіе отъ пьянаго недуга, стала считать своей и наименовала по-своему — «Упиваемая Чаша».

Еще не отъѣхавшіе въ городъ дачники изъ окрестностей, окружныя помѣщичьи семьи и горожане ближняго уѣзднаго города любятъ бывать на под-

монастырной ярмаркѣ, когда празднуется въ Высоко-Владычнемъ монастырѣ Престолъ — въ день празднованія Рождества Богородицы, 8 сентября. Здѣсь много интереснаго для любопытнаго глаза. Вот уже больше полвѣка тянутся по лѣснымъ дорогамъ къ монастырю крестьянскія подводы. Изъ-за сотни верстъ везутъ сюда измаявшіяся бабы своихъ близкихъ — бѣснующихся, кричащихъ дикими голосами и порывающихся изъ-подъ веревокъ мужиковъ звѣринаго образа. Помогаетъ отъ пьянаго недуга «Упиваемая Чаша». Смотрятъ потерявшіе человѣческій образъ на неописуемый Ликъ обезумѣвшими глазами, не понимая, что и кто Эта, свѣтло взирающая съ Золотой Чашей, радостная и влекущая за Собой, — и затихаютъ. А когда несутъ Ее тихія дѣвушки, въ бѣлыхъ платочкахъ, слѣдуя за «престольной», и поютъ радостными голосами — «радуйся, Чаше Неупиваемая!» — падаютъ подъ нее на грязную землю тысячи изболѣвшихся душою, ищущихъ радостнаго утѣшенія. Невидящіе воспаленные глаза дико взираютъ на свѣтлый Ликъ и изступленно кричатъ подсказанное, просимое — «зарекаюсь!» Бьются и вопятъ съ проклятіями кликуши, рвутъ рубахи, обнажая черныя изсыхающія груди, и изступленно впиваются въ влекущіе за Собой глаза. Приходятъ невѣсты и вѣшаютъ розовыя ленты — залогъ счастья. Молодыя бабы приносятъ первенцовъ, — и на нихъ радостно взираетъ «Неупиваемая». Что къ Ней влечетъ — не скажетъ никто: не нашли еще слова— сказать внутреннее свое. Чуютъ только, что радостное нисходитъ въ душу.

Знаютъ въ обители, что бродившій въ округѣ разбойникъ Акимъ Третьякъ принесъ на икону алмазный перстень, прислалъ настоятельницѣ съ

запиской. Не принялъ монастырь дара, но записалъ въ свой списокъ, какъ «чудесное оказаніе».

Шумитъ нескладная подмонастырная ярмарка, кумачами и ситцами кричатъ пестрые балаганы. Горы бѣлыхъ саней и корытъ свѣтятся и въ дождѣ и въ солнцѣ — на черной грязи. Рядкомъ стоятъ телѣги съ желтой и синей рѣпой и алой морковью, а къ стѣнамъ жмутся вываленные на солому ядреная антоновка и яркій анисъ. Не мѣняетъ старая ярмарка исконнаго вида. И рядками, въ вѣночкахъ, благословляютъ ручками-крестиками толпу Микалы Строгіе. Нищая калѣчь гнуситъ и воетъ у монастырскихъ воротъ.

И ходитъ-ходитъ по грязной, размякшей площади и базару бѣлоголовыми дѣвушками несомая «Неупиваемая Чаша». Радостно и маняще взираетъ на всѣхъ.

Шумятъ по краямъ ярмарки, къ селу, гдѣ лошадиное становище, трактиры. Тамъ красными кирпичами кичится богатая для села гостиница Козутопова, «Метропыль», славящаяся солянкой и женскимъ хоромъ — для ярмарки, когда собирается здѣсь много наѣзжихъ — за лошадьми. Бродятъ эти пѣвицы изъ хора по балаганамъ и покупаютъ «ярославскіе сахарные апельсины», сладкій макъ въ плиточкахъ и липовыя салфеточныя кольца. Смотрятъ, какъ валится народъ подъ икону.

Смотрятъ и дачники, и горожане. Выбираютъ мѣстечко повыше и посуше, — отсюда вся ярмарка и монастырь, какъ на ладони, — и любуются праздникомъ.

Отсюда берутъ на холстъ русскую самобытную пестроту и «стильную» красоту заѣзжіе художники.

Нравится имъ бѣлый монастырь, груды саней и бѣлаго дерева, ряды желтой и синей рѣпы и кумачевыя пятна. Дачники любятъ снимать, когда народъ валится подъ «Неупиваемую Чашу». Улавливаютъ колоритъ и духъ жизни. Насмотрѣвшись, идутъ къ Козутопову ѣсть знаменитую солянку и слушать хоръ. Пощелкиваютъ накупленными «кузнецами», хрустятъ рѣпкой. Спорятъ о темнотѣ народной. И мало кто скажетъ путное.

Ноябрь 1918 г.

Алушта.

ЭТО БЫЛО

(РАЗСКАЗЪ СТРАННАГО ЧЕЛОВѢКА)

I

Я прекрасно знаю, что *это* было.

Меня захватывало блаженствомъ ужаса, крутилъ вихрь на грани безумія и смысла...

Случилось *это* во время прорыва подъ М... Кажется, тогда... Нѣтъ, я буду говорить опредѣленно, — это даетъ увѣренность: *это* случилось тогда. Въ тылу у насъ очутилась нѣмецкая кавалерія, — и фронтъ сломался.

А вотъ что раньше.

Мѣсяца два передъ тѣмъ меня засыпало взрывомъ нѣмецкой мины. Двое сутокъ пролежалъ я въ землѣ, подъ счастливо скрестившимися надо мной бревнами, какъ въ гробу. Откуда-то проникалъ воздухъ. Надъ моей головой ходили въ атаки, прокалывали другъ друга, поливали мою могилу кровью. Иногда мнѣ казалось, что я слышу хрипъ нѣмца: «тайфэль... майнъ готтъ»... рычаніе родной глотки, изступленно-гнусную брань и молитвенный стонъ...

Этотъ участокъ фронта, изрытый кротовьими ходами-гнѣздами, съ подлой начинкой изъ нитровъ и толуоловъ, какъ сыръ швейцарскій ноздрями, разъ пять переходилъ изъ рукъ въ руки въ эти два дня. Пьяная смерть раздѣлывала надо мной канканъ. Я приходилъ то въ отчаяніе, то въ безумный ужасъ... пытался задавиться на ремешкѣ отъ

брюкъ и терялъ сознаніе... проклиналъ и молился... Я — молился! Кусалъ пальцы, рвалъ волосы... заводилъ часики на рукѣ, кричалъ ура... До тошноты, до полнаго отупѣнія, — чтобы не потерять разсудка, — твердилъ: «*а* плюсъ *б* въ квадратѣ — равняется...» А надо мной топотали и топотали, ревѣли, рычали и кололи другъ друга.

Это очень чудно — слѣдить за войной изъ гроба! Приходятъ веселенькія мысли... Будь при мнѣ «гнѣздышко» пудовъ на пять, — съ какимъ бы восторгомъ взорвался я вмѣстѣ съ этими шимпанзе и гориллами! Я вспоминалъ моего милаго сеттера, рыжаго «Гомо», — увы, разорваннаго гранатой, — какъ онъ, съ фляжкой на шеѣ, разыскивалъ ночью раненыхъ... Воистину, онъ былъ выше этихъ!

Изъ моего «гроба» я цѣнилъ глазами потусторонняго...

Наконецъ, пляска кончилась. Наплясали гору человѣчьяго навоза, выбили нѣмцевъ... Ночью тихой услыхали мой стонъ, и... я поѣхалъ въ продолжительный отпускъ.

Два мѣсяца! Славное было время... Чудесно провелъ я эти два мѣсяца! Это былъ солнечный, тихій сонъ...

Я жилъ внѣ обычной жизни, я жилъ и — не жилъ, и... я былъ неопредѣлимо счастливъ. Такова жизнь блаженныхъ...

Для меня уже не существовало женщинъ, словно я отдалъ землѣ всю силу. Пустынники понимаютъ прекрасное...

Машинки въ юбкахъ для выдѣлыванія болвановъ будущаго! Раскрашенной канарейкѣ, щебе-

тавшей о чемъ-угодно, отъ Фурье и Бергсона до футуристовъ и абортизма, — она прошла полтора факультета и санитарные курсы, — сторонницѣ «свободной любви», я, помню, сказалъ серьезно:

— Такихъ же взглядовъ и мои молодцы-саперы! Они васъ поймутъ. 35-й саперный, фронтъ...

Она... расплакалась!

Чудесное было время. Я жилъ цвѣтами...

Бывало—вьюнокъ развѣситъ тысячи колокольчиковъ, всѣхъ тоновъ, парадомъ встрѣчаетъ утро. А душистый горошекъ... этотъ — семейный, усатый, цѣпкій! подремываетъ себѣ на тычинахъ, выпустивъ пестрыя стайки своихъ мотыльковъ — поиграть на солнцѣ. Съ утра до ночи страстно полыхаютъ огни, несгорающіе костры настурцій... Левкои покоятъ глазъ дѣвственной бѣлизной, а резеда весь садъ заливаетъ неуловимымъ своимъ дыханьемъ — музыкой подъ-сурдинку...

Мало еще знаютъ цвѣты, таинственный ихъ языкъ и — душу!

Слыхали ли вы, какъ органно звучатъ бархатные голоса георгинъ? Какъ солнечно-звонко кричатъ красные маки и дѣтски лепечутъ маргаритки?

Я цѣловалъ ласточекъ налету, бабочекъ надъ цвѣтами, столбики суетливой мошкары въ тихомъ вечернемъ свѣтѣ. Я завелъ кроткихъ куръ, важно-покойныхъ палевыхъ кохинхинъ, этихъ себя уважающихъ дамъ въ перьяхъ, дарившихъ мнѣ чудесное — «всмятку». Разговаривалъ о философіи жизни съ уравновѣшеннымъ пѣтухомъ, отвѣчавшимъ мнѣ вѣжливо:

— Все проходитъ, мой другъ... все — пустякъ.

Любовался озабоченными маменьками-индюшками, дѣловито поглядывавшими зеркальнымъ глаз-

комъ на небо, вывернувъ голову: — дождя не будетъ ли? Я узналъ маленькіе секреты этой удивительной мелюзги, ихъ наивную простоту переживаній, покой и трепетъ солнечныхъ радостей, ихъ мистическій страхъ въ сумерки, когда они хотятъ и боятся отдаться ночи, вытягивая въ темноту шейки. А ласки сколько, ласки и радости передъ человѣкомъ-другомъ!

Съ отвращеніемъ вспоминалъ я рёвъ — рыкъ, влажное — тррр ... — отъ вспоротаго брюха и топотъ подкованныхъ орангутанговъ... животную вонь пота, шмыганье сопливыхъ носовъ и зоологическія «исканія» ...

Заглядѣвшагося на меня индюка я спрашивалъ:

— О чемъ, братъ, думаешь? Че-ло-вѣкъ ... — это звучитъ ... гордо?

Пыжился-багровѣлъ индюкъ, откатывался, словно на колесикахъ, кругами, возилъ по землѣ рулями-крыльями:

— Вотъ э-то ... — гордо!

Милый гордецъ!

Я цѣловалъ эти разноглазыя птичьи головки, безъ грязныхъ думокъ, всѣ разныя, всѣ — знающія самыя нѣдра жизни. Ихъ нюхъ, конечно, выше Бергсона.

Я ласкалъ глазами пѣгонькую телушку, зашедшую къ вечеру на далекій бугоръ, раздумавшуюся отъ тугого брюха. Она задумчиво смотритъ въ потемнѣвшія вдругъ поля, осматривается пугливо-недоумѣнно—это что? ночь? .. — и дѣтской еще трубой пускаетъ ночи свои испуги.

Я слышу голосъ вечерней бабы:

— Милуша-Милуша-Милушъ! ... Чево ты тама ... иди, не бойся ...

И чую я, какъ ласка животнымъ шелкомъ связываетъ обоихъ.

Но вотъ и конецъ. Меня призываютъ продолжать, говорятъ, что нервы мои въ порядкѣ, и я могу опять раздѣлывать подъ-орѣхъ.

Жаль, что я не маленькая зарянка, владѣлица чудесной квартирки на старой липѣ, съ электрическимъ освѣщеніемъ въ іюльскія ночи, когда небо играетъ пудовыми шарами. Почему не могу я сновать по садамъ на крыльяхъ безшумныхъ, присаживаться на жасминѣ и спрашивать сумрачнаго человѣка на подоконникѣ:

— Я-не-та-ка-я? .. я-не-та-ка-я? ...

Я прощаюсь, растроганный. Индюку говорю, что индюкъ — царь природы, и онъ кружитъ отъ гордости автомобилемъ. Пѣтуху признаюсь, что теперь вполнѣ раздѣляю его философію, — все проходитъ! Телушкѣ совѣтую не бояться ночныхъ полей и вырасти въ молочную гору. Сыплю всѣмъ пшена и гороху досыта и шепчу солнцу: — храни дѣтей!

Говорю коротенькое словцо цвѣтамъ-сироткамъ и смущенно сую подъ плащъ глупую шашку. Прощай, тихое небо, прощай! И ты, вольное солнце, проснувшееся за лѣсомъ, прощай... Кто это—будто зоветъ меня? Ахъ, зарянка... Счастливая, будешь въ тишинѣ жить...

Меня провожаетъ мудро-унылымъ глазомъ старуха — кобыла, съ отвислой губой,—«Матрона» — словно хочетъ сказать: «эхъ, зря! оставайся-ка лучше съ нами... столбунцы будемъ ѣсть, сныть сладкую!»...

И знаете, что сказалъ я тогда этой мудрой старушкѣ?

Я плотно сѣлъ въ тарантасъ и сказалъ въ тугую спину Антона:

— Но если я еще не доросъ до вашей свободы, мадамъ! Если я до ужаса боюсь смерти, страха ея боюсь, и потому... лѣзу къ ней въ лапы! Вамъ, мадамъ, этого не понять: это звучитъ... гордо!

Вотъ закрою глаза—и такъ ясно слышу: сочно похрустываетъ кобыла, отфыркиваетъ въ довольствѣ... постукиваетъ на колеяхъ тарантасъ, прощально поетъ пѣтухъ... Какія облачка стояли надъ головой, съ золотисто-розовыми краями! А въ длинной аллеѣ, за липами, дремали еще въ кустахъ тѣни послѣдней ночи... Вотъ-вотъ проснутся...

Не воротишь.

II

Снова грохотъ колесъ, водовороты на станціяхъ. Снова мѣшки и мѣшки, котелки и штыки, рёвъ и рыкъ, и несмолкающій скрёбъ тысячъ и тысячъ ногъ, все отыскивающихъ вѣрную дорогу. Грязные стаканы на липкихъ столахъ, женщины, съ блудливо-обѣщающими глазами и кровяными губами трепаныхъ куколъ. Ночлеги въ логовахъ, съ грамофонами тамъ и сямъ, съ гикомъ молодыхъ лошаковъ, съ визгами бабъ, потерявшихъ солнце. Гроба и носилки полевыхъ госпиталей; схватки обозныхъ у переправъ, казаки, съ крадеными коврами на рукѣ, съ пузатой розовой вазой, втиснутой въ торока съ сѣномъ; разрываемые на части станціонные коменданты, посылающіе всѣхъ къ чортовой матери...—плескъ и хлябь человѣчьяго наводненія.

Запахъ кровавыхъ полей проникаетъ въ меня до нѣдръ, и уснувшая было сила начинаетъ шумѣть

и звать. Я вспоминаю болтливую канарейку и жалѣю, что ея нѣтъ со мной. Подхватываетъ меня... захлестываетъ волна кроваваго прибоя: здѣсь скатъ...

Гдѣ-то задерживаюсь, кручусь въ веселомъ саду, въ пропыленныхъ акаціяхъ, укрывающихъ голоту и безстыдство туманной восточной женщины, сбѣжавшей съ помоста изъ ящиковъ и бочонковъ, гдѣ она совала въ себя змѣй-шипучекъ и обвивала жирной рукой въ индійскихъ браслетахъ позѣвывающую пасть бородатаго тигра въ клѣткѣ. Смѣюсь, какъ на солнце послѣ болѣзни, на колченогихъ скрипачей въ рыжихъ фракахъ, наяривающихъ зудливое. Пью съ подлецомъ-импрессаріо, отъ котораго несетъ одеколономъ и чеснокомъ, и котораго губы подозрительно сини. Вечеромъ рѣжусь «въ желѣзку» съ интендантами и жидкомъ, называющимъ себя почему-то Михель-и-Анджело. Онъ куритъ ноздрями, хлестко разсказываетъ анекдоты и разомъ выбрасываетъ четырехъ тузовъ пикъ. Выкручиваюсь въ смертельной тоскѣ,—съ чего?!—Частенько спрашиваю запыленное небо:—«а что-то теперь мои дамы въ перьяхъ?» — и мнѣ до слезъ хочется поговорить съ пѣтухомъ.

Вспыхиваетъ во мнѣ огневая мысль, рвущая всѣ слежавшіяся, вялыя мысли, — и я кричу въ эти рожи, лакающія пиво и бессарабское:

— Хрюкайте же, скоты! вставайте на-четвереньки, ревите, лайте! Довольно въ человѣковъ играть! Или сумасшедшая мысль взорветъ все! Мысль все порветъ и сожжетъ!

Увы! Никакая мысль не могла бы сжечь ихъ и этотъ проплеванный садишко. Они благодушно хлопали меня по плечу, чокались пьяно и, потирая пропотѣвшіе лбы, зѣвали:

— Гроза будетъ... За дѣвчонками, что ль, послать?...

Я съ тоскою гляжу въ запыленное, безъ звѣздъ, небо и призываю сказку.

Я покупаю у оборванца-цыгана укротительницѣ-тигрицѣ рѣдкостное Распятіе, изъ слоновой кости, въ серебрѣ чеканномъ, столѣтія благословенно дремавшее въ родовомъ замкѣ, обласканное мольбой голубыхъ очей, обвѣянное ароматами свѣтлыхъ волосъ красавицы-польки, изнасилованной войной, — и на моихъ глазахъ, безстыжая человѣчья машинка, эта мамзель Тюлю, родившаяся растлѣнной, со смѣхомъ пьяной сучонки колеть моимъ подаркомъ орѣхи, какъ молоткомъ!

Передъ фронтомъ я отыскиваю въ себѣ ошмётки вѣры. Рвавшій людей въ куски, я возмущенъ, взбѣшенъ, осыпаю мамзель Тюлю самой солдатской бранью, вырываю у ней Распятіе и дарю Его... грязноносой дочкѣ хозяина сада. Потомъ... — примиреніе, тигръ, вдругъ оказавшійся парикмахерскимъ подмастерьемъ изъ Черновицъ, — вотъ она, сказка-то! — безумства на мертвомъ тигрѣ-коврѣ, среди резиновыхъ змѣй-шипучекъ, — бредъ-обманъ убиваемой правды жизни...

А чего стоитъ она, линючая правда жизни!

Все это—подготовка къ военному бремени, можетъ быть — къ повторенію «гроба».

Но пѣна еще не кончилась.

До фронта еще верстъ семьдесятъ. Я вызываю со станціи моего мальчугана-шоффера Сашку съ машиной. Онъ привозитъ веселенькія вѣсти: нѣмцы опять зарылись въ моемъ «гробу», опять ведутъ ходы, пускаютъ изъ минометовъ «лещей», а вчера разорвало моихъ семерыхъ бомбой съ аэроплана...

— Опять выбьемъ! — говоритъ Сашка, красно-рожій, сытый, шарящій по тыламъ «за пряниками».

Затылокъ у него крѣпкій, несокрушимо-увѣренный, всегда успокаивающій меня.

— Не твоими боками только.

— Хочь и моими! Андеференто.

Катимъ...

Передъ поворотомъ на Б. — Сашка начинаетъ ерзать рулемъ и играть скулами,—скулы у него еще лучше затылка, съ глянцемъ! Ѣдемъ тише, на перебояхъ. Машина начинаетъ покашливать. Сашка ругаетъ масло, бензинъ, магнетто. Зеркало души его — затылокъ — какъ-будто начинаетъ потѣть, бойко играютъ скулы...

— Да что такое?..

У поворота машина осѣдаетъ съ ворчаньемъ, Сашка слѣзаетъ и начинаетъ нырять подъ кожухъ. Въ промежуткахъ я слышу, что въ прошлый заѣздъ забыли у казначея запасныя части, и надо бы, вообще говоря, ремонтъ. Онъ кряхтитъ подъ машиной, лежа на брюхѣ, стучитъ ключомъ и сопитъ. Я понимаю, что ему хочется въ Б., гдѣ у него пряничная дѣвчонка.

До Б. — верстъ тридцать, въ сторону отъ большого тракта.

Манитъ и меня въ Б., въ прохладный покой холостяка-пріятеля, лѣтъ на двадцать старше меня: отоспаться на турецкомъ диванѣ, подъ «Пашой съ кальяномъ», ѣсть литовскую ветчину, пончики и хрусткій «хворостъ»; хочется золотистой старки изъ подваловъ «самого Понятовскаго», ласкать пальцами пузатые потные кувшинчики со столѣтнимъ медомъ, съ бальзамами, съ вытяжками, со знаменитымъ

«дѣтскимъ дыханьемъ», отъ котораго грезы наваливаются туманомъ, — и открывается міръ нездѣшній. Стариканъ — казначей обязательно заколетъ тельца, а котлеты прикажетъ Зоськѣ вымочить въ сливкахъ и обвалять въ грецкомъ орѣхѣ.

Я поглядѣлъ вокругъ... Равнина-даль, съ подымающимися синѣющими лѣсами — къ фронту. Дубы... Охватила тоска, предчувствіе пляски смерти. Одинокій «фарманъ», какъ ворона надъ полемъ, — далеко, неслышенъ... И вдругъ, на сиротливомъ кусту, пичужка — какъ-будто спрашиваетъ меня:

— Я-не-та-ка-я?... я-не-та-ка-я?...

— Нѣтъ, ты не такая!

Вотъ тутъ до тоски захотѣлось уюта. Съ головой бы накрыться бѣличьимъ покрываломъ — роскошью казначейской! Упиться «дѣтскимъ дыханьемъ», — и уйти въ нирвану...

Я соблазнилъ себя казначейской ванной, — когда-то ее увидишь!—мягкими туфлями изъ ангорскаго кролика, въ которыхъ буду бродить цѣлый день,— цѣлыхъ два дня!—выходить въ бѣльѣ на крылечко. кликать цесарокъ и корольковъ и швырять золотистый горохъ моченый...

О, если бы на пустынный островъ! Тишины бы только...

— Ужъ ухлопаемъ мы машинку! — мрачно говоритъ Сашка.

Онъ отлично знаетъ и мои колебанія у сворота.

— А не повернуть ли, Сашка?..

Онъ старательно работаетъ насосомъ — весь въ дѣлѣ, но скулы его играютъ.

— Андеференто!

— На Б.!

Машина—ревучій вихрь, рветъ и сверлитъ воздухъ. Падаютъ за нами столбы, стрѣляетъ щебнемъ... Играютъ желваки за ушами у Сашки. Поетъ моторъ скоростями, позвякиваетъ срывно... воетъ желѣзо въ вихрѣ...

III

Въ обители казначейской закрутило меня бучило... Экзотика!

Представьте: Италія, Греція, Аргентина... — тутъ! въ глухомъ и затхломъ городишкѣ литовскомъ! Правда, — то же, что Турція надъ табачной лавкой, на вывѣскѣ какого-нибудь живописца-проройцы, или Ямайка на ромовой бутылкѣ... Но... старка! но... «дѣтское дыханье»! Дѣти изъ лоскутковъ создаютъ сказочные наряды.

О, хрупкая человѣчья машинка! Черезъ гашишъ она видитъ арабскія сказки въ помойной ямѣ.

Какой силой волшебной нанесло ихъ туда, трепаныхъ и потертыхъ, линючихъ дѣтей экзотики, на старку пермяка-казначея?

Меня крутило... Я слышалъ чужую рѣчь — пѣвучую рѣчь и гортанный говоръ. Циркъ ли то былъ заблудшій, факиръ ли изъ Индіи дотащился до городка, чтобы открывать будущее, розорвать заказанную завѣсу?

Я видѣлъ рожи... Онѣ плясали передъ глазами, какъ бываетъ въ кошмарномъ снѣ, — вздувались и опадали, расплывались въ гримасы и улыбки. О, эти улыбки ряженыхъ обезьянъ, пощелкивающія пасти!

Нѣтъ, не бредъ это былъ... Это бы-ло! Я и сейчасъ еще слышу запахъ человѣчьяго стойла, ѣдкаго пота вочеловѣчившейся гориллы-пса, сладко томящій запахъ банановъ и ванили... Тутъ нѣтъ ничего смѣшного. Да, гнусное стойло и... бананы!

Кто они были? какого племени? Не то поляки, не то... Итальянецъ, какъ будто, былъ... Да, сеньоръ Казилини... Еще бы безъ итальянца! Вѣчный городъ, сады Ватиканскіе, Капитолій и Колизей, форумъ Траяна и термы Каракаллы... пиніи, арки и акведуки, холмы въ колоннахъ, башня-замокъ св. Ангела... — выплыли для меня изъ краснаго галстуха въ сальныхъ пятнахъ, съ зеленымъ жучкомъ-булавкой, изъ тугого кривого носа и усовъ — черныхъ щеточекъ-ёршиковъ, съ этого шершаво-угристаго лица коричневаго шагреня. Лазурныя волны заплескали въ меня изъ горячихъ, но сонныхъ, въ истомѣ, глазъ, съ голубоватыми переливами отъ бѣлковъ. Неаполитанской остеріей полыхнуло отъ обшарпаннаго малиноваго жилета въ бархатныхъ шашечкахъ, отъ гнусно болтающейся цѣпочки, съ кучкой брелоковъ-гремучекъ, съ неизмѣнной похабной панорамкой, — прокислымъ виномъ и прогорклымъ масломъ и... сладкимъ духомъ перезрѣлаго апельсина...

Опять фантазія?... А знакомы ли вамъ тонкія струйки вагонныхъ купэ въ экспрессахъ, гдѣ теряютъ свой эпидермисъ человѣчьи сливки? Только — сливки? Дыханіе элегантныхъ женщинъ, смѣшанное съ симфоніями духовъ Парижа и Лондона, неуловимая эманація брилліантовъ и глазъ, мелодія словъ изящныхъ, слабый запахъ увядшихъ розъ, ананаса и шоколада? Ароматы шампанскаго и шабли, шамбертэна и сигаретъ самыхъ тонкихъ... — этотъ

непередаваемый эсс-букэ человѣчьяго превосходства? И въ этомъ «букэ» стоитъ, все пропитываетъ собою, тоже неуловимый «букэ»... человѣчьей гнили!

Грекъ еще былъ—топтался на мягкихъ лапахъ, съ повислымъ усомъ, невыспавшійся отъ вѣка, чревовѣщатель и «рахат-лукумщикъ» для фронта. Подавалъ съ потолка голосъ:

— Кали-мера!

Приближалъ ко мнѣ выпуклые глаза-маслины и надувалъ вялыя щеки, поплевывая фисташкой:

— Вазьмытэ напрымэрь... циво это?...

Пи́скляво-тонкій былъ его голосокъ, и полонъ былъ его дряблый ротъ фисташками, зеленоватой кашицей.

— Вазьмыте напрымэрь...

И еще... Аргентинка! Чудесная человѣчья самка.

Высокая, роскошная въ бюстѣ, тонкая въ таліи, въ бедрахъ широкая, суживающаяся книзу въ иглу, стройная, черноглазая, мѣдноволосая, съ носомъ-пуговкой и обжигающимъ взглядомъ вороньихъ глазъ хищныхъ, съ усиками и родинками, гдѣ нужно. А носикъ — пуговкой! Кто бы могъ подумать, что въ этой пуговкѣ былъ конецъ запутаннаго клубка! Потомъ поймете... Знайте одно, что забавница-жизнь неизмѣримо богаче самаго буйнаго фантазера, знайте. И не говорите: не можетъ быть. *Все* можетъ быть! Я знаю.

Да... Аргентинка. Бѣлая шея-стольбъ, въ золотисто-розовой пудрѣ, въ бархатно-нѣжныхъ складкахъ, въ кораллахъ, обвитыхъ жемчужнымъ золотомъ, съ крестикомъ въ изумрудахъ — въ вырѣзѣ чернаго шелка.

Она ходила — играла, откидывая и свивая у ногъ чернаго шелка трэнъ, въ колесѣ-шляпѣ изъ султанскаго страуса, съ рѣсницами и бровями, которыя могутъ присниться только.

Она говорила — пѣла:

— О, кабаллеро! . . . о, кабайеро!

Не могу передать игру этихъ словъ щекотныхъ, искрой пронизывающихъ нервы. Она умѣла! Даже старикань-казначей захлебывался въ истомѣ и хрипѣлъ мнѣ въ ухо:

— Она меня . . . не могу . . . щекотно! О, кабайльерро!

Только это, одно это слово,—и сыпучій, и звонкій-звонкій, какъ мелкое серебро, смѣшокъ сиплый . . . Такой . . . не сиплый, нѣтъ . . . Нѣтъ такого въ языкѣ слова, чтобы передать звукъ этого смѣха женщины, намекающаго интимно. Не кольца ли это ея смѣются, сверкающая броня на пальцахъ? Пахло бананами отъ нея, — бананами и душной ванилью. Было отъ нея знойно и влажно, какъ отъ нагрѣтой палящимъ солнцемъ морской лагуны.

Въ дымкѣ туманной сновали передо мной лица. Не призраки. Смотрите сюда . . . Видите на рукѣ царапину, этотъ шрамъ бѣловатый? Это она, играя моей рукой, шутливо провела перстнемъ . . . запятую!

Схватила мою руку и сказала:

— О, кабаллеро! о, кабайеро!

И . . . черкнула. Черкнула, плотоядно стиснувъ мелкіе зубки.

А ея накрашенныя губы, изогнутыя нѣгой! А переливающіяся, играющія складки шеи! Змѣя, питающаяся кровью . . .

Романтика? Погодите — узнаете.

Откуда, зачѣмъ они?

А не все-ли равно —откуда! Война вытряхиваетъ человѣчьи укладки, мететъ человѣчью пыль.

Когда раньше слыхали вы столько прозваній гнусныхъ, человѣчьихъ мѣтокъ?! Подлыхъ и страшныхъ мѣтокъ! Я знаю теперь, что есть человѣкъ, который подписывался — Убей! И подписывался съ чудеснымъ росчеркомъ! Я видѣлъ людей съ отмѣтками: Змій-Зміевичъ, Гнусъ, Гнида, Плевокъ-Божій!

Я не выдумываю. Я знаю.

— Откуда, зачѣмъ они, *эти?!*

Сіяетъ казначейская лысина:

— Эхъ, дружище! Люблю диковинки! Заявились вчера, сняли у меня антресоли на недѣльку. Представленія будутъ дѣлать, ка-ба-ли-сти-ку! Да гдѣ-то багажъ застрялъ. Народецъ занятный, со всего свѣта. О, кабайль ... еро! Ффу-ты — ну-ты!

А она кто же, мѣдноволосая Аргентинка? У ней вороньи глаза, и зубки, какъ мелкій жемчугъ... Аргентинка, а носикъ ... пуговкой!

— Что? Гадалка!

Да, она — гадалка. Она знаетъ конецъ войны.

— Она, понимаешь, знаетъ ... зна-етъ! — чмокаетъ казначей загадочно. — Голова мутится... Прилипла и прилипла, навязалась: «я такъ уста-ла ... а у васъ тутъ такъ ти-хо!» По-русски не понимаетъ, а такъ, на пальцахъ ... Наволокла ликеровъ ... Говоритъ, шельма: «о, кабайеро!» Ффу-ты — ну-ты!

Пѣтухомъ ходитъ казначей, даже розовымъ масломъ пахнетъ. Показываетъ гостямъ пермскіе мѣха, про сибирское золото, про уральскіе камни плететъ нескладно. Хватаетъ Аргентинку за золотые пальцы:

— Поѣдемъ, мадамъ Кабайльеро, за золотомъ! Накупимъ въ Ирбитѣ соболей-горностаевъ, ффу-ты, ну-ты!

— О, кабайеро! О, кабаллеро!

Все крутилось... День, и еще день — въ чаду. Они не уходили, эта экзотика. Или и уходили? Не знаю. Была старка, озорная старка «высокаго букета». Отъ нея яснѣютъ глаза и видятъ дали. Она приводитъ съ собой глушь и сырь дубовыхъ лѣсовъ и пущъ, старые зáмки, охоты-пиры пановъ, дѣвичьи руки-ленты, турьи чаши, зовы роговъ далекихъ, костры въ черныхъ ночахъ, золотомъ шитые кунтуши, береты въ самоцвѣтныхъ камняхъ и перьяхъ ... и музыку!

И ее, конечно. Слышенъ хрипучій голосъ казначея:

— Играй-играй, Яшка ... играй веселѣе!

Вонъ ужъ и музыканты сидятъ въ углу ... Представьте—тѣ же, что въ веселомъ саду, въ пропыленныхъ акаціяхъ! Колченогіе, въ рыжихъ фракахъ, съ оттопыренными ушами, красными отъ натуги. Что же тутъ страннаго! Музыканты веселыхъ домовъ и баровъ всегда тѣ же, подъ всѣми широтами, какъ затертый трактирный пиджакъ, какъ похоронные молодцы въ цилиндрахъ ... — кабацкая терпкая подливка!

— Играй-играй, Мошка ... играй веселѣе! ...

Играютъ до визга весело. Черный страусъ летаетъ подъ потолкомъ, фалда казначейская хвостомъ вьется. Звякаетъ Итальянецъ брелоками, кажетъ грязную рубаху изъ-подъ малиноваго жилета. Только Грекъ усомъ въ стаканѣ ловитъ.

— Гей-га! — визгъ цыганскій голосомъ Аргентинки.

Валится казначей — не казначей, — хрипучая перина на диванѣ:

— Ффу-ты — ну-ты!.. З-зу-ди! Маису!

Опять зудятъ-томятъ скрипки — несутъ душу въ просторъ нездѣшній. Все плыветъ, все колышется въ томныхъ звукахъ «Молодого Маиса»...

Вы знаете этотъ танецъ... въ страсти котораго пахнетъ тлѣномъ? Танецъ похоти истонченной, не желающей достиженій. Танецъ все испытавшей плоти, которая жаждетъ смерти, какъ наслажденья! Танецъ совокупившихся змѣй на трупѣ! Да, это гнусный танецъ безсилія и... неутолимой страсти, истомный вопль оголтѣвшаго человѣчьяго стада самцовъ и самокъ...

Они плясали, умирали отъ наслажденія, эти змѣи... Теперь я до яркости сознаю, что томило-мутило меня тогда, шептало моей душѣ: «готовься, скоро». Но это томленіе покрывалось явью. Уже тогда я — *зналъ! Зналъ* — и оралъ вмѣстѣ съ лысиной казначейской:

— Зу-ди! брраво!

Аргентинка клилась съ Итальянцемъ... свились, какъ змѣи, въ истомномъ, погружающемъ въ нѣгу танго... безоглядно несущемъ къ смерти. О, этотъ сладостный гной касаній! Порою мнѣ становилось жутко— до тошноты, я закрывалъ искушающіе глаза, пытался забыть настоящее, порывался пропасть куда-то... И... пропадалъ. И тогда — тогда плыла на меня въ этихъ томящихъ звукахъ панорама...

......Душно. Пахнетъ теплой лагуной, иломъ, апельсинной коркой. Подымаются небывающія пальмы въ ліанахъ, бананы-столбы съ листьями въ добрую лодку. Парна́я, душная отъ гніющихъ ра-

стеній ночь. Душная Аргентина... Вереницы, вереницы людей нездѣшнихъ. Это все хозяева стадъ тысячеголовыхъ... Отъ нихъ навозомъ несетъ, степями. На пальцахъ — слѣпящіе корунды, брилліанты, какъ чечевица. Въ красныхъ галстухахъ — изумруды-змѣиный глазъ. Красной искрой вспыхиваютъ сигары Гаванны. Висятъ туманные шары-жемчуга въ деревьяхъ... Похаживаютъ въ цилиндрахъ, важно, губастые широкобедрые негры въ бѣлофланелевыхъ костюмахъ, съ пунцовыми розами въ петлицахъ, съ золотыми набалдашинами на палкахъ, водятъ — ищутъ сметанными бѣлка́ми, пахнутъ конюшнями и сигарой, — думаютъ туго свое, ночное. И тысячи, тысячи Аргентинокъ выкручиваются подъ молочными шарами, змѣями обвиваютъ губастыхъ негровъ, прижимаются къ брюхамъ скотохозяевъ, заглядываясь мутнѣющими, истомными глазами на брилліанты, захлестывая шелковыми хвостами, заливая удушьемъ банановъ и ванили...

...Вотъ оно, обезьянье сѣмя, плевокъ Божій!

— О, кабаллеро, о, кабайеро!

Бредъ... Озорная старка! Она, или это вино въ кувшинѣ съ печатью сургучной, это «дѣтское дыханье», — вдвинули въ комнату съ краснымъ, привычнымъ поломъ пріокеанскую Аргентину, съ летающими огненными жуками, вспыхивающими отъ страсти — пфф-пфф?

Больше, больше цвѣтныхъ стекляшекъ, лоскутьевъ пестрыхъ, цвѣтистой фальши пьянѣющаго мозга! Заткните глазѣющія дырья трезвенницѣ святой, проклятой жизни! Смотритъ она въ меня кровавыми глазами!

— Играй-играй, Йоська... играй веселѣе!

— Заткните дырья! — слышалъ я рѣзкій, звенящій крикъ чей-то.

И вотъ, душистые пальцы въ кольцахъ закрываютъ мнѣ ротъ, съ журчаньемъ:

— О, кабаллеро... о, кабайеро...

На меня смотритъ, топитъ въ себѣ — Аргентинка... Нѣтъ, — акула. По-собачьи смотритъ, зубками-гвоздиками. Акульей пастью въ крови — смотритъ, — мелкой костяной пилкой. О, какіе чарующіе глаза — зеленоватыхъ морскихъ глубинъ! Какое атласно-бѣлое брюхо — шея! Сожри, распили костяною пилкой!

Она тянется, тянется вся ко мнѣ, глазами пьянитъ меня, протягиваетъ къ губамъ бокальчикъ...

— Сами настояци... барліантъ! — падаетъ съ потолка голосъ.

Съ неба — голосъ! Ахъ, это сонный чревовѣщатель... Что за милюга-парень! Прямо — дядюшка водевильный. Я вижу горящіе глаза Итальянца, крутящіеся волосатые пальцы... Ого, ревнуетъ? Это очень занятно... Отелло въ пестромъ жилетѣ, съ похабной панорамкой! А кто же она, изъ какой пьесы, какого репертуара? Карменъ... Юлія... Дездемона... или, какъ это... еще міровая склока...? Прекрасная Елена! Маргарита!.. Всѣ вмѣстѣ же, чортъ возьми! Всѣ вмѣстѣ! Бабій миражъ тысячелѣтняго человѣчества, упершійся въ... Аргентинку!

О, ты напоминаешь Клеопатру, Юнону, Беатриче... даже Минерву! Она ничего не знаетъ! О, скромница! Она, артистка, — и не знаетъ Беатриче! И лучше! Оставимъ наивность прошлаго пустельгамъ-поэтамъ. Это они навязывали Пенелопъ многовѣрныхъ, ожидавшихъ мужей годами... Это они

болтали, что бываетъ любовь до смертнаго часу! Не понимали они толка въ изумрудахъ и корундахъ, въ ароматахъ бананов и ванили... Не знали они, младенцы, какъ чудесно воняетъ человѣчьимъ стойломъ!

Она смѣялась, прекрасная Жанна д'Аркъ... Я, конечно, тогда ошибся... Конечно же, Аргентинка! Говорилъ, что красота ея всемогуща, что она могла бы совершить величайшій подвигъ... напримѣръ — Юдифи! или хоть Монны Ванны... Она могла бы сдѣлать гораздо больше, чѣмъ всѣ пушки міра... Если бы она была русской крови! Если бы я былъ поэтомъ — написалъ бы о ней величайшую поэму!

Какъ чудесно она смѣялась! Мой языкъ казался мнѣ мужичьимъ, а она такъ прекрасна!

Я пью — чокаюсь съ нею, съ Грекомъ, съ сеньоромъ Казилини. Вѣдь мы всѣ братья, бьемся общей рукой за правду...

Кричитъ-скрипитъ казначей:

— Брось, капитанъ, антимонію съ масломъ... Время — деньги!

Лысина казначея крутится надъ столомъ, — тасуетъ карты! Что же тутъ настоящее? Что не бредъ? Эта лысина — настоящее, это изъ Перми. И это зеленое сукно... А эти, *эти?!*

И опять голосъ — съ неба:

— Вазмытэ, напрымэрь... циво это?

И эти, запропавшіе, золотые у казначея — подлинные, его, или... какъ? И Грекъ высыпаетъ золотые! Фу-ты, какая пышность! Почему же нѣтъ дожа венеціанскаго? Что еще нужно, какого вина теперь, чтобы дожъ явился? Да гдѣ же суть? Поче-

му Итальянецъ похожъ на пса, даже стучитъ зубами?

— О, кабаллеро... о, кабайеро!

Я вбиралъ въ себя Аргентинку, ея атласно играющую шею, мѣдные волосы и акульи зубки. Сожри! Распили костяною пилкой!

Что я кричалъ?... Да, я кричалъ казначею, что все это ложь, сплошь поддѣлка, марево, мгла, туманъ...

— Марево! марево! марево!

Они смѣялись. Смѣялась даже пермская лысина простака-болвана, у котораго таяли золотые. Грекъ подслѣповато мигалъ гладившей мою руку Аргентинкѣ, тянулъ сонно:

— Сами настояци барліантъ...

Казилини передернулъ карту, но его поймалъ казначей и — странно — не разсердился! Только загребъ все золото подъ себя, стукнулъ кулакомъ и сказалъ твердо, молодчина:

— А теперь играй веселѣй!

И Казилини не разсердился. Всѣхъ размягчила старка.

— Я не катель вамъ наклядка! — кричалъ Итальянецъ. — Я катель показиль мадамъ Мари нови наклядка!

Да кто же они? — спрашивалъ я себя. — Пермь, лысина — это вѣрное, наше... Но эти, *эти?* ...

— Марево — и все тутъ! — весело хрипѣлъ казначей. — И война, капитанъ, и всѣ твои ужасы — марево! Настращался въ своемъ «гробу». А ты пей-плюй, не пужайся! Пей, главное дѣло... Мадамъ Кабайльеро, правильно?

И вдругъ...

— Война скоро кончится, обязательно!

Она сказала? Аргентинка?! Она, такъ по-московски: «обязательно»!? Такъ что же, наконецъ, это?! Почему — Аргентинка, акульи зубки, духота бананов и ванили?!

Нѣтъ, я сброшу эту наваду! Я хватилъ по столу кулакомъ и крикнулъ въ этотъ туманъ проклятый:

— Да кто же вы, наконецъ?! Здѣсь зачѣмъ, на красномъ полу, въ паршивомъ городишкѣ?! У васъ бриллiанты и золото! Изумруды — змѣйный глазъ! Къ чорту бананы и Аргентину, все ложь!

Они — смѣялись! Она, прекрасная, щекотала мнѣ шею теплою мѣдью-шелкомъ, шептала страстно:

— О, кабайеро!

Изъ ея морскихъ глазъ глядѣла на меня душная Аргентина, ночная тайна летающаго огня, влекущая счастьемъ къ смерти.

— Баришни... сладки товаръ... ряхат-лукумъ! — сказалъ Грекъ. — Война, а тутъ ты-хо... и ми тутъ... ты-хо!

И опять глухой голосъ — съ неба:

— Война... скора... фи-фи!

И сонный Грекъ перекувырнулъ что-то пальцемъ.

И Казилини сказалъ, потирая обезьяньи лапы:

— Фи-фи!

И рѣзко свистнулъ.

Былъ это мигъ блаженства: глаза ЕЯ, льющiе змѣиныя чары всѣхъ женщинъ мiра! Такой она мнѣ явилась...

Было ли это отъ ея «ликёровъ», которые стряпалъ дьяволъ, или это бурно вернулась изъ моего «гроба» покинутая тамъ сила, — не знаю. Великiй Соблазнъ выбралъ себѣ личину — Аргентинку! Она разняла меня по суставамъ, ядомъ меня поила, и...

странно, я чувствовалъ въ ней родное. Кровь ея рвалась къ моей крови, и тогда... тогда я почувствовалъ въ себѣ — звѣря. Она могла бы вести меня за собою на что-угодно! Она могла бы стянуть въ себя всѣ безцѣнные камни міра, къ ногамъ повалить всѣ царства! Сгноить и растлить живущаго въ мірѣ Бога!

Лихо кричала Аргентинка-вакханка:

— Гуляй, кавалеръ!... трын-трава!

И этотъ выкрикъ изъ публичнаго дома, этотъ бульварный выплевокъ — «кавалеръ» — въ ея губахъ, искривленныхъ нѣгой, былъ тогда для меня, какъ влюбленный шопотъ. Хотѣлъ бы я, чтобы *это* повторилось. Нѣтъ, не надо. То были впервые крикнувшія во мнѣ «нѣдра». Они вспучиваются въ войнѣ, въ революціи и... когда отравляетъ самка... Надо убить инстинкты, иначе все *небо* — къ чорту! Человѣку надо уйти въ пустыню и... вновь выйти!

— Гу-ляй! — оралъ ошалѣвшій казначей, хватая ее за пальцы. — Она гадалка! Ей ни-чего не жалко!

Да, гадалка. Недавно нагадала она *тамъ гдѣ-то,* и ловко мы *погасили* двѣ батареи нѣмцевъ и *стерли* три батальона стрѣлковъ-баварцевъ...

— Гей-га! Лихо?!

Играли ея акульи зубки.

— Гуляй, кавалеръ! трын-трава!

И она выпила золоченый бокальчикъ старки.

— Всѣ-то мы пор-рядочные скоты! — возгласилъ казначей, сгребая золотые, не считая. — А посему... прошу ужинать! Вотъ и солнце!

IV

А солнце уже покачивается надъ заборомъ — вышло изъ-за тумана.

Столъ, — умереть можно. Какъ работали акульи зубки! Какъ рвалъ мясо зубами Итальянецъ, и чавкалъ салатъ-оливье подбодрившійся Грекъ! Какъ сердито бурлилъ розовый медъ въ стопкахъ, смачно булькало въ глоткахъ! славно игралъ хрусталь розовымъ солнцемъ утра! Какъ кричали пѣтухи по всему городу, и, — странно, — тревожно лаяли собаки!

— Стойте... лаютъ собаки!... во-ютъ... — насторожено сказалъ казначей. — Вы слышите?... Какъ-будто, гремятъ повозки?... Гремятъ повозки...

И вдругъ, въ окнѣ — вихрастая голова парнишки и рука съ бумажкой:

— Телефонограмма! нѣмцы!...

Какъ бомбу бросилъ!

Казначей — мѣшкомъ въ кресло, посинѣлъ, налился... Иностранцы икру въ ротъ вмазываютъ, какъ шпатлюютъ... А я... Прорвались нѣмцы? Бредъ, марево! Пошутилъ парнишка...

И взорвалась бомба!

Ахнулъ казначей, рванулъ у ворота, хрипнулъ:

— Теле... фоно... «Эвакуироваться... немедленно?... направленіе...» Не понимаю... Что такое...?

Онъ трясъ шумажкой, водилъ глазами, вздувался жилами... И вдругъ, выпучивъ глаза, крикнулъ:

— Про-дали! Измѣна!! Вонъ!... вонъ!!... вонъ, скоты!! Всѣ вонъ!!

И пустилъ салфеткой въ глазѣвшаго на него Грека.

— Сюма сасель... — развелъ Грекъ руками, повелъ усомъ.

— Ха-ха-ха-ха... разсыпалась Аргентинка смѣхомъ.

Черезъ марево мнѣ блеснуло. Нюхомъ животнаго важное я постигъ, — близкое смерти. Остріемъ долгимъ-долгимъ, вытянувшимся оттуда, гдѣ плясали въ крови, пронзило сердце... Я уже рвалъ проклятую паутину, пытался схватить скользившую отъ меня тѣнь тайны. Она была здѣсь — я *зналъ*.

— Пьянъ... ничего не соображу... — путался казначей съ салфеткой, теръ кулакомъ глаза. — Капитанъ, что же это?!...

Я уже разорвалъ паутину, хваталъ ускользавшую отъ меня опредѣленность... Казначей окатилъ голову изъ графина, графинъ — въ окно.

— Капитанъ, дѣйствуй! Нѣмцы въ тылу, а у меня на рукахъ милліоны, резервъ!!..

Я впивался глазами въ Аргентинку, вытягивалъ изъ нея тайну... Я поймалъ-таки заметавшійся мышью взглядъ и крикнулъ этимъ, ужъ слишкомъ спокойнымъ комедіантамъ:

— Документы!!

Это былъ для нихъ, очевидно, привычный окрикъ. Они поднялись съ сознаніемъ важности порученнаго имъ дѣла, какъ бы съ сожалѣніемъ къ моей неосвѣдомленности.

Документы?!

У нихъ были чудесные документы, съ печатями всякаго сорта, даже изъ легкоплавкаго металла по холстинкѣ: и высокой гарантіи фотографическіе снимки, и спеціальные шифры, и несокрушимые ат-

тестаты. У нихъ было самое изысканное куррикулюм-витэ, у этой человѣчьей пѣны или... сути? Это были герои, мученики, подвижники... Они отдавали себя за... родину!

— Вы?! мѣщанинъ города Минска?!! — крикнулъ я Итальянцу. — Города Минска, и... Итальянецъ!!?

Ну да, самый подлинный Итальянецъ, до грязныхъ ногтей, въ которыхъ есть еще и теперь слѣды макаронъ съ помидорами, пожиравшихся имъ въ Неаполѣ, въ самомъ настоящемъ Неаполѣ, на скатѣ Монтэ Кальваріо, гдѣ извѣстная Віа Рома. Ну что?! Весь Неаполь у него въ жилетномъ кармашкѣ, на цѣпочкѣ, гдѣ похабная панорамка. Вы понимаете, что я думаю? А этотъ профиль высокой крови! А это звучное имя: Чезарро-Джіузеппе-Паллавичини! Вы понимаете, что я думаю? Но если этого мало,— онъ — понимаете!— жертва!! да-съ, жертва проклятыхъ нѣмцевъ, выходецъ съ того свѣта, возставшій изъ гроба— «гамбургской плавучей тюрьмы», — если сеньоръ желаетъ! Онъ,—сверхъ того — это вы поймете потомъ, — гражданинъ города Бостона, того Бостона, который — *пока* — по ту сторону океана! Вы понимаете, что я думаю?! Онъ умѣетъ глотать и сажать — «куда нужно»! — шпаги, играть ножомъ, какъ кореецъ, ловить на веревку петлей, изготовлять страсбургскіе паштеты и служить обѣдни навыборъ: въ Москвѣ, Неаполѣ и... въ Берлинѣ! Вы понимаете, что я думаю? Ну что?..

Онъ острилъ, какъ уличный мошенникъ, собирающій болтуновъ-зѣвакъ. И... онъ пугалъ меня, этотъ тугоносый итальянецъ невѣдомой крови, гражданинъ всего міра. Потомокъ Брута, Нерона, Пилата, Цезаря?.. Гарибальди, быть можетъ, его же

корня? Все можетъ быть. Вѣтвисто человѣческое древо... охъ, вѣтвисто! Онъ смотрѣлъ помутнѣвшими глазами, уставшими отъ тысячелѣтій міровой жизни. И галстукъ его усталъ, и жучокъ въ галстукѣ...

Всѣ имѣли первосортную броню — до крестика въ изумрудахъ, подарка изъ... Ка-би-не-та!

А тотъ, съ дремлющими усами? Этотъ, пожалуй, проще...

Чревовѣщатель и рахатъ-лукумщикъ для фронта. Яснѣе? Ну, поставщикъ сладкаго товара... Еще яснѣе?! Но кто же не знаетъ «сладкаго товара»?!, «живого барліанта»?!! Нѣтъ, не только. Онъ — импортеръ галлипольскаго масла, строитель храмовъ на Старомъ Аѳонѣ, житель Пирея, Тимосъ Чирикчіадисъ, почетный гражданинъ Кальвадоса, — а это у береговъ Ламанша, — за то, что онъ полезный лошадникъ, а тамъ извѣстныя нормандскія лошадки, — почетный членъ Промышленной Палаты въ Александріи, почетный членъ Арміи Спасенія въ Бирмингамѣ, онъ же и корреспондентъ торговаго отдѣла «Таймса», онъ же... Нѣтъ, не помню.

А она, одуряющая глазами и ванилью, Аргентинка? Она... Она дарила свои ночи... принцамъ!

— Это зе барліантъ... розови барліантъ, тисяца каратъ! Циво это?! — покачалъ пальцемъ Чирикчіадисъ.

Она была первосортнаго мяса, дочь Руси, натянувшая душную кожу Аргентинки. Она — великая гадалка-артистка — между прочимъ. Она даритъ людямъ счастье.

— Ну да, изъ Тулы. А пріятно сказать: о, кабаллеро! Это не воняетъ самоваромъ.

— О, конечно, сеньора!

Тула пустила ее на свѣтъ Божіи заманчивымъ пряникомъ съ ванилью.

Меня словно встряхнуло «Тулой», и я нашелъ ускользавшую отъ меня опредѣленность.

Казначей ... Его потрясли эти печати и миссіи «высокой цѣли». Онъ принялся подтягивать брюки, утончилъ голосъ и даже, чудакъ, засыкалъ. Онъ сунулъ Казилини телячью ногу и извинился, что теперь онъ уже не хозяинъ, что дѣла требуютъ отъ него, — сами видите, — величайшаго отреченія ... Онъ едва стоялъ на ногахъ, хваталъ меня за руки и молилъ не покидать его «въ такое отчаянное мгновеніе ока». Плелъ что-то о депозитахъ, резервахъ и неотправленныхъ въ срокъ «критическихъ запасахъ». Онъ метался по комнатамъ, плевался на ошалѣвшихъ чиновниковъ, погружавшихъ на подводу связки бумагъ и ящики, звонилъ въ онѣмѣвшій телефонъ ...

Я искалъ Сашку гонцами по городу, — не было ни Сашки, ни машины. Наконецъ, удалось связаться. Съ «узловой» отвѣчаютъ: гонятъ эшелонъ за эшелономъ, и мои саперы еще ночью прошли на Д. Въ городѣ ни одной машины: въ сторонѣ отъ большого тракта, затишье, заводь. Городишка жужжитъ, какъ разбитый улей. Два дня, какъ прорвались нѣмцы, — и гдѣ-то близко!

Это уже не марево ... Это подлинный пѣнный валъ кроваваго прибоя, и мы — на немъ. Вонъ онѣ, щепки!

Мимо оконъ несутся въ гулѣ горы человѣчьяго скарба, который еще кому-то нуженъ, — пузатыя перины, ликующіе на солнцѣ самовары, звонко смѣющееся стекло, гогочущіе гуси, — ихъ и теперь не хотятъ отпустить на волю. Всѣ вмѣстѣ — куда-то

къ чорту! Ревутъ и свистятъ радостные мальчишки: — новое! Воютъ и причитаютъ сорванныя съ уклада бабы, спасающія свое племя въ тряпкахъ. Сіяютъ тазики, въ зайчикахъ, ворчитъ желѣзо въ колесномъ грохотѣ, — все летитъ, движется и ползетъ, и только однѣ мудрыя коровы тянутъ назадъ, упираясь рогами въ камни. Все то же, — переселеніе народовъ... Пора привыкнуть.

Казначей-таки погрузилъ подводу. Пошатывается — вопитъ:

— Да гдѣ же твоя проклятая машина? Ты же пойми! При мнѣ чемоданъ съ милліонами! Не могу же я довѣриться подводѣ! Вѣдь я присягу...

Онъ, чудакъ, еще трепыхался на послѣднихъ винтахъ, — его еще не сорвало! А мнѣ... мнѣ было странно покойно, безразлично. Не хочу никакихъ валовъ и скатовъ...

— Мнѣ теперь все равно, казначей.

Не все ли равно, гдѣ видѣть рожи! Къ чему мотаться? Стать гражданиномъ хоть Ямайки, или уйти къ Маори... Можно и тамъ найти Тулу. Все — только призракъ. Всюду есть тихія пичуги, и вездѣ онѣ спрашиваютъ съ укоромъ: «я-не-та-ка-я»? И вѣрныя, хозяйственныя индюшки, поглядывающія зеркальнымъ глазкомъ къ небу: дождя не будетъ?

Хотѣлось крикнуть:

— Да пожжетъ васъ сѣрнымъ дождемъ, обезьянье сѣмя!

Удушьемъ стала для меня человѣчья осклизь — плевокъ Божій! Гдѣ-то еще остались чистыя плотички... Что толку! Придетъ череда— разбухнутъ, натянутъ акулью шкуру, вправятъ въ хайло́ костяную пилку и выправятъ — для хода — первосорт-

ную броню, съ печатями — гдѣ нужно. Все — подлый призракъ, все переливается въ бредъ-правду...

—Теперь мнѣ все равно, казначей.

Онъ не унимался, чудакъ; онъ даже топалъ и грозилъ кулаками:

— А родина?!! Это же преступно!...

— Родина есть — прекрасное слово, казначей! Она — въ хрестоматіяхъ и на устахъ поэтовъ! Какіе же мы съ тобой поэты? Родина... это — отдача жизни. Родина... это любовь до смерти!

— Но ты же герой! ты въ «гробу» сидѣлъ за эту ро-дину! Я — пьянъ, но чувствую долгъ... милліоны надо спасать, для родины!

— Родина-родина-родина!.. — крикнулъ я, готовый его ударить. — Что есть родина, казначей? Кто изъ насъ знаетъ это?! Это толь-ко сло-во! Молчи. я знаю! видѣлъ, казначей!! Тамъ, и тамъ! Что есть родина, казначей!! Спроси-ка этихъ! Аргентина въ Тулѣ, Бостонъ въ Минскѣ, Неаполь въ Гвадалквивирѣ, а Кальвадосъ... въ Самарѣ!

— Ты — пьянъ, старина! — плакался казначей. размахивая чемоданом. — Это отъ «дѣтскаго дыханья»... Ну, а эти что же? Милорды, а вы что же не въ дорогу?!

А что «милордамъ»! Они уже закусили. Они — стальные. Они даже не дремали. Аргентинка съ Грекомъ играли на колѣняхъ въ «двадцать одно». а Итальянецъ лежалъ на диванѣ, какъ въ пансіонѣ, и курилъ гаванну.

Шипѣлъ казначей мнѣ въ ухо:

— Да ужъ не мазурики ли они, капитанъ...

— А документики-то, «высокой цѣли»!

— Всякіе документики бываютъ... Что-то они тово! Сняли у меня почему-то антресоли...

— Какъ у оффиціальнаго лица, казначея! Тутъ прочнѣе и... безопаснѣй...

Казначей выпучилъ рачьи глаза, не понимая. Дались ему его милліоны!

— Не къ милліонамъ ли подбирались, да сорвалось! Для меня это совершенно ясно! Ясно!!

Я пытался нащупать его мысли:

— А если у нихъ больше твоего, казначей? Если это торговцы самымъ ходкимъ товаромъ... кровью?!

Казначей выпучилъ рачьи глаза, — не понялъ! — и сказалъ плаксиво:

— Нѣтъ, тебѣ надо проспаться... Стой! Теперь все ясно! Это *ихъ* ловушка! это они нарочно угнали машину... тутъ нечисто!

И онъ кинулся на Итальянца:

— А вы что же?! Съ нѣмцами въ «желѣзку» хотите, «новой наклядкой»?

— А-а-а... — зѣвнулъ въ него Итальянецъ.

А Грекъ отмахнулся, сонный:

— Ми... истрюкци.

— Поѣзжай на подводѣ, казначей... спасай свои милліоны... — сказалъ я одурѣвшему казначею. — Не придетъ машина — останусь. Мнѣ теперь все равно.

Для меня какъ бы не существовало сути. Не калейдоскопъ ли все это, арабески изъ пустяковъ стеклянныхъ?

А ну, провѣримъ!

Я прилегъ на кушетку и поманилъ къ себѣ Аргентинку. Она подошла охотно.

— Ну... — сказала она томно, колыша грудью.

— Прекрасная Аргентинка! — сказалъ я ей, подавляя желаніе посадить ее на кушетку. — Вы —

изъ Тулы... Тула есть ро-дина! — крикнулъ я, овладѣвая собой.

— Какъ это... скучно! — протянула она игриво.

Тогда я въ бѣшенствѣ крикнулъ:

— Для васъ... что есть родина?!

— Тула! — сказала она задорно.

— Къ чорту игру! — крикнулъ я, сдерживаясь, чтобы не ударить въ накрашенныя губы-поцѣлуи, и увидалъ наклонившуюся ко мнѣ лысину казначея.

Онъ слушалъ, навостривъ ухо. Она впивалась въ меня позеленѣвшими, рѣшительными глазами. Я выдержалъ этотъ властный натискъ, въ которомъ была и отдающая себя страсть-ласка, и угроза... смертью.

— Я *знаю*...—Да, я зналъ это нюхомъ животнаго и поручился бы головою!—Я *знаю*, что вы... про-да-ете родину! Родину продаете!! — крикнулъ я ей въ лицо, выхватывая ноганъ. — Я могу васъ убить! И *долженъ!!*.

Я впивался въ эти глаза зеленоватой воды... Они не моргнули, не загорѣлись, не погасли. Они... ласкали! Никто не пошевельнулся. Грекъ дремалъ надъ телячьей ногой. Итальянецъ курилъ сигару. Не бредъ ли это? и это ли я сказалъ? *Это*. Я видѣлъ по испугу казначея: онъ открылъ ротъ и показалъ золотые зубы. А она, Аргентинка?.. Она смѣялась акульими зубами!

Она сказала-швырнула:

— Проспись, мальчикъ!

Я завертѣлся на остріѣ, куда швырнула она меня этимъ — «проспись, мальчикъ!» Этимъ циниз-

момъ или... геройствомъ?... «Тула» выдѣлала та-ку-ю!! Она убила меня. Смѣхомъ акульихъ зубовъ и злобой въ глазахъ — убила.

Во мнѣ шевельнулось, укусило меня сомнѣніе.

Я не ошибся тогда. Я же видѣлъ, какъ она выла и извивалась подъ петлей, какъ болтался ея шелковый хвостъ акулій, хвостъ въ ключьяхъ! Это было потомъ. Но это *было!*

Да, сомнѣніе меня укусило. И все же — я *зналъ, кто* это. Въ это время взрывались мосты на тылахъ нашего фронта.

Волной грязи хлестнуло въ меня, и я крикнулъ:

— Прочь, человѣчья падаль!

Она смѣрила меня нагло:

— Тише, малёньчикъ!

Почему я не убилъ ее въ этотъ мигъ?..

Во мнѣ взметнулось два чувства: похоть и отвращеніе. Столкнулись съ такою силой, что я обратился въ нуль. Я лопнулъ, сложился, какъ шапоклякъ съ удара.

— Пропадемъ! — кричалъ казначей, — что дѣлать?!..

Онъ былъ положительно великолѣпенъ. То его вскидывало на гребень, и онъ закипалъ пѣной: топалъ на невозмутимыхъ «иностранцевъ», билъ себя въ грудь и отдавалъ кому-то распоряженія. То проваливался въ пучину: падалъ въ кресло и бѣшено растиралъ лысину салфеткой. Онъ даже облачился въ мундиръ со шпагой, нацѣпилъ ордена и то и дѣло высовывался въ окошко, словно ожидалъ невѣсту.

Шумъ въ городкѣ затихалъ. Пробило полдень. Но казначей не терялъ надежды: уложилъ въ кор-

зину закуски и бутылки и наказалъ Зоськѣ хранить квартиру.

— На антресоли! — скомандовалъ онъ гостямъ лихо.

Они и не пошевелились.

— Мы сохранимъ вамъ берлогу, дуракъ лысый! — крикнула Аргентинка.

Казначей поперхнулся, присѣлъ и прикрылъ лысину салфеткой. Все перевернулось вверхъ ногами. Сейчасъ наплюютъ намъ въ глаза...

— Вонъ отсюда, скоты!

Я ихъ выгналъ, пригрозивъ ноганомъ. Этотъ языкъ они хорошо знали.

Слышимъ — идетъ машина, реветъ сиреной, тревожно кашляетъ: клёк-клёк-клёк...

— Спасенiе! — завопилъ казначей, — ура!

Подкатилъ Сашка подъ окна, завылъ сиреной. Круглая морда — свекла, фуражка на затылкѣ, на груди бутоньерка съ жасминомъ... Не шофферъ — шаферъ! Оправдывается-бормочетъ:

— Виноватъ, ваше вскородiе... Невѣсту маленько съэвакуировалъ...

Невѣсту! Эти, широкоскулые!.. Какъ макъ, горитъ отъ стыда: всегда былъ исправный.

— Рвутъ мосты по тыламъ... торопиться надо...

А?!! Теперь — торопиться надо! Погрузилъ я своего казначея съ чемоданомъ... И развезло же его, — какъ грязь! А фигура... — пузырь въ мундирѣ, при орденахъ. Крикнулъ Сашкѣ:

— Впередъ! Часъ сроку!!

И засверлили!..

V

Съ дороги! все съ дороги!! Гу-гу! клёк-клёк-клёк!..

Полетѣли возки въ канаву. Коровьи хвосты, и визгъ, и ругань, и пыль такая—пожаръ! Несокрушимъ затылокъ, моя опора — успокоенiе, недвижны скулы: сиди покойно. Собака ли визгнетъ — тряпкой летитъ въ канаву, возъ ли повалится на крутомъ —кривомъ поворотѣ, баба заверещитъ, прихватывая ребенка, — недвижны скулы, несокрушимо вдумчивъ затылокъ; развѣ только круто вскраснѣютъ уши...

Съ дороги! все съ дороги!! Гу-гу-у!..

Казначей о бочокъ бьется, разинувъ ротъ: разжалъ ему золотые зубы вихрь-вѣтеръ. Задохся, козырекъ натягиваетъ, взмолился:

— Пронеси, Господи...

Въ ногу мою вцѣпился, посинѣлъ съ нагуги...

Мчитъ меня бѣшеный валъ на гребнѣ, лихъ его гонъ желѣзный, летятъ со щебнемъ думы за верстовые столбы... — все ясно. Вонъ оно, стадо пасется, не зная ни тѣхъ, ни этихъ. Вонъ она, кроткая даль, — всѣхъ принимаетъ лаской. Мчится на насъ придорожная береза... Прощай!.. Прощай, старикъ... Зажимаетъ уши въ ужасномъ ревѣ...

Съ дороги! все съ дороги! Гу-гу-у-у-у...

Все позади осталось — переселенiе народовъ. Пустыня-даль впереди, вольный вѣтеръ...

Тревога? Затылокъ дрогнулъ... Ходу сбавляетъ Сашка, остановилъ машину...

Да что такое?!

Смотритъ на меня — Сашка не Сашка: сѣрое лицо бормочетъ:

— Бензинъ кончается...

Разстроился съ опозданья—въ квартирѣ у казначея запасный бидонъ оставилъ! Словно ударилъ въ сердце.

— Назадъ!

— Никакъ не хватитъ. Больше двадцати верстъ покрыли, а бензину и на десять не будетъ, безъ подъемовъ...

И машинъ позади нѣту. Что же дѣлать? И вдругъ казначей:

— Есть! Знаю!! Гдѣ-то госпиталь долженъ быть, поворотъ налѣво...

Смотрю на него: совсѣмъ пьяный, и глаза побѣлѣли. А онъ свое:

— Въ семи верстахъ, въ сторону... госпиталь, какъ-будто...

Путаетъ что-то: ассигновки какія-то, докторъ на машинѣ пріѣзжалъ, въ карты звалъ...

— Есть поворотъ,—подтверждаетъ и Сашка.— Въ лѣса поворотъ будетъ.

— Тамъ-то и госпиталь! Въ лѣсахъ экономія... какъ ее?.. «Звишки» либо... «Звашки»!

— А гдѣ госпиталь, тамъ и бензинъ. А надо торопиться,—настаиваетъ Сашка. — Кругомъ шпіоны напущены. Штабные на станціи говорили: важные какіе-то усклизнули! Наши, будто, агенты были...

Ахнулъ казначей. Схватилъ меня за плечо, задохнулся:

— Вотъ... говорилъ!.. Ясно!.. Тихое-то мѣсто...

Для меня все теперь было безразлично. Мнѣ открывалась тайна... Помогать жизни?.. Я те-

перь достаточно подготовленъ, чтобы не творить иллюзій... А этотъ лысый...

— Предпринимай же! — оралъ на меня казначей. — Нельзя оставить!

Сашка смотрѣлъ болваномъ.

— Иди и возьми! — крикнулъ я казначею.

Постояли-пождали. Уголъ глухой, въ сторонѣ отъ большого тракта, лѣса́. Ясно одно: надо достать бензину.

Доѣзжаемъ до поворота. Столбъ. Мощеная дорога въ лѣсъ, и на столбу стрѣлка: «Завилишки».

— Вспомнилъ, — говоритъ казначей. — Это и есть то самое, «Завилишки». И тамъ-то госпиталь!

Ѣдемъ наудалую. А если эвакуированъ? А не все ли равно! Длится, длится кошмаръ проклятый... ставитъ все новыя декораціи. Вотъ и они, какія-то таинственные «Завилишки»...

Лѣсомъ дорога, сосной. Сосны мачтовыя, подъ небо, красавицы. Паркъ въ природѣ. Сквозитъ коридорами палевый полумракъ. Сойти съ машины и итти, итти, пока силъ хватитъ. Итти, не думая, забыть все. Лечь и уснуть въ живомъ храмѣ, подъ стуки дятловъ, прислужниковъ красноштанныхъ, въ траурныхъ мантіяхъ, подъ тихія золотыя ленты солнца. Пахнетъ ладаномъ теплымъ, подъ сводомъ дремотно гудитъ органъ, колокола чуть слышны... Зачѣмъ я не былъ здѣсь раньше! Прощайте, старыя сосны... прощайте! послѣднюю пѣсню играй, органъ! послѣднее цѣлованіе... Смерть идетъ къ вамъ въ огнѣ.

Если бы тамъ остаться! Тишина усыпляющими глазами ворожила моей душѣ, и тогда, тогда только почувствовалъ я до боли, что усталъ я смертельно, что я — **не я.**

Стоятъ дремотно-розовыя колонны, а подъ ними густой-густой мохъ, бархатныя зеленыя подушки. Я жадно смотрѣлъ на нихъ... Вотъ гдѣ тишину-то слышно!

Охватывало лаской Великаго Покоя. О, лѣсъ волшебный, сонное царство сказки!

Всѣхъ охватило благостное безмолвіе. Казначей снялъ фуражку и завздыхалъ:

— Воля Божья. Привелось напослѣдокъ такую красоту увидѣть... Всю жизнь о лѣсѣ такомъ мечталъ, и всю жизнь чужія деньги считалъ...

Ѣдемъ тихо, дорога въ ямахъ. Прохлада, свѣжесть.

...Клёк-клёк!.. — вспугнулъ Сашка лѣсную глубину — тайну.

Тревогой побѣжало въ бору... — и я, и казначей, оба крикнули, словно отъ острой боли:

— Не надо!..

Глубь — тишина — тайна. Рябина горитъ въ лучѣ — улыбка бора. Сырость въ лицо — оврагъ...

— Человѣкъ въ канавѣ!..

Мчитъ машина — не разобрать! Эхъ, спросить бы... Время не ждетъ, летимъ. Втягиваетъ глубина — тайна...

Стопъ!.. — Сашка остановилъ машину.

Поперекъ дороги канава, свѣжая перекопка. Столбикъ съ дощечкой — «охота воспрещается», а подъ дощечкой — бумажка.

Сошли, чтобы не поломать машину, — и я читаю: *О. Л.* — выведено крупно тушью, а внизу помельче:

«Воспрещаю дальнѣйшее слѣдованіе на основаніи кодекса *О. Л.* — Полковникъ»...

Подпись вытянулась въ неразборчивую черту и росчеркъ.

— Что же это значитъ: *О. Л.?* — спросилъ я слѣпую подпись.

— Да Окружное Лѣсничество, это ясно! — сказалъ казначей увѣренно. — Впрочемъ... Ну, конечно... Окружной Лазаретъ!?..

— Такихъ не бываетъ, казначей.

И вдругъ казначей странно хрипнулъ, словно его сдавили, и показалъ пальцемъ:

— Полумѣсяцъ...! Полумѣсяцъ сверху!!..

Да, вверху бумажки лихо былъ выведенъ тушью красивый полумѣсяцъ.

У казначея дрожали губы. Онъ впивался въ мои глаза и шепталъ чуть слышно:

— Неужели турки, капитанъ?.. Вѣдь они съ нѣмцами, и это ихній полковникъ! Мы въ плѣну... Конецъ, ясно.

Онъ, какъ-будто, всплакнулъ и опустился у столбика.

— Ни шагу дальше... — бормоталъ онъ тревожно.—За себя не страшусь, но обязанъ исполнить долгъ... При мнѣ казенныя деньги! несу отвѣтственность передъ... закономъ! Ихъ надо спрятать.

Онъ растрогалъ меня, чудакъ. Онъ взиралъ на меня съ надеждой, что я укажу выходъ. А мнѣ... мнѣ стало странно легко, знакомо: ну вотъ, опять наплываетъ марево, волшебный лѣсъ начинаетъ пріоткрывать тайны... Вѣдь это же сонъ мой длится, а настоящая моя жизнь остановилась еще тогда, въ тѣ страшныя ночи «гроба». И я — вовсе не я. Да кто же? Ну да, я, прежній, остался, конечно, тамъ, подъ этими бревнами, гдѣ плясали въ крови и рёвѣ. Я сказалъ:

— Какъ ты думаешь, казначей: я ли это, на самомъ дѣлѣ? Что-то со мной творится, не понимаю...

Онъ посмотрѣлъ растерянно.

— Этого еще не хватало! — закричалъ онъ, въ тревогѣ. — Нечего дурака валять! Выбираться, капитанъ, надо. Ты человѣкъ находчивый, я въ тебя всегда вѣрилъ...

Его увѣренный тонъ подѣйствовалъ. Я совладалъ съ собой и почувствовалъ себя въ жизни. Довольно проклятой мути! Все это — жизнь и суть. И какія тутъ, къ чорту, тайны!

— Бодрись, казначей! — крикнулъ я. — Нѣтъ никакихъ призрачныхъ жизней, никакихъ тайнъ! Все очень просто и гнусно, другъ! Какая тутъ, къ чорту, тайна? Смотри: почеркъ — идеально писарской, съ росчерками, штабной самый! Я даже и рожу этого писаришки вижу... — угреватое рыло, косой проборъ... Самая настоящая суть! Видишь, — «полковникъ» даже подъ *рондо* пущено, въ знакъ почтительности къ начальству! А полумѣсяцъ... такой-то веселый серпъ! Просто — игра ума!

— Все это, пожалуй, вѣрно... — нерѣшительно сказалъ казначей. — Ну, поѣдемъ... Только что же такое эти *О. Л.* — то значать?

— А не все ли тебѣ равно? Охрана Лѣсовъ, Окружное Лѣсничество... или даже хоть бы и — Оселъ Лысый?! Что мы теперь теряемъ!?

— Казенные милліоны! — сказалъ казначей строго. — Но все равно.

Мнѣ хотѣлось шутить. Я взялъ старикана подъ руки и потащилъ въ машину.

— Во снѣ — такъ во снѣ! Выходи, всѣ лѣсныя тайны! Впередъ!

Ѣдемъ дальше. Только ужъ не мчитъ Сашка, а крутится. Дорогу будто нарочно коверкали: то пень лежитъ, то слега поперекъ, то яма. Сашка ворчитъ — потѣетъ его затылокъ. Останавливаетъ машину... Поперекъ дороги натянута веревка, а на ней... простыня съ клеймами: — *П. Г.*

Смотритъ на меня Сашка, играетъ скулами: что такое? Но теперь это было ясно, и казначей крикнулъ весело:

— Да это же бѣлый флагъ! Значитъ, не успѣли эвакуировать и даютъ знать, чтобы не стрѣляли. Эхъ, лучше бы красный крестъ! А *П. Г.* — Полевой Госпиталь!

— Теперь бы бензину только — черезъ полчаса на узловой будемъ! — сказалъ Сашка. — Вонъ онъ, и госпиталь!

Впереди лѣсъ раздался, и я вижу: глухія, высокія ворота съ каменными столбами, чугунныя на нихъ вазы, и двое — съ ружьями. И тишина, сонъ... Прямо — волшебный замокъ.

Но... почему вдругъ остановилъ Сашка? А казначей меня за руку:

— Луна!! Луна тамъ... Господи... что такое... луна!?..

Смотрю и не понимаю. Вижу только: бѣлое полотнище надъ воротами, какъ плакатъ. А казначей теребитъ меня за руку, не въ себѣ:

— Есть или нѣтъ... луна? Что такое...?!...

А я близорукъ, не вижу... но по голосу казначея понялъ, что что-то странное... Слышу — читаетъ Сашка:

«От-дѣлъ... Лу-ны»!..

Повернулъ свою морду и глядитъ стеклянно... Да что такое?!!

Къ чорту! къ чорту этотъ миражъ проклятый! Дурацкія шутки?..

Я командно крикнулъ:

— Открыть ворота!

Ни шёлоха. Стоятъ часовые — камни. Сашка въ сирену взвылъ, — завыло въ бору, завлёкало. Стоятъ, какъ мертвые! Прямо — волшебный замокъ.

Я крикнулъ Сашкѣ — впередъ! Нащупываю наганъ, на случай... Чортъ!.. у казначея оставилъ, на кушеткѣ! Э, къ чорту! Крикнулъ сфинксамъ:

— Открыть ворота! Буду стрѣлять!!..

Тогда одинъ изъ солдатъ крикнулъ что-то невнятное и вскинулъ винтовку на руку... Крикъ казначея, — и вдругъ... словно сорвали калитку,— а заборъ высокій, глухой, — и появляется... великанъ!..

Сказка...

VI

Представьте: человѣкъ, безъ малаго въ сажень. и все — въ пропорціи. Матово-блѣдное лицо, черная борода-красавица, носъ орлиный, запавшіе, острые, огневые глаза-сверла. Страшно худое лицо — воскъ тонкій. Высокіе сапоги. офицерскіе штаны, боевая кожаная куртка съ полковничьими погонами, и по груди — высокіе боевые ордена. Взглядъ такой, что связываетъ волю и можетъ приказать все, до смерти.

Я привсталъ отдать честь, — и сѣлъ, словно меня прихлопнуло. На головѣ полковника былъ... мѣдный тазикъ! Да, — вродѣ плевальницы! Какъ

шлемъ. Подвязанъ ремешкомъ у подбородка. Въ рукѣ — ноганъ! И этотъ ноганъ двигался, нащупывалъ насъ чернымъ, неотвратимымъ зракомъ.

Секунды ... или минуты? Это длилось ...

Я смутно слышалъ, какъ стучалъ надъ головой дятелъ, какъ тяжело сопѣлъ казначей, скрипѣлъ кожей подушки, сползая въ ноги ... стрекотала, — потыркивала нетерпѣливо машина ...

А ноганъ все нащупывалъ ... Поискалъ — и медленно, нехотя, опустился. Раздумчиво какъ-то опустился, словно подумалъ: «мы еще поглядимъ» ...

Я снова привсталъ. И только хотѣлъ сказать, какъ рѣзкій приказъ ноганомъ:

— Сидѣть!

Острый, бѣшеный взглядъ полковника связалъ мысли. Я опустилъ глаза. Какъ сквозь сонъ, видѣлъ я ужасъ на лицѣ казначея. Онъ хотѣлъ испариться. Онъ весь словно сложился, сморщился, мутнымъ глазомъ высматривая изъ-за чемодана, и отмахивался: назадъ! назадъ!!

— Съ руля!

Какъ сталь по камню. Сашка руки съ руля: разъ-два!

Сидимъ, какъ связаны.

Смотрю, — изъ-за полковника высунулся, какъ грибокъ изъ-за пня, тощій, вертлявый, бритый ... человѣкъ-обезьянка, съ сѣроватымъ лицомъ въ кулачокъ, въ долгополомъ гороховомъ халатѣ, съ синей папкой и карандашикомъ. Адъютантъ! До-синя бритая голова, узкій, заросшій лобикъ мартышки. Онъ впивается въ насъ мышьими глазками, водитъ носомъ, крысенокъ, нюхаетъ воздухъ, преданный рабъ, готовый на все. Часовые, какъ истуканы. И тишина,

тишина... Только дятелъ стучитъ-стучитъ да тяжело сопитъ казначей...

И вотъ, съ ноганомъ у шва, съ вытянутой лѣвой рукой, идетъ полковникъ къ машинѣ. Лицо — тревожно-восторженное, какъ бы озаренное открывшеюся нежданно мыслью. Въ глазахъ — радостная тайна, *своя* тайна. И отрывисто, черезъ зубы:

— Ждалъ... призналъ по звуку... консонансъ! — и щелкнулъ по тазику.— Вліянія слабѣютъ съ утра... *Ихъ опыты*... — подмигнулъ онъ кому-то черезъ наши головы. — напор-ролись на контр-вліянія системы полковника Ба-букина! Мы *почти спасены*... зависитъ отъ солидарности! Имѣйте это въ виду! Враги не спятъ!! Прохоровъ!..

Его пристальный, липкій взглядъ усыплялъ. связывалъ мою волю: ложилась на глаза сѣтка. Писарекъ вытянулся и зачеркалъ по папкѣ.

— Такъ точно, ваше вскородіе! «Враги... не спятъ!»

Я понялъ. Далеко, конечно, не все. По тѣлу пробѣжало мурашками, и сознаніе полной безвыходности связало остатки воли.

— Что же молчите, какъ мочало?!—рѣзко крикнулъ полковникъ, дернувъ ноганомъ. — Рапортуйте же, наконецъ. не бабьтесь! Какъ и что? Связь налажена?... Данныя мнѣ подайте! Что луна? какъ?.. Я васъ спрашиваю, сношенія установлены, чортъ возьми?!...

Что сказать?.. Но сказать было нужно. Взглядъ полковника требовалъ и грозилъ. Усиліемъ воли я прорвалъ липкую сѣтку оцѣпенѣнія, привсталъ и, руку подъ козырекъ, отрапортовалъ первое, что попало:

— Связь налажена, господинъ полковникъ! Съ луны... даютъ консонансъ!..

— Ка-кой консонансъ?! — крикнулъ, передернувъ лицомъ, полковникъ. — Вы что-то путаете?..

— Консонансъ, господинъ полковникъ... — нащупывалъ я колеи его мысли. — Для насъ это совершенно ясно! Съ луны подаютъ знаки, и...

— Ага! Дѣло идетъ на-ладъ... Главное,—*тамъ* извѣстно, что мною приняты мѣры! Это должно ободрить... Переломъ уже наступилъ! Вліянія слабѣютъ съ утра, и уже вчера свѣтъ былъ ярче! *Имъ* не удалось окончательно погасить *её!* *Она* оживаетъ и даетъ знать... *Они* таки напор-ролись! Изъ Пулкова?..

— Такъ точно! Изъ Пулкова, господинъ полковникъ! Сейчасъ же должны обратно, но намъ нуженъ бензинъ. Жду вашихъ распоряженій.

Я, какъ-будто, попалъ въ колею его больной мысли. Всего я не понималъ, но главное было ясно: онъ здѣсь командовалъ.

— Бензинъ!?! Странно... — тревожно-невнятно протянулъ онъ, подозрительно вглядываясь въ меня. — Вы, очевидно, не въ курсѣ дѣла...

— Господинъ полковникъ! — уже рѣшительно сказалъ я. — Мы спѣшимъ въ... Пулково! И бензинъ намъ нуженъ до-зарѣзу... — И тутъ мнѣ пришло на мысль — ударить тревогу: — Имѣйте въ виду, что и Марсъ не совсѣмъ въ порядкѣ!

Я не ожидалъ такого эффекта: полковникъ досѣра поблѣднѣлъ и взметнулся:

— Марсъ?! Какъ, и Марсъ также?!.. О, дьяволы!! — погрозилъ онъ наганомъ. — Я это упустилъ изъ виду... Но... быть можетъ, не *опыты* здѣсь? мо-

жетъ быть... кометы близко прошли или... Какъ у васъ думаютъ? Да говорите же, не тяните!..

Игра захватывала меня. Безуміе заражаетъ, и я поддался ему безвольно. Во мнѣ бѣшено бился смѣхъ, смѣхъ надъ самимъ собой, надъ этой проклятой жизнью, которую называютъ сутью. Мнѣ хотѣлось прорвать эту грязную оболочку ея, въ которой томился я, за которой мнѣ могъ открыться — и открывался уже намекомъ — новый, чудесный міръ сказокъ и сновидѣній, пусть хоть изъ пустяковъ стеклянныхъ.

И я поддался:

— Вы угадали, полковникъ. Вы, очевидно, чудеснѣйшій астрономъ. Кометы прошли, я имѣлъ случай ихъ наблюдать: Италія, Греція, Аргентина... Возможно, что онѣ оказали на Марсъ вліяніе...

— Капитанъ, опомнись! — дошелъ до меня сдавленный шопотъ казначея.

Полковникъ что-то обдумывалъ.

— Возможно... но въ данномъ случаѣ нечего опасаться. Это не *опыты!* Все дѣло — въ лунѣ! Жизнь жива лишь *ея* тихимъ свѣтомъ! Значеніе Марса совершенно ничтожно, нуль!

Прохоровъ повторилъ, съ карандашикомъ:

— Совершенно... ничтожно-съ... нуль-съ!

Но я продолжалъ бороться:

— Господинъ полковникъ, прикажите дать намъ бензину! Мы спѣшимъ продолжать опыты!

— Кто вы?! — въ бѣшенствѣ закричалъ полковникъ, хвативъ кулакомъ по кожуху машины. — Подлецъ или сумасшедшій?! Или вы, несчастный, не знаете, *кто* сейчасъ дѣлаетъ *эти опыты?!* Враги! Враги жизни и человѣчества! Они поставили аппаратъ... аппаратъ крови!!..

Онъ высверливалъ меня взглядомъ, подавлялъ бѣшенствомъ. У меня дрожалъ голосъ, въ этой «игрѣ», когда я выговорилъ невольно:

— Я обмолвился, господинъ полковникъ...

— Обмолвился?!...

— Я не такъ выразился, господинъ полковникъ. Мы спѣшимъ продолжать изслѣдованія луны... по вашей системѣ...

— Странно...

Полковникъ издалъ неопредѣленный звукъ носомъ, — что-то злобно-насмѣшливое, — перекосилъ ротъ и отошелъ отъ машины. Стоя въ полъ-оборота, онъ быстро поправилъ въ ноганѣ и скомандовалъ часовымъ:

— Стража, открыть ворота!

Часовые — у одного оказалась палка вмѣсто ружья — сейчасъ же ворота настежь. Сашка продвинулъ медленно, косясь на ноганъ полковника. Моментъ былъ жуткій: полковникъ оставался за нами, и ему ничего не стоило насъ убить. Наконецъ, за нами раздался командный окрикъ:

— За-крыть ворота!

Ворота захлопнулись съ оглушающимъ грохотомъ. Мы попали въ кошмаръ.

VII

Передъ нами была старинная, запущенная, когда то богатая господская усадьба, обнесенная высокими стѣнами, — съ бойницами, какъ въ монастырѣ. Огромный дворъ-лугъ, пріятный глазу коверъ зеле-

ный. За нимъ, подъ стѣнами, каменныя службы, бѣлыя, съ черными пятнами затворовъ, съ гнѣздами аистовъ на konькѣ.

Высокій, въ три яруса, съ бельведеромъ, домъ-замокъ, съ круглыми башнями на углахъ. Домъ этотъ выходилъ глаголемъ: крыло смотрѣло на насъ, къ воротамъ; фасадъ, въ высокихъ колоннахъ, тянулся справа. Въ колоннахъ — ступени, изъ мѣлового камня, широкія, какъ въ соборахъ. Все было крашено въ удручающе желтый цвѣтъ, и въ этихъ желтыхъ стѣнахъ — огромныя, словно двери, окна, въ черныхъ, траурныхъ, переплетахъ.

За чугунной рѣшеткой — заглохшій вѣковой паркъ: дубы и липы. На серединѣ луга-двора — исполинскій дубъ, съ облупившимся, когда-то пестрымъ, Распятіемъ и чугунной скамьей вокругъ.

Въ такихъ замкахъ бываютъ подземелья, истертыя плиты; въ стѣнахъ — ржавыя кольца, — давно отшедшее.

На широкихъ ступеняхъ, между колоннами, кучка сизоголовыхъ, въ халатахъ, хлесталась картами и галдѣла. Одинъ стоялъ на колѣняхъ, глядѣлъ въ ведерко и часто-часто крестился: что-то онъ тамъ видѣлъ. По всему лугу валялись скореженныя желѣзныя койки, вспоротые сѣнники-матрасы и одѣяла въ клочьяхъ. Опустивъ головы, блуждали люди въ халатахъ. На скамьѣ, подъ дубомъ, стояли иконки съ банками отъ консервовъ, и какой-то высокій и тощій, голова рѣдькой, окрутившись газетами, переступалъ съ ноги на ногу и отпѣвалъ кого-то...

Сашка подалъ къ колоннамъ, и мы услыхали полковника:

— Стопъ! Смиррно!

Изъ выбитыхъ оконъ дома совались головы, желтыя пятна лицъ. Мотали тряпками, простынями. Очевидно, встрѣчали насъ.

Сашка повернулъ голову, повелъ на меня, по-лошадиному, косымъ глазомъ, словно пыталъ — что дальше? — и глухо ворчнулъ:

— Влипли.

Казначей... Казалось, что онъ уснулъ. Но онъ все такъ же сидѣлъ со своимъ чемоданомъ, какъ сползъ, и пытался что-то сказать, высматривая полковника. Я разобралъ одно слово: «вертится».

Полковникъ остановился недалеко отъ машины и, помахивая ноганомъ, закричалъ на крышу:

— Сидоровъ! Музыкантъ! Какъ?! Вліянія есть?...

Я поднялъ голову. На самомъ карнизѣ, двое, въ халатахъ и жестянкахъ на головѣ, держались за телефонную проволоку и орали хрипло, наперебой:

— Оказываетъ, ваше вскородіе! Ихъ благородіе, поручикъ Куроѣдовъ расчисляютъ!

Полковникъ задергалъ глазомъ и заметался:

— Признаки! Признаки мнѣ давайте! Поручикъ, есть? есть вліяніе? рапортуйте же, чортъ возьми!

Къ самому краю, не боясь сорваться, подошелъ худой, блѣдный юноша, въ черномъ халатѣ и тазикѣ, какъ у полковника. Свѣсилъ ноги, усѣлся и закурилъ. У меня захватило духъ: закружится голова — сорвется! Но тотъ спокойно покуривалъ, а полковникъ метался, размахивая ноганомъ:

— Извольте соблюдать дисциплину, а не курить! Рапортуйте-съ!

Юноша поднялся, взялъ подъ тазикъ и сказалъ устало:

— Замѣтно слабѣй, господинъ полковникъ. Мы противопоставили контр-вліяніе. Провода подняты еще на пятнадцать, площадь защиты расширена. Щиты дѣйствуютъ хорошо. Идея въ основѣ вѣрна, но лучше бы шелковые...

— Перебиваете мои мысли! — замахалъ на него полковникъ, прислушиваясь внутри себя.

Поручикъ сѣлъ, упершись босыми ногами въ желобъ, и сталъ курить. Сидоровъ и Музыкантъ вытягивали одинъ у другого простыню и гремѣли по крышѣ.

— Лучше бы шелковые, господинъ полковникъ!

Полковникъ дернулся и щелкнулъ по тазику разъ десять — видимо, въ раздраженіи:

— Я же приказывалъ достать шелку!? Подъ арестъ пойдете! Сейчасъ же командировать Музыканта, отъ моего имени! Обязаны дать!! Написать отъ моего имени Главному Интенданту, подлецу! Ерничество, кумовство! Дать имъ, наконецъ, взятку!! Дѣло идетъ о спасеніи Россіи, человѣчества, а они высчитываютъ гроши! Моя система абсолютно вѣрна! Это геніальнѣйшее открытіе, и вотъ результатъ! — показалъ полковникъ на насъ ноганомъ. — Они изъ Пулкова! и привезли кон-со-нансъ!! Мы спасены! Ур-ра-а!..

Всѣ, на крышѣ и на крыльцѣ, что было силы, закричали: ура-а-а!

Это давно неслышанное «ура» искрой пронизало меня, и я едва удержался, чтобы не закричать съ ними.

Казначей выставилъ голову и пытался что-то сказать. Но я разобралъ опять только одно слово: «вертится». Очевидно, съ нимъ было плохо. Саш-

ка сидѣлъ копной, и его тупо-стеклянный глазъ пучился, силясь постичь — въ чемъ дѣло?

Я... я не пытался постичь. Я уже все постигъ. Самая суть, самая вѣрная, «здравая» суть была столь гнусна, что я счастливъ былъ бы ея лишиться. Пусть затопитъ ее сверкающій міръ сумасшедшей сказки! Онъ творился во мнѣ, этотъ чудесный міръ, втягивалъ и манилъ въ себя. Меня начинало захлестывать, мнѣ начинало казаться, что тамъ, на крышѣ, дѣлаютъ что-то важное. Тревожно-дѣловой тонъ полковника путалъ мысли:

— Добавить щитовъ съ запада и съ сѣвера! Главное, съ запада! *Они* пользуются магнитными возмущеніями, чтобы сбить насъ съ тольку... Не выгоритъ! — Пони-маете... — строгимъ шопотомъ обратился ко мнѣ полковникъ, — послѣдніе дни я постигъ, наконецъ, *ихъ* тайну! Луна... начала слабѣть! вянуть!! Неужели вы тамъ не замѣчали! Замѣчали?...

— Какъ же, какъ же, господинъ полковникъ... — поспѣшилъ я отвѣтить на его жесткій взглядъ.— Очень замѣчали и... недоумѣвали!

— Га! — подмигнулъ онъ самодовольно. — Можете быть покойны... Это *ихъ* послѣднее напряженіе! Бы-ло! Огромный аппаратъ *опытовъ*... — Это слово полковникъ произнесъ съ величайшимъ презрѣніемъ, какъ что-то въ высшей степени омерзительное. — Я передамъ вамъ мои доклады и главный трактатъ — «Работа кровью». Это произведетъ полнѣйшій переворотъ въ психологіи и гистологіи нервныхъ центровъ! Отвезете въ Пулково и сейчасъ же опубликуете отъ моего имени! Дѣло не въ Нобелевской преміи, понятно... Передъ этимъ блѣднѣетъ все! Я, полковникъ Николай Бабукинъ,

нашелъ спасеніе человѣчеству! Ему грозило превратиться въ звѣрей ... Хуже! Оно должно было пожрать себя! Поняли?!!

— Слушаю, господинъ полковникъ. Но съ этимъ надо спѣшить...

Меня искушала мысль: сказать, что прорвались нѣмцы? Я не сказалъ. Почему? Я не могъ уѣхать, не узнавъ, что же произошло здѣсь. Я не могъ оставить этихъ несчастныхъ счастливцевъ, — они же были счастливцы! — бросить на произволъ, на милость бѣшенаго врага. Я хорошо зналъ, что могло бы случиться съ ними при встрѣчѣ съ первымъ кавалерійскимъ отрядомъ. Я не могъ покинуть полковника и этихъ сизоголовыхъ: они не сумѣли бы даже сдаться! И еще: меня, какъ-будто захватывала игра. Въ этомъ хаосѣ перевернутой жизни притуплялась тревога. Передъ желтымъ домомъ, за этими монастырскими стѣнами, гасла мысль, что гдѣ-то здѣсь бродятъ нѣмцы, и все еще гдѣ-то идетъ война. Все это было давно-давно. А здѣсь — лѣсъ волшебный, сверкающій міръ сумасшедшей сказки...

— Съ этимъ надо спѣшить, господинъ полковникъ! — повторилъ я.

Полковникъ меня не слушалъ.

— Успѣете! Не перебивайте меня!.. Вы должны все узнать и получить инструкціи. Не перебивайте же мои мысли! Достаточно того, что здѣсь... — показалъ онъ на ухо, — *они* перехватываютъ мои планы! Вы еще не знаете всей гнусности, на какую способенъ человѣкъ, потерявшій душу! Я одинъ, одинъ я борюсь за всѣхъ и принимаю страданія! Такъ вотъ... *Они* поставили дьявольской силы двигатель, радіо-двигатель, работающій кровью! Кровью — это послѣднее слово *ихъ* техники, *ихъ* науки.

Вы увидите чертежи... Два гигантскихъ стальныхъ цилиндра, двѣ страшныхъ башни — наполненныя кровью! Кровь накачиваютъ въ нихъ подъ страшнымъ давленіемъ! Свѣжую, горячую кровь, въ которой еще плаваютъ темныя мысли и чувства... жгучія, человѣчьи, чувства! Страстныя чувства плоти! Не человѣческія, а чело-вѣчьи! Не смѣшивать! Эту кровь *они* насыщаютъ радіемъ... понимаете, этой звѣриной силой, въ которой сплотилась, слеглась отъ миріадовъ вѣковъ вся земнородная сила, духу враждебная! И вотъ начинаетъ кипѣть «радіо-кровь», черная сила, звѣро-энергія... Ея черныя волны — онѣ поглощаютъ свѣтъ! — *они* бросаютъ на насъ и... — полковникъ ударилъ въ грудь, — убиваютъ ду-ши! Души мертвѣютъ! Все свѣтлое... — его голосъ дрогнулъ, — все цѣннѣйшее, что есть въ человѣкѣ, гаснетъ... Умираетъ божественное начало! Но еще остается спасеніе: лунный свѣтъ... тихій, кроткій небесный свѣтъ ночного стража земли! Другъ поэтовъ — душъ чуткихъ! другъ страдальцевъ, кому нестерпимо — волнующее страсти солнце! Когда мѣсяцъ въ небѣ, я ему тихо-тихо шепчу: «гуляй, тихій... гуляй, ночной...» Его ультра-зеленыя волны — онѣ еще неизвѣстны физикамъ, этимъ самоувѣреннымъ, узкимъ матерьялистамъ, ихъ отрицающимъ, — вдребезги разбиваютъ, про-глатываютъ волны черной «радіо-крови»! Я создаю новую физику, — «психо-физику»!.. Но послѣдніе дни *они* усилили *опыты*, и луна стала блекнуть! *Они* стали ее вы-са-сывать!! Волны невѣроятной силы! Намъ грозило превратиться въ машины, въ покорнѣйшее орудіе *ихъ* воли! въ двуногихъ звѣрей земли! Шла гибель! Во имя высокаго назначенія человѣка, во имя Бога, въ человѣ-

къ живущаго, я взялъ на себя этотъ тяжкій подвигъ. Свыше мнѣ предуказано — спасти міръ! И я принялъ. Я взялъ этотъ крестъ, на которомъ начертано: «Симъ побѣдиши!» И я... я побѣждаю! — крикнулъ полковникъ сдавленнымъ голосомъ, приближая ко мнѣ обезумѣвшее лицо. — Смерть человѣкоубійцамъ! смерть! смерть!! Крови у нихъ довольно, но они... га! они таки напор-ролись на контръ-систему полковника Бабукина!...

Взглядъ полковника вливался въ мой мозгъ и связывалъ мысли. Наплывало оцѣпенѣніе, и гасла воля. Но я боролся. Я хватался за слово — бензинъ! Это былъ, какъ-будто, устой въ водоворотѣ спутанныхъ мыслей. И я крикнулъ, словно боялся пропасть, истаять:

— Дайте же намъ бензину! бензину дайте!!

Полковникъ пожалъ плечами.

— А-а... пустяки вы болтаете! Бензинъ — бензинъ! Весь бензинъ приказалъ я вылить въ канаву! Его нѣтъ ни капли. Бен-зинъ! Этотъ подлецъ-бензинъ отравлялъ!

Странно — меня это нисколько не удручило. Но казначей завозился и крѣпко сдавилъ мнѣ ногу.

— Да выручай же... — прохрипѣлъ онъ.

Сашка заерзалъ скулами и сказалъ въ пространство:

— Хоть бы керосину дали...

— Но какъ же намъ быть, полковникъ?

— Подчиняться распоряженіямъ!

Тутъ я сдѣлалъ попытку:

— Ну, а если нѣмцы прорвали фронтъ, и намъ надо спасать себя и... — вашу идею... вашу великую идею, полковникъ?

— Не забывайте, что я на посту, капитанъ! Только *теперь* и *здѣсь* идея моя въ движеніи и творитъ! — раздраженно крикнулъ полковникъ. — Не болтайте же глупости и не бабьтесь! *Имъ* совсѣмъ не до этого, не до фронтовъ! Фронтъ — для отвода глазъ! *Имъ* нужно порабощенье духа! Я знаю ихъ со-ці-альныя вертушки! ихъ прикрышки! Въ основѣ-то шахеръ-махеръ! Законопатить душу и ѣздить на рабьихъ спинахъ! Не понимаете?.. Теперь они сбиты съ толку! *Ихъ* аппаратъ *опытовъ* сталъ шалить! Понимаете?! *Они* все ищутъ мою контръ-систему, но . . . это не-уло-вимо! — хитровато подмигнулъ онъ. — Мы теперь въ безопасности, и система въ полномъ ходу. Самое вредное обезврежено! Оно — тамъ! — указалъ полковникъ на службы, передъ которыми висѣли простыни на веревкахъ. — Удивлены? Га!! Дѣльце таки обдѣлано. *Они* всюду имѣли шпіоновъ! Здѣсь, понятно, особенно. Чуяли, гдѣ собака! И нашъ яко бы докторъ, яко бы Михайла Семенычъ, — Ми-ха-илъ! Михайла!! — Богоносное, русское имя — святонародное имя!—на самомъ дѣлѣ, это *ихъ* берлинскій агентъ Сименсъ-Гальске. Происками меня сняли съ фронта и посадили въ этотъ домъ сумасшедшихъ, гдѣ обманно томилось много невинныхъ жертвъ, не желавшихъ звѣриной жизни. Я посылалъ доклады — шпіонъ перехватывалъ ихъ. Я умолялъ, бился головой о стѣны . . . — шпіонъ пожималъ плечами! Я пытался покончить съ собой — негодяй грозилъ запереть меня въ изоляторъ! въ и-зо-ляторъ!! Вы пони-ма-ете?! Тогда все пропало!.. гибель грозила Россіи! человѣчеству!! А мнѣ требовался пустякъ... щиты! Волны «радіо-крови» *они* концентрировали на мнѣ, чтобы поразить главный центръ! У меня былъ одинъ только щитъ —

моя простыня! . . . Я могъ только спасти себя . . . И вотъ . . . *они* таки напо-ролись! . . .

У меня рябило въ глазахъ отъ напряженнаго взгляда полковника. Его неподвижные, расширенные зрачки, въ матово-жирномъ блескѣ кровянистыхъ выкаченныхъ бѣлковъ, связывали мысли, усыпляли.

— Я рѣшилъ дѣйствовать, — продолжалъ полковникъ, приближая лицо и фиксируя меня взглядомъ. — У меня были люди, люди — тончайшей душевной организаціи, готовые итти за мною на все! Когда я открылъ имъ тайну грозящей гибели — ихъ охватилъ ужасъ! Самый пылкій изъ нихъ, самый нѣжный, величайшій изъ математиковъ духа, — онъ создалъ систему, въ сравненіи съ которой Коперникъ показался бы бездарью . . . таблицы духовныхъ координатъ — это капитанъ Токарёвъ! Онъ не вынесъ этого ужаса и перерѣзалъ жестянкой горло . . . Но будемъ смотрѣть спокойно . . . подвигъ требуетъ жертвъ! И вотъ . . . мои друзья — поручикъ Куроѣдовъ, этотъ скромный сѣрый герой Прохоровъ, — показалъ ногановъ полковникъ на адъютанта, отвернувшагося стыдливо, — се че-ло-вѣкъ! — еще . . . капитанъ Коринъ . . . сейчасъ онъ занятъ въ комиссіи . . . и трое еще . . . мы совершили! . . . Мы свершили!! Мы взяли власть! Я разработалъ планъ. Ночью порвали телефонъ, захватили двухъ сторожей, сняли дежурныхъ . . . — безъ капли крови! — и вотъ . . . схватили шпіона въ постели . . . и съ нимъ . . . сестру! У негодяя хватало и на любовныя мерзости! Каковъ мерзавецъ! Кто бы могъ думать, что милая Аничка . . . Теперь всѣ они обезврежены и изолированы вполнѣ. Они — тамъ!

Полковникъ ноганомъ показалъ къ службамъ.

— Пока. Комиссія спѣшно ведетъ работу.

— Что вы съ ними хотите дѣлать? — спросилъ я, стараясь казаться равнодушнымъ.

Полковникъ съ изумленіемъ оглянулъ меня.

— Что за вопросъ?! Они понесутъ заслуженное! За кровь отвѣтятъ они!!

И его голосъ зазвенѣлъ сталью.

— Извольте сидѣть! — крикнулъ онъ, предупреждая ноганомъ мою попытку открыть дверцу машины. И понизивъ голосъ: — Этотъ широкорылый... хорошо вамъ извѣстенъ?..

— О, да, господинъ полковникъ... вполнѣ надежный, дѣвственный, такъ сказать! — поспѣшилъ я успокоить тревожную подозрительность полковника и даже придалъ голосу нѣкоторую таинственность: дескать, и мнѣ понятно, почему долженъ быть надеженъ шофферъ.

Сашка, кажется, не совсѣмъ понялъ, что дѣло идетъ о немъ. Но онъ былъ въ возбужденіи: надувалъ щеки, шевелилъ скулами, дѣлая быстрый выдыхъ, — обычный пріемъ, когда сильно разстроится.

— Смо-трите... фигура странная! И эти... слишкомъ мясные зубы... Да, такъ вотъ... И вотъ результатъ! Всего только сутки — и вліянія ослабѣли! Какъ у васъ тамъ, поручикъ?

Поручикъ дремалъ на крышѣ. Онъ лѣниво поднялся и доложилъ:

— Все въ порядкѣ, господинъ полковникъ. Прикажите давать обѣдъ.

— Бросьте ребячества! — съ укоромъ сказалъ полковникъ. — Ихъ еще хватаетъ на пустяки! Въ моментъ возрожденія человѣчества, когда изъ этой цитадели — указалъ онъ на желтый домъ — поте-

куть во весь міръ животворящіе токи моей системы, — они думають объ ѣдѣ! Ну, это скоро пройдеть. Вчера прислали отравленный хлѣбъ, но я захватилъ агента-подводчика. Сегодня уже не везуть хлѣба! Вы по-ни-маете?! И что же?! Сколько было вчера и сегодня на перекличкѣ?

Прохоровъ вытянулся, отступилъ на четыре шага и доложилъ отчетливо:

— Ваше высокоблагородіе! Вчерашняго числа, по ввѣренному мнѣ Отдѣлу сопротивленія гибельнаго вліянія ... — онъ запнулся, растерянно моргая, какъ запуганный экзаменаторомъ ученикъ, — волненій враговъ человѣчества! налицо оказалось сто семьдесять нижнихъ чиновъ, оберъ-офицеровъ два, штаб-офицеръ — одинъ! Сегодняшняго числа: нижнихъ чиновъ — тридцать одинъ, обер-офицеровъ — два, штаб-офицеръ — одинъ!

— Безнадежные откололись. Ну, погибнуть! — крикнулъ полковникъ, и его глаза загорѣлись. — Сегодня одинъ выбросился тамъ ... увидите результатъ. Впрочемъ, это все частности ...

Я услыхалъ сдавленный шопоть казначея:

— Ужасъ ... ужасъ ...

VIII

У меня путалось въ мысляхъ ...

Да что же, наконецъ, творится? Что это: марево или суть? И что это за разгромъ весь этотъ, и что такое эти борющіеся съ призраками люди?

А можетъ быть это вовсе и не разгромъ? *Тамъ,* въ огнѣ и въ крови, въ рёвѣ и пляскѣ штыковъ въ живомъ мясѣ, въ громѣ и свистѣ бѣшенаго желѣза,

— разгромъ или созиданіе? А здѣсь... все то же ли «марево», какъ въ городишкѣ, на фронтѣ, въ моемъ «гробу»?

Безумный полковникъ говоритъ такія слова, какихъ не слыхалъ я давно, не слыхалъ ни отъ одного человѣка на фронтѣ:

— Человѣчество попало въ тиски — и рвется. Столкнулись свѣтлыя тѣни будущаго и теперешніе скелеты... И вотъ, облеченіе новой плотью идетъ кроваво... *Имъ* нужна только плоть! Я... я дамъ новую душу — тихимъ, небеснымъ свѣтомъ...

Почему же я долженъ признать полковника безумнымъ? Онъ ведетъ облеченіе новою плотью, рветъ старую плоть, и его душа истекаетъ болью. Развѣ это не — суть? И какой еще «сути» нужно?

Начинало казаться мнѣ — и было! — совсѣмъ реальнымъ: идетъ борьба нарождающейся «новой сути» и стараго «марева»... Это чудесно. Прорывается ново-рожденная мысль, рветъ и ломаетъ устоявшіеся пути привычнаго... — и отсюда хаосъ, хаосъ... Идетъ эта борьба, и я въ центрѣ этого вихря, этого столкновенія, и болѣзненно выдираюсь. Теряю сознаніе привычной «сути»...

Но эта привычная «суть» еще давала о себѣ знать, еще держала. Она успокаивала, какъ милая пичуга на кустикѣ, какъ туфли изъ ангорскаго кролика, крашеный полъ и чудесная старка казначея... Ахъ, гдѣ вы, мои тихія дамы въ перьяхъ, телунька на бугоркѣ, пестрые колокольцы вьюнка въ утреннемъ тихомъ садикѣ... восходы и сумерки, — никому не мѣшающая, ничѣмъ не пугающая, такая понятная, чистая суть человѣческой, моей жизни?.. Не хочу никакихъ новыхъ рожденій и «продираній».

Эта привычная «суть» еще давала о себѣ знать, и отъ этого было легче. Óна оставалась для меня въ казначеѣ, въ Сашкѣ, въ его вѣрномъ, «успокоительномъ» затылкѣ, за которымъ все просто, «андеференто», — пряничныя дѣвченки, «выбьемъ», плевать! . .

Полковникъ сдѣлалъ ноганомъ знакъ: сойти!

— Въ домъ пока незачѣмъ... Да! Истуканъ этотъ, вашъ шофферъ... вы увѣрены въ немъ? — шепнулъ мнѣ баскомъ полковникъ, тревожно-враждебно косясь на Сашку. — Это очень важно для *насъ!* Вы увѣрены?

— Я уже имѣлъ честь, господинъ полковникъ...

— Такое... животное рыло!... Скулы и румяная морда... морда! У *нихъ* все — въ мордѣ! И тотъ негодяй, Гальске... проклятыя розовыя щеки! мя-со проклятое!! Только мясо! кровь черная!!... Я *ихъ* распознаю чудесно. Вы поглядите — *мои!* Они утончились, облагородились... — и ихъ признаютъ боль-ны-ми! О, подлецы! Ну, идемте...

— Скажи ему про нѣмцевъ, спасай положенiе! — хрипѣлъ казначей, выбираясь опасливо на сидѣнье. — Онъ заговоритъ всѣхъ, туманный...

— Хоть керосину нѣтъ ли... — испуганно кинулъ Сашка.

Говорить съ полковникомъ было безполезно. У меня было другое въ мысляхъ, я обдумывалъ одинъ планъ... Но, спутанный призывомъ Сашки и казначея, я опять попытался:

— Господинъ полковникъ... о вашемъ великомъ подвигѣ мы должны немедленно увѣдомить Пулково и весь мiръ... Дайте же намъ хотя бы... керосину!...

Я чуть не расхохотался. Этотъ проклятый смѣхъ бился во мнѣ, смѣхъ надо всѣмъ — надъ

этимъ циклономъ «сути» и «марева». Человѣчество . . . и — керосинъ!

— Бросьте вы пустяки! Все уничтожено! — раздраженно сказалъ полковникъ. — Бензинъ то же, что керосинъ . . . ихъ формулы очень близки. Пока . . . вы необходимы мнѣ здѣсь. Здѣсь — центръ! Концентрируя силы, мы будемъ бить отсюда по периферіи! Пони-маете?! Прошу . . .

Онъ вдругъ схватился за голову, не выпускаяногана, и застоналъ:

— Что *они* со мной дѣлаютъ! *Они* не хотятъ снять подлый микрофонъ! все еще эти ужасные голоса . . . Но все это скоро кончится. Живѣй, идемте . . .

Мы сошли съ машины. Казначей засопѣлъ, стараясь вытянуть чемоданъ и тревожно мигая мнѣ.

— Что такое? . . . что за чемоданъ?! . . — тревожно крикнулъ полковникъ, отскочивъ въ сторону.

Я не нашелся сразу, но казначей таки вывернулся удачно:

— А . . . а . . . а . . .

Онъ смотрѣлъ въ ужасѣ на полковника, съ разинутымъ ртомъ и вывороченными глазами. Онъ даже поднялъ фуражку, обнаживъ мокрую лысину, и безпомощно акалъ, какъ младенецъ, шевеля языкомъ. Куда дѣвалась чудесная его бойкость, на крашеномъ, вѣрномъ, полу, съ одуряющей Аргентинкой!

И вдругъ — геніально-простая мысль вырвалась ласточкой:

— Ассигновки! . . для помощи! . .

— Ассигновки?!! — такъ и вспорхнулъ полковникъ. — Наконецъ-то! Чего-жъ вы молчали, другъ?! Давайте, сейчасъ давайте!

Полковникъ схватился за чемоданъ, но... казначей ухватился крѣпко. Взметнулась его «стихія»!

— Я... ка... казначей, собственно... и буду выдавать по инструкціи... пришлите формальныя требованія...

Это далось ему очень трудно. Но, должно быть, его измученное лицо, съ натеками подъ глазами, пришлось по душѣ полковнику: лицо одухотворенное! Полковникъ выпустилъ чемоданъ и сказалъ пріятно:

— Казначей?!! Чудесно! Это какъ разъ мнѣ и нужно! Какая предусмотрительность! — восторженно закричалъ полковникъ. — Назначаю васъ старшимъ казначеемъ всего Отдѣла! Теперь карьера вамъ обезпечена... похоже, вы карьеристъ? Немножко?...

Какова сила ассигновокъ! Даже такого онѣ сдѣлали галантнымъ.

— Не... множко... — выдавилъ изъ себя казначей, ворочая на меня глазами.

— Вамъ представляется возможность... необходимо реорганизовать финансовую систему! У меня геніальный планъ!... Руководящія указанія получите вы отъ... Прохорова и завтра же подадите докладъ въ комиссію капитана Корина. Идемте...

И поманилъ ноганомъ.

Вы представляете физіономію казначея! Его посинѣвшее отъ волненія, страха и усилій лицо — онъ едва волочилъ чемоданъ — сплошь покрыло крупными каплями, словно его хватили изъ брандсбоя, онъ затрепыхался на мѣстѣ, какъ подбитый, и потащился за нами, не издавъ ни звука.

Сашка хотѣлъ остаться въ машинѣ:

— Ваше вскобродіе! Разнесутъ на клочья... — взмолился онъ, отмахиваясь отъ писаря.

Онъ показывалъ «мясные» зубы...

— Молчать! — гаркнулъ полковникъ такъ, что казначей выпустилъ чемоданъ, а толпившіеся, въ гороховыхъ халатахъ, разсыпались, въ птичьихъ крикахъ. — За мной! Къ машинѣ — стражу!

Сашка сдѣлалъ губами — ф-фу! — и побрелъ покорно. Я чувствовалъ, что все дѣло во мнѣ, что я долженъ собрать всю волю и отыскать выходъ, выходъ — во что? Въ то, во что я уже не вѣрилъ?... что мнѣ было совсѣмъ ненужно? И все же, я прикидывалъ, какъ овладѣть полковникомъ. Этотъ гигантъ съ ноганомъ былъ не по силамъ мнѣ одному, но надежда на Сашку была слаба, а казначей едва стоялъ на ногахъ.

— Идемте, идемте! — торопилъ полковникъ. — Они сегодня не ѣли и потому немного возбуждены, — показалъ онъ на домъ, откуда слышался вой. — Надо же поступаться во имя высшаго! Къ тому же я все болѣе убѣждаюсь, что это дурная привычка — ѣсть каждый день... Я уже другой день не ѣмъ — и чувствую себя превосходно. А дано знать въ Севастополь и... Владивостокъ? Ага... Спасибо, спасибо! — сжалъ мнѣ руку полковникъ. — Я всегда вѣрилъ въ Пулково... Мнѣ нужны люди, да.

Онъ почти бѣжалъ на своихъ длинныхъ ногахъ, верткій, упругій силачъ-спортсмэнъ, увлекая движеніемъ. А, все равно... Жизнь давно стала на голову, и никто не мѣшаетъ. Сейчасъ насъ захватятъ нѣмцы, свяжутъ полковника, насъ... Вѣдь и насъ коснулось разгулявшееся безуміе... Почему же — безуміе? Одно стоитъ другого! *Тамъ* — въ клочьяхъ живое мясо... здѣсь... полковникъ Бабукинъ

проводитъ свою «систему», по-своему! Одно стоитъ другого! Алло!..

Мы прошли за полковникомъ въ тихій паркъ, за чугунную бурую рѣшетку. Чудесна она была, слитая изъ звѣрей, — медвѣдей, волковъ, кабановъ, рысей, лисицъ и оленей въ дебряхъ, за которыми гонится человѣкъ... Какая чудесная работа! Шутникъ художникъ показалъ таки силу человѣчью! Голый человѣкъ въ дебряхъ поролъ брюхо кабану, давилъ за языкъ медвѣдя, катался по землѣ съ рысью, въ обнимку плясалъ съ волками... Чудесной силы была свитая изъ звѣрей рѣшетка!

Вышли къ боковому фасаду замка, въ заросли бузины, сирени и волчьихъ ягодъ...

Полковникъ ткнулъ въ кустъ ноганомъ:

— Вотъ... Одинцовъ не преодолѣлъ — и выкинулся! — ткнулъ полковникъ ноганомъ кверху. — Но... безъ жертвъ не обходится... Прибрать! А Гудёнку взяли изъ водоема?

Прохоровъ задергалъ бровями:

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе! Охотниковъ не находится...

— Ослы! Что же вы, настой изъ Гудёнки будете лопать? О-слы!... Ослы не поймутъ того, что если одинъ идіотъ отравленный вваливается въ бассейнъ, то они все отравятся, если не вынуть во-время! Два непріятныхъ случая... Но что все это въ сравненіи съ тѣмъ, что могло случиться!

Я слышалъ его болтовню, но слова не доходили до нѣдръ. Я не могъ отвести глазъ отъ точки, въ которую обратилась, къ которой теперь свелась для меня вся жизнь: кустъ бузины, и въ этомъ кусту... ноги! Синія, тощія, жилистыя, съ желваками и шиш-

ками, съ кривыми ногтями, — ноги невѣдомаго звѣря... Онѣ смотрѣли грязными пятками — въ небо!

— Не преодолѣлъ Одинцовъ! — мрачно сказалъ полковникъ.

Подштанники сползли, и болтались тесемки. Голова застряла въ кусту, у корня, подъ накрывшими полами халата. Казалось, что кто-то, шутя, полѣзъ за птичьимъ гнѣздомъ и для общей потѣхи сталъ въ кусту на голову, болтая пятками. Но пятки были недвижны, мертвы. То былъ знакъ поставленной на голову жизни. И очень удачный знакъ!

— Почему же не помогли? оставили? — спросилъ я полковника спокойно.

— Не говорите чушь, капитанъ... Теменемъ, на острый пенекъ! Желалъ-бы я вамъ попробовать!.. — что-то соображая, сказалъ полковникъ. — Слѣдствіе я закончилъ... Вонъ, изъ того окна!

— Вертится... — застоналъ казначей, — мнѣ дурно...

Онъ сѣлъ въ крапиву, на чемоданъ, и закрылся руками.

— Спокойствіе! Подтяните нервы, не бабиться! — крикнулъ полковникъ. — Готовьтесь къ жертвамъ! Прибрать!

— Дура-а-акъ!.. — раздался сверху злой и писклывый крикъ, похожій на птичій, и къ нашимъ ногамъ упала жестянка отъ керосина.

Изъ верхняго этажа высматривало остренькое лицо, похожее на хорька, дразнилось, высовывая языкъ.

Полковникъ погрозилъ ноганомъ, — и лицо спряталось.

— Непріятная частность, но, въ общемъ, успѣхъ громадный! Все неспособное къ жизни новаго духа

— отвѣется... Останутся совершенные, которые пойдутъ... до конца! Стойте... *онъ*... опять это *онъ*, несчастный... — тревожно вдругъ зашепталъ полковникъ, прислушиваясь, и его лицо посѣрѣло. — Умѣйте владѣть собой... это *онъ*... слишкомъ рѣзко воспринимаетъ идею... односторонне... ищетъ убить... Звѣря! Начитался этого Апокалипсиса и... извращаетъ мою систему... Придется положить изъ ногана...

Онъ поправилъ въ ноганѣ, — поставилъ «огонь», должно быть. Я схватилъ его за руку...

— Полковникъ...

Полковникъ рванулся, обжегъ глазами... и я услыхалъ рѣжущій холодкомъ, подкрадывающійся голосокъ за кустами:

— Могу по-брить... могу по-брить... — и мелко-сыпучую, равнодушную, гнусную брань-бормотанье.

Отъ этого мертваго голоска и равнодушной брани вѣяло жуткимъ до тошноты: неотвратимымъ, постыднымъ.

Къ намъ подбирался тропкой коротконогій, большеголовый, съ водяночнымъ лицомъ-волдыремъ и выкатившимися, пустыми, глазами. Глазастый нарывъ какой-то. Онъ присѣдалъ, кривлялся, сыпалъ мелко похабной бранью, а глаза были неподвижны, какъ выпуклыя стекляшки. Подкрадывался къ намъ съ бритвой, съ жестомъ привычнаго парикмахера.

— Дойду, достигну въ душу... — черезъ зубы, какъ сонный, сыпалъ-цѣдилъ волдырь.

Полковникъ заметался на мѣстѣ, размахивая ноганомъ:

— Скажите ему «мерси»! — въ паникѣ зашепталъ полковникъ. — Мѣшаетъ... распугалъ всѣхъ... унесъ у этого негодяя... Гальске... тотъ разъ... не могутъ отнять бритву...

— Могу по-брить... могу по-брить... — подкрадывался волдырь, водя по воздуху, какъ бы поддерживая двумя пальцами чей-то подбородокъ, а другой рукой, крадучись, подводилъ бритву.

Я отступилъ передъ этимъ мертвымъ лицомъ въ усмѣшкѣ, передъ слѣпою смертью. Она вѣжливо и упрямо искала жертву, — слѣпо и гнусно-вѣжливо... Позади меня шарахнулся казначей и упалъ со стономъ въ крапиву, — я слышалъ, не сводя глазъ съ поблескивающей холодкомъ бритвы.

— Мерси!... мерси!!... — закричалъ я, стыдясь мучительно, — безпомощности ли своей или подлой насмѣшки надъ человѣкомъ...

Это было магическое слово, это «мерси»! Слово великой силы! Оно — творило! поставило, какъ бы, стѣну! Волдырь ткнулся объ эту стѣну, подался, его синія губы раздвинулись въ улыбку, въ улыбку черепа, и... онъ присѣлъ, вытянувъ ногу назадъ, дѣлая какъ бы реверансъ.

— Не стоитъ благодарности изъ такой малости!...

Онъ произнесъ это очень значительно, какъ Великій Жрецъ, Понтифексъ Максимусъ, поклонился галантно, какъ парикмахеръ, и, стыдливо запахиваясь халатомъ, задомъ ушелъ въ кусты.

Сашкинъ голосъ шипѣлъ мнѣ въ ухо:

— Взять ихъ, ваше высокобродіе...

— На-р-руку! — крикнулъ полковникъ подходившему къ нему солдату, котораго Прохоровъ толкалъ въ спину. — Кто тебя снялъ? Прохоровъ?..

Солдатъ глядѣлъ исподлобья, тупо. Онъ былъ страшно худой, долговязый, — какъ говорится, растянистый. Онъ безцѣльно совалъ руками, вихлялся, какъ резиновый прутъ, и жевалъ пустымъ ртомъ: испортилась въ немъ машинка.

— Кто тебя снялъ? — повторилъ полковникъ.

— Сево-о?... нисево... — шепеляво сказалъ солдатъ. — Себа не даваи... Давай себа!...

Онъ смотрѣлъ на полковника, словно побитая собака. Испорченная машинка требовала себѣ хлѣба!

О, проклятье! Кто, или что наложило печать гориллы на этомъ послѣднемъ звенѣ природы? Гдѣ они, величавые мудрецы, вдохновенные творцы мысли? Въ какой страшной пучинѣ бредутъ они, въ чащѣ путей звѣриныхъ! Въ кошмарѣ, меня кружившемъ, постигнулъ я терявшейся мыслью, какъ страшно и одиноко быть драгоцѣнности человѣческой, вдохновеннымъ творцамъ божественной мысли. Въ пустыняхъ бродятъ они, надъ безднами, не охраняемые ничѣмъ. Тысячи тысячъ звѣриныхъ лапъ, тысячи тысячъ пастей стучатъ зубами... Какъ же нужно хранить, стальными стѣнами оберегать чудесныя единицы человѣчьяго стада, прорывающія звѣриную кожу, свершающія облеченіе плотью новой! Пустыню, бездну они призываютъ: въ небо!

— На-р-ру-ку! — бѣшено крикнулъ полковникъ, хватаясь за штыкъ винтовки.

Солдатъ зацѣпилъ прикладомъ полу халата, показалъ волосатыя ноги-кости и попытался взять — вспомнить — «на-руку». Крикни ему полковникъ: коли! — онъ не задумался бы проткнуть любое. Смо-

трѣлъ на меня исподлобья, пугливо-злымъ взглядомъ идіота...

— Приходится охранять идею... — тревожно бросилъ полковникъ. — На пять шаговъ назадъ! — крикнулъ онъ Сашкѣ. — Еще! еще! Прохоровъ, отведи назадъ этого красномордаго! — Вы въ немъ увѣрены? — понизилъ голосъ полковникъ до шопота. — Обратите вниманіе на скулы... *Они* его обработали! Зубы слишкомъ бѣлы, мясные...

— Это вполнѣ надежный, простой и добрый парень, полковникъ...

— А какъ вы думаете? У *нихъ*, у *этихъ*, что̀ работаютъ кровью, мало добрыхъ парней?! Вотъ это полѣно... — ткнулъ онъ ногой въ колоду, — злое?.. А имъ можно расколоть черепа тысячи Аристотелей и... Ньютоновъ!! Добрые парни, съ мясными зубами и красными мордами! Тебѣ говорятъ — десять шаговъ назадъ!.. — Вліянія еще не убиты... Этотъ Васильевъ, который всѣхъ распугалъ, немножко, конечно, тово... понимаете? Но я знаю, что онъ единодушно со мною отыскиваетъ виновныхъ... тѣхъ мерзавцевъ, которымъ нужно... которые дерзаютъ убить живую человѣческую душу! Вотъ почему онъ уважаетъ — «мерси»! Онъ — чуткій! Математиковъ путаютъ съ психологами! А мы, психологи... А полномочія ваши?..

Было сказано неожиданно, но я нашелся. Полковникъ любилъ увѣренный тонъ.

— Я ихъ отправилъ почтой, чтобы не перехватили въ пути, господинъ полковникъ!

— Почтой? А это умно, пожалуй... Ну, идемте... Прохоровъ, возьми ключъ. За нимъ!

IX

Мы вышли во дворъ, сопровождаемые полковникомъ и солдатомъ, и подошли за Прохоровымъ къ длинному каменному сараю, сплошь завѣшанному простынями на веревкахъ.

— *Здѣсь...* — значительно произнесъ полковникъ, замѣтно волнуясь. — Осторожнѣй!..

Мы остановились передъ широкимъ чернымъ затворомъ, съ тяжелымъ замкомъ.

Полковника охватило сильнѣйшее безпокойство: онъ вертѣлъ ногановъ и дергался. Здѣсь былъ очень опасный пунктъ: сидѣлъ берлинскій агентъ Сименсъ-Гальске съ подручными.

— Возьмите платокъ и дышите, какъ черезъ маску... — тревожно шепталъ полковникъ, прижимая платокъ къ губамъ. — Сейчасъ вы услышите этихъ гадовъ... Прохоровъ, отпирай...

Прохоровъ отворилъ сарай, полный до-верху всякаго хлама: ящиковъ и кадушекъ, птичьихъ садковъ, коекъ, разбитой мебели... Пахнуло гнилой капустой. Потомъ, закрестившись, съ усиліемъ поднялъ дубовое творило подполья и отскочилъ въ испугѣ. Еще острѣе пахнуло на насъ гнилью.

— Слушайте... слушайте... — шипѣлъ за спиной полковникъ.

Я потянулся съ порога — заглянуть въ люкъ, увидалъ, что онъ затянутъ холстиной, какъ пчелы въ ульѣ, и сейчасъ же меня рвануло назадъ. Полковникъ дернулъ меня за френчъ.

— Съ ума вы сошли?! Слышите этотъ ужасающій запахъ гніющей крови?!! Этотъ ужасъ!... Остатки проклятыхъ *опытовъ...* Проклятые продолжаютъ даже въ ямѣ! Чувствуете, какъ нижетъ?!..

Прижимая платокъ къ губамъ и ноздрямъ, онъ ворочалъ глазами въ ужасѣ, пырялъ ногановъ то къ подвальному люку, то въ насъ... Лицо его взмокло и посѣрѣло. Подвалъ мучилъ его и все же тянулъ къ себѣ.

— Задержу слѣдствіе, пока не сниметъ *онъ* микрофонъ... — черезъ платокъ закричалъ полковникъ, словно изъ-подъ земли. — Голодомъ заморю, заставлю! Хотятъ читать мои мысли! убить идею!? Убью я самъ! Знайте, гады... я, я подымаю человѣчество, а вы хотите его приплюснуть, убить душу живую? Стереть ликъ Божій?! — Слышите?.. слышите?!.. — дергалъ меня полковникъ. — *Они* продолжаютъ, гнусы!.. гудятъ... пускаютъ волны... Вы слышите?!.. Смотрите, какъ *оно* дышитъ... дышитъ... яйцо гадючье...

Оно ходило, дышало, опадая и подымаясь плавно, это бѣльмо подвала, натянутая на люкъ холстина... Не холстина, — живая пленка.

Это было безуміе...

Изъ глубины подвала тянулись тяжелые вздохи, шорохи... Это было безуміе... Оно выползало оттуда въ тяжкомъ запахѣ человѣчьей гнили, въ хрипѣ и вздохахъ, въ заглушенномъ воѣ, въ выкрикахъ-пискахъ, въ вопляхъ... Оно выползало, ширилось, выдавливало собою набитую холстину, начинало владѣть и мною... Мысли мои мѣшались... То мнѣ казалось, что въ удушливой тьмѣ подвала, въ грязи, свалены въ кучу, скручены, такъ называемые, *здравые* люди — докторъ, сестры, солдаты... Здѣсь, наверху, безуміе! И это безуміе разгуливаетъ съ наганомъ! И мы, трое, — здравые же и мы люди! — были безсильны. То была жизнь-абсурдъ. Я сознавалъ отчетливо: двинься я—полковникъ не задумался бы съ

ноганомъ, а солдатъ-идіотъ прикололъ бы меня штыкомъ. Но мгновеніями я терялся: тамъ, въ подвалѣ, и есть настоящій ужасъ, пугающій жизнь, поражающій ее насмерть. Ужасъ полковника, захватившій меня безвольно. Ужасъ людей, творящихъ земное дѣло, творящихъ кровью ... Они, сидящіе тамъ, въ затхлой грязи и гнили, люди звѣринаго лика, они убиваютъ живую душу, рожденную тихимъ, небеснымъ, свѣтомъ ... хватаютъ и душатъ проблескъ души свободной, давятъ ее человѣчьимъ мясомъ, топятъ въ человѣчьей крови ...

Проклятые ...

Кто сказалъ это слово? ... Я ли его сказалъ? ..

— Проклятые ... — глухо сказалъ полковникъ.

— Полковникъ ... освободите! ... — различилъ я измученный женскій голосъ. — Мы умираемъ ... мы голодны ... это безчеловѣчно! ... У насъ затекли ноги ...

Да кто же, наконецъ, тамъ, въ дырѣ?! ..

Лицо полковника повело злой усмѣшкой. Онъ слушалъ, слушалъ ...

Въ дырѣ путались-бились жалобные, молящіе, укоряющіе голоса-стоны:

— Николай Васильичъ ... стыдно! ... больно за васъ! ..

— Помилосердуйте ... ваше высоко ...

— Найдите же въ себѣ силу мысли! Коровкинъ уже помѣшался ... Вы же интеллигентный человѣкъ ...

— Съ нами, съ вашими сестрами такъ ... Мы все отдавали страдающему народу! ..

— Слышите эти льстивые, змѣиные голоса? — — гудѣлъ за моей спиной голосъ полковника.

— Даю честное слово, полковникъ! — раздался мужской, бархатистый голосъ: — я предоставлю вамъ полную свободу... ваши доклады перешлю министру!.. Полковникъ, вдумайтесь же!..

— Сименсъ-Гальске... даетъ... честное слово! —хрипѣлъ голосъ полковника. — Перешлетъ мои доклады... ко-му?!..

— Ослобоните, ваше высокоблагородіе! Ради дѣтей-сиротъ...

— Фершалъ не въ себѣ сталъ...

— Дико, дико... Николай Васильичъ! Культурный вы человѣкъ... и такъ дико!... У насъ Коровкинъ...

Кошмаръ... Они, знавшіе, что такое полковникъ, котораго они запирали въ изоляторъ, они взывали къ его силѣ мысли! Взывали отъ сердца, отъ всей души... Это былъ, кошмаръ...

Полковникъ слушалъ, какъ чудесную музыку. Пилъ наслажденіе, муку, — было видно по его вытянувшемуся лицу въ усмѣшкѣ.

— Клянусь душой, мы раздѣляемъ ваши мечты, полковникъ! — истерично выкрикнулъ женскій голосъ.

— Вѣрую! вѣрую!! согласна... Господи, я согласна!..

— Вы слышите, каковъ голосокъ сиренъ! — злорадно, дрожащимъ отъ наслажденія голосомъ гудѣлъ полковникъ у моего уха.

— Ради всего святого... у меня лихорадка... мы признаёмъ... Коровкинъ заболѣлъ... фельдшеръ...

— Ага! Вы губили, проклятые, а я спасаю! спасу!!

— Такъ точно, ваше превосходительство! Губили-загубили... Принимаю спасеніе-крещеніе черезъ васъ! Изведите душу мою! Душу изведите, душу!! душу!! душу!! чортъ въ душу!..

Это былъ голосъ гибнущаго, теряющаго разсудокъ.

— Слышите же... Никифоръ Иванычъ заболѣлъ! Поймите же, полковникъ! Фельдшеръ Коровкинъ заболѣлъ здѣсь!.. психически! потерялъ разсудокъ!.. — визжалъ надрывающійся женскій голосъ. — Хоть его-то выпустите!

— Душу изведи, душу! душу! душу!.. чортъ, чортъ въ душу!!..

— Два дни не ѣмши... Господи... ослобоните!..

— Вы умнѣйшій, чудеснѣйшій, Николай Васильичъ! У васъ огромное сердце... я васъ такъ чувствую!..

— Мы всѣ чувствуемъ ваше вліяніе, полковникъ... — выдѣлился надеждой бархатный баритонъ—должно быть — доктора. — Серьезно... заболѣлъ душевно Коровкинъ... Освободите же насъ!

— Агентъ и шпіонъ Сименсъ-Гальске! — придушенно закричалъ полковникъ. — Заочный судъ скоро выведетъ васъ... на чистую воду! Изъ моихъ теперь рукъ не вырвешься!... Смерть человѣкоубійцамъ! смерть!

— Боже мой!... мы умремъ... Полковникъ... лучше убейте сразу... вашу Аничку... какъ я за вами ходила!... убейте сразу!...

— Самая гнусная изъ!.. сѣмя поганое!!..

— Господи...

Тутъ я не выдержалъ... Я крикнулъ, забывъ всякую осторожность:

— Я свѣжій человѣкъ, господа... и помогу полковнику!..

У меня захватило духъ: стальная рука полковника сдавило горло. Я вырвался изъ его клещей и увидѣлъ направленный на меня ноганъ.

— Ни съ мѣста! Съ ума вы сошли?!!..

Его кровяные, бѣшеные глаза снова меня сковали. Помню зеленое лицо Сашки... казначея, сидѣвшаго на своемъ чемоданѣ, привалившагося лысой головой къ стѣнкѣ...

— Полковникъ... я хотѣлъ лишь... покончить съ этой ужасной сценой... Довольно! — крикнулъ я въ черный зрачокъ ногана, не владѣя собой.

Видавшій на фронтѣ смерть, съ ней игравшій, я оказался такимъ безсильнымъ передъ полковникомъ...

— Закройте эту дыру! — крикнулъ я въ ужасѣ, прямо въ зрачокъ ногана. — Мнѣ страшно слушать...

— Закрыть! — приказалъ полковникъ. — Ага... вы поняли, наконецъ? Да, страшно...

Онъ довѣрчиво заглянулъ мнѣ въ глаза и даже снисходительно улыбнулся.

Прохоровъ грохнулъ твориломъ и попрыгалъ, чтобы было плотнѣй.

— Они хотятъ ѣсть! — усмѣхнулся полковникъ, показавъ зубы. — Ѣсть они все равно не могутъ... они хорошо спеленуты. *Имъ*, давать, чистый, хлѣбъ!!.. А сколькихъ они уже отравили! — полковникъ приблизилъ ко мнѣ истерзанное лицо. — Одинцовъ, Гудёнко... И это... си-стема-тически! Они вливали въ хлѣбъ токи! Послѣднюю

доставку я приказалъ свалить въ отхожее мѣсто, а несчастные растаскали все! И вотъ результатъ: осталось всего три десятка! Остальные погибнутъ!

Полковникъ провѣрилъ замокъ, оправилъ «щиты» и показалъ мнѣ на домъ ноганомъ:

— Инструкціи получите тамъ. За нимъ!

X

Мы прошли въ домъ въ строгомъ порядкѣ, какъ арестованные: Прохоровъ впереди, за нимъ деревянный Сашка и несчастный казначей съ чемоданомъ, рядомъ со мной солдатъ, державшій винтовку «на-руку», и позади — полковникъ.

Я шелъ и настойчиво говорилъ себѣ: надо! надо кончить! Я не думалъ о нѣмцахъ: ихъ не было. Въ ушахъ звенѣли и выли голоса преисподней. Да, надо, надо! Но какъ?! Я утратилъ способность соображать. Являлась дерзкая мысль и гасла.

Въ пріемномъ залѣ, подъ темный дубъ, съ рогами оленей и головою зубра надъ дверью, — когда-то здѣсь пировали крѣпкоголовые! — за длиннымъ бѣлымъ столомъ сидѣлъ въ кожаномъ креслѣ тощій чернявый человѣчекъ, въ парусинномъ кителѣ и погонахъ артиллериста, съ волосатымъ лицомъ, — жучокъ, — и старательно строчилъ что-то. Даже и головы не поднялъ. Передъ чугуннымъ каминомъ-исполиномъ, изображавшимъ берлогу, лежалъ грузный, раздутый водянкой рыжій солдатъ, въ халатѣ, лежалъ на полу брюхомъ, и быстро-быстро, словно мельница въ бурю, листовалъ «Ниву» въ переплетѣ, — видимо, наслаждаясь дѣломъ.

— Слѣдственная комиссія... — сказалъ полковникъ. — Какъ, капитанъ?

— Къ чорту-съ, къ чорту-съ... — озабоченно бросилъ капитанъ, не поворотивъ головы и продолжая съ жаромъ писать что-то.

То были нотные знаки, параболы, формулы, нотабенэ...

— Не ловчиться, капитанъ Коринъ! не ловчиться! Извольте кончать сегодня же! Вѣсти изъ Пулкова!..

— Къ чорту-съ, къ чорту-съ! — швырнулъ капитанъ въ работѣ. — Безъ логарифмовъ я не могусъ, не циркуль-съ!.. не машина-съ...

— Геніальный чудакъ... — пожалъ полковникъ плечами, — но работаетъ, какъ машина! Единственно, правая рука... Сюда!

И показалъ мнѣ — на лѣстницу.

Всюду были слѣды разгрома: обрывки и переплеты книгъ, въ золотыхъ обрѣзахъ, распоротыя кресла, солдатскія кружки и манерки, солома, лоскутья, рваныя одѣяла, — и всюду плавалъ нѣжный, чудесный пухъ.

Въ верхней палатѣ три огромныхъ окна были завѣшены простынями, и человѣкъ въ розовой рубахѣ, съ волосатыми ногами гориллы, старался завѣсить послѣднее. Очевидно, выполнялъ приказъ о защитѣ. У него не клеилось дѣло: онъ впустую стучалъ ножкой отъ койки и все попадалъ по пальцамъ.

— Не такъ, дуралей, не такъ! — бѣшено закричалъ полковникъ. — Не такъ, тебѣ говорятъ, не такъ! Щелей чтобы не было! щелей!! Выше, выше, оселъ!

Несчастный былъ совсѣмъ коротышка, едва доставалъ ножкой до переплета рамы.

— Не такъ! — зарычалъ полковникъ.

Онъ швырнулъ въ азартѣ ноганъ на койку и вспрыгнулъ на подоконникъ.

— Молотокъ, оселъ!...

Но «оселъ» былъ упрямъ и золъ. Онъ не хотѣлъ отдать своей ножки, и на подоконникѣ началась борьба. Задребезжала рама... Къ счастью, она была заперта. Солдатъ съ винтовкой безучастно смотрѣлъ на возню.

Я сейчасъ же схватилъ ноганъ, вырвалъ у солдата винтовку и крикнулъ Сашкѣ:

— Бери!...

Разомъ мы схватили полковника за ноги, стащили и навалились. Онъ ударился головой-шлемомъ. Простыней мы спутали ему ноги, связали руки ремнемъ и положили на койку. Онъ былъ безъ чувствъ. Ввалившіеся глаза были закрыты, на побѣлѣвшихъ губахъ пузырилась пѣна, тяжело хрипѣло въ груди...

— Теперь бензину... — осклабясь, промолвилъ-передохнулъ Сашка. — Больше часу проканителились...

Больше часу?!.. Не знаю, я потерялъ время... Но... что же теперь?.. Я потерялъ и волю...

Я осмотрѣлся, — тихо. И такъ, я сталъ командиромъ?..

— Слушать моей команды! — крикнулъ я... Прохорову.

Онъ вытянулся у стѣнки. Его губы дрожали, и сѣрое лицо-кулачокъ, лицо мартышки, выразило безумный ужасъ.

— Къ чорту нервы! — закричалъ я на казначея. — Дѣйствовать надо, а не хныкать!

Казначей трясся на чемоданѣ, закрывъ руками лицо. Во мнѣ кипѣло, какъ когда-то бывало *тамъ*. Я готовъ былъ его ударить.

— Что же теперь?.. — спросилъ онъ меня покорно. — Что же надо?..

Что надо... Я не зналъ, что надо... Что, въ самомъ дѣлѣ, надо?

Смотрѣлъ на меня Сашка съ винтовкой...

— Бензину надо... — опять попытался онъ.

— Иди, къ чорту! ищи... къ чорту!...

Во мнѣ кипѣло. Я готовъ былъ размозжить ему башку, деревяшкѣ! Онъ, въ самомъ дѣлѣ, пошелъ искать. Голоногій солдатъ забился подъ койку, въ уголъ.

Да... что же надо?

Я услыхалъ хрипъ полковника. Онъ пришелъ въ себя и глядѣлъ мутнымъ, отыскивающимъ взглядомъ. Я наклонился...

— Вы меня слышите, полковникъ?..

Онъ остановилъ на мнѣ пустой взглядъ, что-то во мнѣ отыскивая, что-то, какъ-будто, припоминая... Потомъ этотъ взглядъ сталъ наполняться, затеплился, загорѣлся, вспомнилъ... нашелъ *свое*, — и на его мертвомъ лицѣ вылился ужасъ и отвращеніе... Губы зашевелились, и я разобралъ невнятное бормотанье:

— Про... лятые...

Я смотрѣлъ на него... Насъ связывало великой болью. Эту боль носилъ я въ себѣ, чувствовалъ въ немъ, въ этомъ скрученномъ тѣлѣ, въ мутнѣвшихъ глазахъ и тяжеломъ хрипѣ. Я уже не могъ удержать эту боль въ себѣ. Я ее долженъ выки-

нуть... Съ нею жить невозможно, или что-то должно сломаться.

Я съ тоскою и жалостью смотрѣлъ на его осунувшееся лицо — лицо аскета... Безумный... Здравый... Что же значитъ это почетное слово, это гордое слово — здравый?! Сломалось что-то въ полковникѣ, сошло съ накатанной подлой колеи... и бродитъ, и ищетъ новой... съ болью великой ищетъ, разрывая привычное... Я тоже хочу искать...

Но что же дѣлать? Да, адъютантъ этотъ...

Онъ все такъ же стоялъ у стѣнки, навытяжкѣ, словно его поставили на часы. Мнѣ его стало жалко. Я ласково поманилъ его и приказалъ состоять при мнѣ адъютантомъ.

И онъ сталъ адъютантомъ!

— Прохоровъ, ключъ!

Онъ суетливо подалъ. Но что же дальше? Да и зачѣмъ нужно — дальше?.. Да, надо итти *туда*...

XI

Казначей смотрѣлъ на меня свинцовыми глазами уснувшей рыбы...

— *Туда*, казначей!..

Мнѣ пришлось взять его за плечи и встряхнуть.

— Марево... — сказалъ онъ измѣнившимся голосомъ и... заплакалъ.

Онъ все сидѣлъ на своемъ чемоданѣ, уставясь въ невидимую точку.

— Спасай казенные милліоны! — крикнулъ я на него и — поставилъ на колею.

Подъ его ясной лысиной мозгъ былъ крутой и крѣпкій, безъ этихъ тонкихъ извилинъ, которыя легко рвутся. Онъ прихватилъ чемоданъ и покорно пошелъ за мною.

— Капитанъ Коринъ! — объявилъ я внизу «жучку», — занятія отмѣняются!

Онъ, упорный въ своемъ, послалъ меня: къ чорту-съ, къ чорту-съ!

А теперь — Сименсъ-Гальске съ подручными!

Мы сейчасъ же освободили здравыхъ, — дрожащихъ, жалкихъ... Истерично рыдали сестры:

— Христосъ Воскресе!... Бо-же, Бо-же!...

Онѣ хватались за головы, смотря на разгромъ, приходили въ себя и опять закатывали истерики.

Истомленные, пошатывающіеся санитары растерянно оглядывали дворъ-лугъ, не зная, за что приняться. По-бабьи причиталъ-плакалъ крѣпышъ-поваръ:

— Свѣта видѣнье, родимые мои-и... свѣта видѣнье-э...

Крѣпче всѣхъ оказался докторъ. Его тугія, тронутыя сизой щетинкой щеки, даже не потеряли румянца-глянца. Его маленькая круглая головка бойко повертывалась туда и сюда, оглядывая разгромъ, и когда оглядѣла, ловко сложились губы, и онъ только свистнулъ:

— Здорово подъ-орѣхъ! Вотъ те и наградныя...

По его лицу пробѣжало тучкой и сейчасъ же сплыло. Онъ побрился — у него нашлась запасная бритва, — помылся, глотнулъ спирту, привелъ въ чувство сестеръ, прикрикнулъ на санитаровъ и велѣлъ собирать больныхъ. Онъ былъ странно спокоенъ, — будто ничего не было.

Я сообщилъ ему, что нѣмцы прорвали фронтъ. Онъ только пожалъ плечами:

— Все возможно... Теперь все понятно: телефонъ порвали, про насъ забыли. Дѣло обычное. Никто и не виноватъ! *Этихъ* было у насъ... двѣсти тридцать. Всѣ, понятно, погибнутъ.

Я вспомнилъ тѣ-же слова полковника... Только тотъ говорилъ не такъ.

— Такъ что же намъ теперь дѣлать, докторъ?

Докторъ только пожалъ плечами. Сашка тоже смотрѣлъ спокойно: онъ все обшарилъ и примирился.

— Будемъ курить, капитанъ. Утро вечера мудренѣе.

Мы сидѣли на чугунной скамьѣ, подъ дубомъ. Смотрѣло на насъ облупившееся Распятіе. Смотрѣло и на разгромъ, съ нами. Вотъ она, жизнь, ставшая вверхъ ногами! Эти исковерканныя койки, распоротые сѣнники-матрасы, сорванныя съ петель двери и окна, въ солнцѣ сверкающіе осколки, — все, казалось, кричало намъ:

«Бунтъ возставшаго человѣчьяго мозга!»

И тогда мнѣ блеснуло... Я только намекнулъ доктору:

— Смотрите, они... смѣются!

— О чемъ говорите, капитанъ... кто смѣется? — не понялъ докторъ.

— Все это... — вещи, деревья, камни... Глядите, какъ они разинули рты и пасти...

Онъ не понялъ. Онъ оглянулъ меня, какъ обычно оглядывалъ своихъ безпокойныхъ паціентовъ.

— Изъ какой это оперы? — спросилъ онъ.

Я хлопнулъ его по ляжкѣ, по плотной и звонкой ляжкѣ, и посмѣялся:

— Какой вы еще сдобняга, докторъ!

Такъ мы сидѣли на чугунной скамьѣ, подъ дубомъ. Смотрѣло на насъ облупившееся Распятіе съ отвалившейся нижней губой изъ алебастра. Только теперь бросилось мнѣ въ глаза, что Его ротъ разинутъ, погасли облупившіеся глаза, ослѣпли, и Онъ страшно, нѣмо кричитъ — отъ боли...

Этого я не сказалъ доктору: жалко было дѣлиться тайной...

Такъ мы сидѣли на чугунной скамьѣ, подъ дубомъ. Смѣялись отъ солнца радужныя стекла, вѣка видавшія. Блѣдныя сестры что-то налаживали, бродили. Санитары собирали осколки жизни, разыскивали больныхъ. И вдругъ, съ крыши, — робкій, просящій голосъ:

— Докторъ, позвольте слѣзть...

Этотъ робкій и нѣжный голосъ ударилъ меня въ сердце. Въ душѣ я крикнулъ:

— Съ ними! хочу съ ними!!

— Слѣзайте, поручикъ... — безучастно отвѣтилъ докторъ. — Этотъ совсѣмъ тихій.

Неподалеку отъ насъ сидѣлъ на травѣ толстякъ-фельдшеръ, торопливо рвалъ лопухи и разговаривалъ самъ съ собой:

— Не такъ-то просто-съ... Нѣтъ-съ, полковникъ Бабукинъ знаетъ... Не такъ-то-съ просто-съ...

— Нарождается новый номеръ... — сказалъ про него докторъ. — Такъ вотъ и очищается человѣчество. Я вѣрю въ отборъ.

Это былъ рѣдкостный образецъ здраваго человѣка, съ удивительно чистыми глазами, съ румянцемъ въ-мѣру, съ гребеночкой въ боковомъ кар-

машкѣ. Это былъ вполнѣ здравый, съ крѣпкими бѣлыми зубами, какъ у Сашки. Были даже и скульца, какъ у Сашки. Тотъ стоялъ у машины и закусывалъ изъ казначейской корзины. Казначей куда-то пропалъ, странно: должно быть, пряталъ казенные милліоны...

Докторъ освѣдомился, какъ и что, когда и откуда прибыли, записалъ въ книжечку — на случай, узналъ про наши запасы и сказалъ удовлетворенно:

— Это теперь очень кстати. Если раньше не потревожатъ, закусимъ, вывѣсимъ бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ и скажемъ вѣжливо: «Мы сдаемся». По-ихнему будетъ: «нэмен-зи-гефанген!» Значитъ, выпали изъ войны. Финита!

Потомъ... Я плохо помню подробности. Ну, полковника развязали, вспрыснули морфію, и онъ скоро уснулъ. Его оставили тамъ, въ верхней палатѣ, въ боковомъ флигелѣ. Я остался съ нимъ ночевать... Много думалъ...

XII

Пала ночь. Все затихло. Что же намъ скажетъ утро?..

Я сидѣлъ у окна, слушалъ голоса ночи. Она молчала. Далекія, рѣдко, глухо, били орудія. Рядомъ — хрипло дышалъ полковникъ. Какіе кошмары пришли къ нему? какіе демоны крючьями рвали сердце?..

Стоитъ ли мучиться, и во имя чего, кого? Не хочу и не буду мучить себя «во имя»! Слишкомъ много знаю, видѣлъ и пережилъ... Хороша пар-

ковая рѣшетка... художникъ понималъ дѣло! Вонъ на дубу — Распятый, облупился, ротъ потерялъ отъ крика... Нѣтъ, не буду и не хочу съ *ними*... Правъ докторъ: очищается человѣчество, великій отборъ идетъ, смѣются-зѣваютъ камни... Это они грохаютъ такъ мѣрно, нащупываютъ «мясо»... Очищается человѣчество! Меньше и меньше будутъ мучить себя «во имя»... Скоро люди науки, люди трезваго смысла, давшіе міру «толуолы», откроютъ величайшій секретъ — заряжать человѣка мозгомъ, тугимъ и крѣпкимъ! Великое торжество близко. Страшно же, чортъ возьми, гориллѣ давать хрупкую, человѣческую, душу! Тогда, наконецъ, смѣло и гордо назоветъ себя человѣкъ — гориллой!..

Въ лунномъ свѣтѣ, залившемъ дворъ и бѣлыя стѣны, грезились мнѣ волнующіяся тѣни, тѣни... Что за тѣни? Тамъ и тамъ скользили онѣ неслышно. Что за тѣни?.. Несчастные ли, въ которыхъ жила когда-то человѣческая душа, хрупкая, слабенькая душа, смятая оболочкой звѣря? Или это призраки чистыхъ людей тихаго свѣта, еще не родившихся на землѣ?.. Не являюсь ли я счастливымъ свидѣтелемъ тайны тайнъ? Быть можетъ, то зачинались въ ночи неясными очертаніями тѣней скользящихъ прекрасные люди будущаго?..

Я слышу тонкій, трусливый вой и яростное ворчанье... Нѣтъ, не грядущее обновленье это. Это *они,* бродящіе по ночной пустынѣ. Нѣтъ еще на этой землѣ силы такихъ зачатій... Въ крови зачатое будетъ звѣринымъ крѣпко, не будетъ лопаться и дрожать, не будетъ мучить себя «во имя»...

Я слышу и храпъ, и сопъ. Это казначей спитъ — не грезитъ. На его гладкой лысинѣ ясно играетъ

мѣсяцъ. Онъ спитъ спокойно: зарылъ таки чемоданъ подъ щепой, въ сараѣ.

И Сашка славно храпитъ, рядомъ съ полковникомъ, пожелавъ ему сновъ пріятныхъ. Сказалъ, укладываясь, вѣщее, свое, слово, — таки осилилъ:

— Эхъ, безъ ума не сойдешь съ ума! . . .

Какъ и Сашка, полковникъ былъ теперь отъ этого застрахованъ. Онъ уже — фактъ и суть.

Я сидѣлъ у окна и слушалъ. Сидѣлъ и грезилъ . . . Полный мѣсяцъ подымался выше, стерегъ землю. «Гуляй, тихій . . . гуляй, ночной!»

На зарѣ, только-только стало подыматься солнце, услыхалъ я впросонкахъ рѣзкій сигналъ трубой. Я вскочилъ и глянулъ за занавѣску. И тутъ, наконецъ, повѣрилъ, что передо мной самая настоящая суть, какъ казначейская лысина.

Галопомъ влетѣлъ во дворъ кавалерійскій отрядъ, человѣкъ въ двадцать, на крѣпкихъ рыжихъ коняхъ, на мѣдныхъ коняхъ, — въ желѣзѣ, сукнѣ и кожѣ. Впереди — мальчикъ, въ серебряной каскѣ, со свѣжимъ лицомъ, какъ румяное яблочко. Онъ взмахнулъ серебряной саблей къ полотнищу надъ воротами и закричалъ кому-то:

— Что и кто здѣсь?! Я спрашиваю, что *это?!* . .

И показалъ саблей къ полотнищу на воротахъ.

Изъ окна флигеля открывалась поразительная картина.

Солнце играло краснымъ, раннимъ, огнемъ на серебрѣ и мѣди, на тяжелыхъ, взмокшихъ коняхъ, на ремняхъ, на ружьяхъ, на тугихъ ляжкахъ, на

шпорахъ, на сапогахъ... На нижней плитѣ крыльца стоялъ докторъ, въ накинутой шинели, съ полотенцемъ на палкѣ, и говорилъ своимъ голосомъ, очень четко:

— Нэмен-зи-гефанген! Мы сдаемся, господинъ лейтенантъ! Мы — подъ Краснымъ Крестомъ!

— Чор-ртъ... я спрашиваю, что *здѣсь?!..* — кричалъ мальчишески-звонко нѣмецъ. — Что такое... лу-на?!..

Докторъ отвѣтилъ, отчеканивая слова:

— Здѣсь, брошенный всѣми, домъ сумасшедшихъ... Просимъ вашей отзывчивости.

И знаете, какъ отозвались на это люди въ желѣзѣ, сукнѣ и кожѣ, на крѣпкихъ рыжихъ коняхъ, на мѣдныхъ коняхъ, всё круглоголовые свѣжіе крѣпыши въ каскахъ?

Они хохотали... хохотали, какъ сумасшедшіе... Съ ними хохоталъ боръ, потерявшій тайну, хохотали тихія нѣдра, хохотали пустые сараи и разбитые чердаки. Хохотала настоящая жизнь, зычная, полная крови жизнь, не сбивающаяся на бредъ, не знающая сомнѣній. Знающая одно: я — жизнь!

И вдругъ, въ этотъ оглушительный грохотъ глотокъ и пустоты, къ мордѣ передового коня скользнула приземистая, сѣрая тѣнь... — и молніей полыснула бритвой...

Бацъ!... Вахмистръ-усачъ въ упоръ положилъ ее. Завертѣлось въ глазахъ... Копыта вздыбленнаго коня, сверкнувшая сабля, каски, сабли, сабли... и на росистой травѣ, въ лиловомъ серебрѣ солнца, — сѣрый, вздрагивающій комокъ... Копыта, лошади на-дыбахъ, и сабли...

XIII

Тутъ наступаетъ провалъ... Я почти ничего не помню. Какъ-будто, круглыя лица, въ каскахъ... округленные глаза, въ огнѣ... тонкіе голоса, — сестеръ?.. Да благословенна будетъ Рука, задвинувшая заслонку! Я ничего не помню...

Приходили ночи въ окно, съ огнемъ и громомъ. Должно быть, били орудія. Знакомое лицо... — Сашка? — являлось и уплывало... И кто-то, чужой, стоитъ и стоитъ съ обнаженной саблей...

Прорываетъ мои потемки огонь и трескъ, будто рушится все кругомъ, и я отчетливо вспоминаю раскатистое — ур-ра-а-а... — сыплющееся въ окно, съ воли... Оно вырываетъ меня изъ тьмы.

Помню бородатое казачье лицо, сладкій коньячный духъ и волосатую руку, протягивающую жестянку съ мармаладомъ. Оно гладитъ мой лобъ, куритъ трубку и говоритъ что-то очень веселое, чего я никакъ не могу понять. Я узнаю слова, но не могу понять смысла:

— ...бросилъ нашъ корпусъ!... артиллерія хорошо крыла... угробили!... мы ловко дыру заткнули... и крысы попали тепленькими! Веселенькая охота...

...Крысы... Какія крысы?

Вотъ, наконецъ, и Сашка: сіяетъ его лицо.

— Нѣмцы, ваше высокобродіе... Наши казачки накрыли!

Я помню ласковую сестру, свѣтлую русую головку. Милые, родные глаза, дѣвушки русской... Помню чудесно сверкающіе кристаллы въ стаканчикѣ, ледяные кристаллы. Они льются въ меня, я

вытягиваюсь, тончаю... весь я — звонкая, сверкающая струна...

И опять пробѣлъ...

Какъ-будто городъ... вечернія улицы, огни. Высокіе своды, портреты въ золотыхъ рамахъ, длинный столъ, подъ зеленымъ сукномъ. За нимъ много военныхъ, куча бумаги, ружья... Какъ-будто судъ. Да, конечно. Что это, сонъ мой длится? Опять все то же — Италія, Греція, Аргентина? Толпа казаковъ съ лихими вихрами, огневыми глазами степныхъ орловъ... Казначейская лысина! Она трется у моего локтя и бормочетъ — шепчетъ: «конецъ, капитанъ... конецъ». Итальянецъ стучитъ себя въ грудь, говоритъ - говоритъ - говоритъ... Аргентинка... Нѣтъ Аргентинки! Простоволосая баба кричитъ визгливо:

— Помилосердуйте... родненькіе мои!..

Что это, сонъ мой длится?

Усатый старикъ, въ боевыхъ орденахъ, съ черной заплаткой-повязкой, кривой и зоркій, высоко подымаетъ бумагу съ печатью, пальцемъ по ней стучитъ... Я слышу звѣриный вой:

— Помилуйте, родненькіи мои!..

Потомъ... нѣтъ, не помню. Я видѣлъ петлю, и шелковый хвостъ въ клочьяхъ, и казачьи вихры лихіе, и... веселую лысину довольнаго казначея. Это я хорошо помню. Невѣдомая рука открыла заслонку и показала. И опять закрыла...

Мѣсяцы протекли или годы? Я часто путаю время. Я знаю, что были зимы, дожди и грозы, и — много страшнаго. Но — странная эта штука, память! Она у меня или необычайно ярка, или, мѣстами, въ дырьяхъ. Я помню всѣ минуты одно-

го дня, а то — проваливаются годы... Доктора увѣряютъ, что мнѣ надо серьезно полѣчиться, тогда вернутся ко мнѣ и провалившіеся годы, что со мной бываютъ, такъ называемые — «люцида момента»! Полѣчиться... уравнять память? Не желаю! Довольно съ меня и — «люцида-момента»!

Вотъ и опять я тотъ же, и могу бойко разсказывать. Я все сознаю, все помню... за исключеніемъ... Но, что объ этомъ! Всѣ складочки и пупырья на шеѣ Сашки, всѣ морщины земляка-казначея, всѣ слова, какія сказалъ я въ жизни... за исключеніемъ! Но исхудалъ я страшно, какъ видите...

Давно отшумѣла война, и я въ глубокомъ тылу, такомъ глубокомъ!.. И я ничего не знаю, не вижу жизни. Не знаю, не уясню, — въ больницѣ ли меня держатъ или... еще гдѣ? Мнѣ совсѣмъ не даютъ газетъ, а письма... мнѣ не даютъ и писемъ! Впрочемъ, одно имѣю, — отъ казначея! Какъ попало оно ко мнѣ, не помню... Я нашелъ его на столѣ, послѣ ухода нѣмого парня, который приноситъ мнѣ иногда обѣдъ. Я пробовалъ съ нимъ бесѣдовать... Онъ иногда послушаетъ, ухмыльнется, и — ничего не скажетъ. Впрочемъ, недавно сказалъ, но только одно слово:

— Скоро.

Онъ напоминаетъ мнѣ моего Сашку: такой же скуластый, плотный...

Да, на-дняхъ... меня повели по коридорамъ, провели вверхъ и внизъ и оставили съ глазу на глазъ съ непріятнымъ человѣкомъ. На столѣ лежали два револьвера. Но разговоръ нашъ былъ до того необыкновеннымъ, безсмысленнымъ, что мнѣ

трудно разсказывать. Меня хотѣли заставить вспомнить, гдѣ и когда я былъ за всѣ эти годы! И не былъ ли я на службѣ у генерала Энъ? Что же я могъ отвѣтить! Я только и могъ сказать, что ровно ничего не помню за эти годы. Тогда меня заставили написать все, что знаю... И вотъ я пишу — *это.* Мнѣ часто мѣшаютъ господа, называющіе себя докторами. Они садятся вокругъ меня и задаютъ неожиданно самые глупые вопросы, стараются поймать на чемъ-то... Пожимаютъ плечами, что я ничего не знаю и не помню... А вчера одинъ стукнулъ кулакомъ по столу и крикнулъ:

— Это все скоро кончится!

И прекрасно.

И такъ, я — въ глубокомъ тылу. Но гдѣ полковникъ Бабукинъ? Странно, никто не знаетъ. Гдѣ хоть Сашка? И о немъ не знаютъ... Все вытряхнулось куда-то, кануло... Представленіе кончилось! Должно же хоть гдѣ-нибудь оставить слѣдъ свой! Неужели только въ этой невѣрной машинкѣ, въ моемъ мозгу? Для чего-то увѣряютъ меня господа, которые приходятъ ко мнѣ и читаютъ мои записки, — доктора они или не доктора? — что это все моя симуляція и фантазія! что если я такъ отчетливо помню даже мельчайшія происшествія изъ *того, что было,* почему я такъ «глупо» настаиваю на томъ, что мнѣ, будто бы, совершенно неизвѣстно о «самомъ важномъ», о... Но тутъ они говорили до того странное!.. Не сонъ ли это? Ничего не могу понять...

Увѣряютъ, что это мое притворство, моя фантазія... что я *долженъ* знать очень многое! что *было на самомъ дѣлѣ!* Или они за меня боятся? хотятъ меня успокоить?..

Нечего за меня бояться. Я перенесъ болѣзнь, и теперь, если будутъ кормить получше, оправлюсь быстро и опять поведу работу въ университетѣ: я же подававшій надежды физикъ, бывшій ассистентъ покойнаго Лебедева!

Вотъ чудаки: фан-та-зія! Я могу показать письмо самаго правдоподобнаго человѣка, моего пермяка-казначея, съ самой подлинной лысиной во весь черепъ! Впрочемъ, я самъ началъ было сомнѣваться... Но вотъ, получилъ письмо. Онъ, оказывается, уже не считаетъ деньги, а... клеитъ пакеты и продаетъ на базарѣ хламъ! Вотъ чудакъ!.. Но и онъ не знаетъ, гдѣ полковникъ Бабукинъ. Но *не* говоритъ, что *никогда никакого* Бабукина *не было!* Напротивъ, можете прочитать: «...лучше не думать обо всей этой чертовщинѣ и о томъ чортѣ съ тазомъ на головѣ»!!!..

Сегодня я покажу *имъ* письмо. Пусть хоть спишутся съ казначеемъ. Онъ *имъ* скажетъ, какая это фан-та-зія!

Неужели я видѣлъ казначея?! Онъ самый, самый! Только страшно обрюзгъ, и подъ глазами натеки висятъ мѣшками. И лысина та же, только, пожалуй, не такъ сіяетъ...

Мы столкнулись у непріятнаго человѣка... И, глядя въ глаза другъ другу, вспомнили про былое. Полковникъ Бабукинъ *былъ!* Это подтвердилъ казначей и для чего-то добавилъ, что и *тогда* моя голова была не совсѣмъ въ порядкѣ!

Намъ не пришлось побесѣдовать: его повели налѣво, меня — направо. Впрочемъ, непріятный человѣкъ заявилъ, что завтра опять увидимся.

Если бы и полковникъ Бабукинъ появился! Я былъ бы счастливъ. А хотѣлось бы встрѣтиться,

поговорить по душамъ... Правда, въ его системѣ многое хаотично и подсказано больнымъ мозгомъ, но гипотеза интересна... «Ультра-зеленыя волны» эти... Онѣ неизвѣстны физикѣ, и это, конечно, — нонсенсъ, но... надо, серьезно надо заняться этимъ вопросомъ. Вліять на нервные центры! Вѣдь это — мысль! Разсуждая логически... — мы знаемъ силы, убивающія нервные центры, — силы гасящія... Почему же не быть другимъ?! силамъ, которыя заряжаютъ души небеснымъ свѣтомъ! Только *это* можетъ перевернуть «естественный» ходъ вещей. Я вѣрю. Иначе — не стоитъ жить.

1919—1922 г.

ЧУЖОЙ КРОВИ

Гвардейскій солдатъ Иванъ, раненый въ грудь навылетъ, попалъ въ плѣнъ къ нѣмцамъ. Случилось это въ Августовскихъ Лѣсахъ, по осени. Рыжебровый, пучеглазый нѣмецъ взмахнулъ прикладомъ, споткнулся и пробѣжалъ мимо, а другой, добрый, присѣлъ къ Ивану и далъ попить...

Дальше Иванъ не помнилъ.

Очнулся онъ къ ночи, въ большомъ сараѣ, на сѣнѣ. Было такихъ здѣсь много. Когда отдирали съ груди рубаху, отъ боли занялось сердце и провалился сарай куда-то, отплылъ. Тогда — сонъ не сонъ! — качнулся Иванъ подъ небо, на высоченномъ возу, на сѣнѣ, будто на плотинѣ у господскаго пруда, — изъ далекаго дѣтства выплыло! — и сестра Даша позвала жалостливо: Ва-ня!...

Часто потомъ вспоминался Ивану этотъ зыбучій возъ и жалѣющій Дашинъ голосъ.

Въ госпиталѣ выучили Ивана клеить коробки, вязать и считать до сотни — ломать языкъ, а къ веснѣ отправили съ другими по чугункѣ, — «за лѣса куда-то», — въ маленькій городокъ. А тамъ отдали мужику-нѣмцу — въ работу.

Было это мартовскимъ утромъ.

Оборванцыхъ и угрюмыхъ плѣнныхъ построили на площадкѣ, подъ голыми липами, и хромой нѣмецъ ахнулъ:

— Ахтунг!... Айн, цвай, драй...

Каждому написалъ нѣмецъ на груди мѣломъ

нумеръ. Рослый Иванъ пришелся съ праваго фланга: написалъ ему нѣмецъ — 5.

— **Фынф**!

Пришли бритые мужики въ курткахъ, кули-мужики, въ крѣпкихъ сапогахъ на гвоздяхъ-подковахъ, съ длинными кнутьями. Пришли — трубками навоняли. У каждаго было по билету. Приковылялъ за ними одноглазый и сталъ вычитывать изъ бумажки, съ трескомъ; а мужики посасывали трубки:

— Я... я воль... зо-о...

А въ липахъ кричали грачи — смѣялись.

И вотъ — загохали мужики, стали ходить по фронту, орать-спорить:

— Майн! Фирцен!

И только Иванъ подумалъ: «жеребья тянули», — подошелъ къ нему въ заячьей шапкѣ, широкій, толсторожій, будто поваръ Михайла изъ Скворцовки. Хозяиномъ оглянулъ Ивана, ткнулъ въ самую «пятерку» и крикнулъ, словно на лошадь:

— Фынф, гей!

Не понялъ Иванъ, забылъ. Тогда потянулъ нѣмецъ за воротникъ. Это понялъ Иванъ и пошелъ за нѣмцемъ. Улицами пошли: нѣмецъ впереди, Иванъ — въ затылокъ.

Нѣмецъ шелъ вперевалку, какъ ходятъ тучные; Иванъ — журавлемъ, глядя въ широкій задъ и красный затылокъ въ складкахъ. Все было ему тошно въ нѣмцѣ: подрагивающій курдюкъ, съ пуговицами-глазами на поясницѣ, суковатая палка съ гайкой, заплатка на шапкѣ, вонючая сигарка. Встрѣтился взводъ солдатъ-столбиковъ, отбивавшихъ ногу подъ барабанъ. Иванъ вспомнилъ роту, — и засосало. Никто не приглядывался къ нему: знали, что этотъ **рваный, худой**, высокій и сѣроглазый — русскій

плѣнный Иванъ. Такихъ много. Только одна старушка, съ травяной сумочкой и съ взнузданной собачкой на ремешкѣ, заглянула ему въ глаза и пожевала губами. Понялъ Иванъ, что жалѣетъ его старуха, и вспомнилъ мать.

На постояломъ дворѣ, у вылуженныхъ кормушекъ, стояли плетеныя двуколки, подъ черный и желтый лакъ. Было чисто, какъ на конскомъ заводѣ Прошина: ни сѣнинки. Мальчишка щеточкой подбиралъ навозъ. Стало смѣшно Ивану: постоемъ даже не пахнетъ!

Нѣмецъ отщелкнулъ цѣпь, мотнулъ Ивану — садись, и выѣхалъ на сѣро-рыжей крутой кобылѣ, въ стриженой гривкѣ. И побѣжало ровное, какъ плита, шоссе.

Всюду — поля и поля, за проволокой обсаженныя деревцами канавки, домики подъ желѣзомъ и черепицей, стеклянный блескъ парниковъ, тягучій духъ хлѣбный — парнымъ навозомъ. Будто изъ обожженной глины, тонкія церкви-кирки острили крестики въ небо. Съ шарабановъ, навстрѣчу, краснощекія дѣвушки весело кричали нѣмцу:

— Мойен! Мойен, хер Бгаун!

Хрипѣлъ имъ нѣмецъ, не выпускалъ сигарки:

— Моин-моин . . фройлайн Тегез!

Тонкая, розовенькая Тереза еще издали показала Ивану смѣющіеся зубки. Въ синемъ колпачкѣ-шляпкѣ она была туго подтянута бѣлымъ ремешкомъ подъ груди, съ пучкомъ розовыхъ маргаритокъ у плеча.

— Эхъ, морковка!

Засмотрѣлся Иванъ на нее: ловкачка-шельма! И она пріостановила рыжую кобылку, — не звякаетъ ли подкова, — а сама хитро поглядывала на

Ивана. Хрипнулъ ей что-то Браунъ, — такъ и засіяла веселыми зубами.

«Ишь, черти, — подумалъ Иванъ, — надо мной смѣются».

Не зналъ Иванъ: посмѣялся Браунъ, что вотъ скоро вернется съ французскаго фронта Генрихъ, тогда здорово подкуетъ Терезину кобылу!

У рѣчки, съ мельничкой-игрушкой и чистыми голубями, нѣмецъ остановилъ лошадь. Намалеванный синій заяцъ, съ колбаской въ зубахъ, и пѣнящаяся кружка показывали трактирчикъ. Нѣмецъ крякнулъ и подмигнулъ Ивану.

— Можно! — отозвался Иванъ, — хозяинъ и лошадь поитъ.

Пусто было въ трактирѣ, только толстуха-хозяйка, занявшая весь прилавокъ, перекладывала изъ одной корзины въ другую гору яицъ.

«Пиво, должно, дуть будетъ... угоститъ», — подумалъ Иванъ. Но нѣмецъ съѣлъ только кусокъ рыбы, — сазанъ не сазанъ! — и вытянулъ только одну кружку пива. Далъ отъ себя кусочекъ рыбы Ивану.

Хотѣлось Ивану пива. Былъ у него серебряный рубль, завѣтный. Берегъ его крѣпко Иванъ. Жилъ у него этотъ рубль въ кисетѣ, съ самаго того дня, какъ пошелъ Иванъ изъ Скворцовки. Отдала ему его сестра Даша на проводахъ, сказала:

— У меня только рубликъ, Ваня. Возьми на счастье.

Для счастья берегъ Иванъ, не сломалъ ему головы въ Варшавѣ даже, гдѣ гвардейцы двѣ ночи крутили въ какой-то пьяной цукернѣ, заливались «штаркой». Не отдалъ и кривоногому санитару-нѣмцу — за спасенье: серебряный портсигаръ отдалъ,

фронтовую находку. А ужъ какъ добивался нѣмецъ! Торговала у него этотъ рубль сестра въ госпиталѣ, — и ей не отдалъ. Подарилъ ей щепную птичку — своей работы.

— А рупь не могу: завѣтный!

Теперь до тоски захотѣлось пива. Сказалъ Иванъ:

— Мой пива желаеть... тринкен!

Отмахнулся Браунъ. Досталъ выданную калѣчнымъ нѣмцемъ книжку, — руски слóва! — повозилъ пальцемъ и засопѣлъ, какъ мѣхомъ:

— «Какъ... тэбья... сфат»? Ифанъ! Зо-о... я-я...

И поискалъ-почиталъ еще:

— «Руски лэниви... сшеловэк»! Зо-о-о... А? Найн?

Съ хитрецой заглянулъ въ глаза, въ унылые глаза Ивана. Не отозвался ему Иванъ. Потомъ прочиталъ еще: «рапота ната», потомъ: «пифо», «риба». Нравились ему чужія слова — смѣшныя. Все повторялъ, смѣялся; все показывалъ желтые бобы-зубы, все прощупывалъ Иванову руку-лапу:

— Рапота... ната! Сольдат Ифанъ! Зо-о! Рапо-та!

Обозвалъ его Иванъ колбасой и позвонилъ ноготкомъ по кружкѣ. Нѣмецъ отставилъ кружку. Тутъ Иванъ вынулъ рубликъ, звякнулъ имъ о кирпичный полъ, — звонъ-то какой отчетливый! — и сунулъ нѣмцу:

— Гляди, шутъ!

Выплыла изъ-за прилавка толстуха, переливая зобомъ, съ яйцами въ кулакахъ, посмотрѣла на рубликъ, повздыхала. Нѣмецъ прикинулъ рубликъ, досталъ бисерный кошелекъ, кувшинчикомъ, и пока-

залъ Ивану знакомую «марку». Иванъ плюнулъ на ногу нѣмкѣ, швырнулъ рубль въ кисеть и сказалъ съ сердцемъ:

— Не бывать тому! Вотъ въ Россію поѣду, на первой нашей станціи калачей ли, саекъ ли — куплю на цѣльный! Не желаю у васъ завязить. Нашъ рубль всѣмъ деньгамъ голова, болѣ ничего!

Не поняли его нѣмцы.

У рѣчки нагнали ихъ двѣ двуколки. Въ каждой сидѣло по нѣмцу и по солдату: везли въ работу. Крикнулъ одинъ Ивану:

— Покажуть они намъ кузькину мать, черти!

Покатили. И опять, куда ни глядѣлъ Иванъ, видѣлъ: вылощено, выточено все, какъ игрушка! Да гдѣ-жъ деревни? Всюду цвѣтная черепица, заборчики изъ бетона, — будто въ усадьбѣ скворцовскаго барина, подъ Тулой. Сіяли въ садикахъ серебряные шары, на бесѣдкахъ пестрѣли полосатыя палки — флагштоки...

Спросилъ нѣмецъ, подрыгивая сигаркой:

— А? гут? Зо-о-о!...

— Плевать! — сердито сказалъ Иванъ. — У насъ чище.

Нѣмецъ, наконецъ, выплюнулъ вертѣвшійся въ губахъ съ самаго утра огрызокъ сигарки и постучалъ себя серебрянымъ перстнемъ въ лобъ: отъ ума, молъ, все!

Въѣхали, наконецъ, въ поселокъ, подъ воротаарку съ полосатой палкой на нихъ — для флаговъ въ праздники. Нѣмецъ сказалъ:

— Грюнвальд!

Иванъ понялъ, что такъ зовется эта деревня.

II

— Ифан-сольдат! — будилъ нѣмецъ, лупилъ дубинкой въ сарай: бум, бум! — Рапота ната!

И всякій разъ Иванъ слышалъ, какъ въ сѣромъ хозяйскомъ домѣ кукушка выхрипывала пять разъ.

Вылѣзалъ изъ каменнаго сарая, продиралъ глаза, а солнышко только-только показывалось изъ-за горки, гдѣ стояла чужая, скучная игла-церковь — кирка. А за ней мельница уже вертѣла рѣзныя крылья. Нѣмецъ, словно и сна ему нѣтъ, закатавъ рукава блузы, поблескивалъ розовой плѣшью, уминалъ въ плетенку вороха изъ-подъ соломорѣзки — кормить коровъ. Третій нѣмцевъ сынишка, горбатый Морицъ, какъ піявка тощій, уже садился на велосипедъ — катилъ въ городокъ Вербинъ за утренними газетами для Грюнвальда. Ну, и піявка горбатая! Кучу газетъ приволакивалъ черезъ два часа и набивалъ-таки деньгу!

— Во, безсонные черти! — ворчалъ Иванъ, пофыркивая подъ краномъ. — Воду, хорошо, догадались-провели, а то бы и за водой гоняли...

Расчесывался на солнышкѣ, а старая нѣмка, похожая на корчагу, уже возилась со свиньями, наводя палкой порядокъ. Покашивалась на Ивана — что долго чешется!

— Сольдат-Ифан! — кричала она визгливо; — Ку! ку!! вóдя! васср!

— Закукала... — отзывался Иванъ. — Агнблик, мать твою кочерыжка! Не подохнутъ твои коровы...

Шесть было коровъ у нѣмца: стояли больше по стойламъ.

И что за непонятная сторона! Здѣсь, будто, и солнце вставало раньше, и галки гомозились чуть свѣтъ. Поѣзда за поѣздами бѣжали, кричали у переѣзда: не зѣва-ай! Не какъ подъ Тулой: проѣдетъ одинъ-другой, и опять тишь, хоть спать заваливайся на рельсы. И что за народъ! Послѣ обѣда и то шмыжутъ, какъ . . . шутъ ихъноситъ!

Молодуха-невѣстка Тильда, съ розами во всю щеку, грудастая и бокастая, круглоглазая, какъ овца, лётаетъ по двору, подоткнувъ подолъ, — такъ и играютъ копыта-пятки. И съ чего у нихъ ноги какія, бревна? Давно выдоила коровъ и ужъ выпускаетъ телятъ въ загончикъ, вываливая находу ведерную грудь лупоглазому пупсику. Младшая дѣвка Лизхенъ, съ хвостикомъ на затылкѣ, везетъ молоко въ телѣжкѣ — на сливню. Постарше, Катринхенъ, — уже надергала редиски и вороха салату, нащипала плетенку ранней клубники — на рынокъ, въ Вербинъ. А къ вечеру ужъ и деньги у нѣмца звенятъ въ карманѣ. На-родъ!

Первое время Иванъ ходилъ, какъ съ угара: сто дѣлъ надо было помнить. Земли у нѣмца было, будто, немного, десятинъ восемь, — по ихнему моргеновъ тридцать, а наверчено . . . — на сотню десятинъ достанетъ. Было поле гороху, овсяное, ржаное, клеверное съ викой, ячменное; было поле кормовой свеклы, картофельное и еще какое-то . . . не поймешь. Картошка родилась два раза въ лѣто! А свекла была такая! . .

Смѣялись надъ Иваномъ: ходитъ, разинувъ ротъ! Хлопалъ по плечу нѣмецъ, тянулся достать, хрипѣлъ:

— Куль-тур!

Посмѣивался Иванъ:

— Съ зари до зари шмурыжите, никакого удовольствія никому. Черти въ аду такъ маются!

— А, думмкопф... Куль-тур!

— Культур-культур! А скушно?!

Не понималъ нѣмецъ: скучно? Въ шахты бы вотъ послать дурью голову... узналъ бы.

Четыре телки росли у нѣмки, пять лошадей своего заводу, въ хозяина, — съ рыжинкой, сѣрыя. Восемнадцать поросятъ наливались въ хлѣву, у хмельника: дымилъ для нихъ и коровъ чанъ въ землѣ, съ пивной бардой.

— И куда тебѣ столько? — посмѣивался Иванъ. — А все жадность ваша. Съ жадности и войну начали, людей неволить. Помрешь — не возьмешь! Да и людямъ неспокойно.

Серчалъ нѣмецъ, наливалъ плѣшь кровью, синѣлъ:

— Тебя надо кофорит: думм! Мат твоя!

И ругаться выучился нѣмецъ по Ивану, а не пронимался Иванъ. Твердилъ и твердилъ свое:

— Все равно: у богатаго спокою нѣту. У насъ баринъ Скворцовъ сто домовъ имѣлъ по всѣмъ городамъ, а пришло — костью подавился!

— Картофельный голёфа! Культур! Зо-о!

Куръ за сотню было у нѣмца, гусей стадо, овецъ три десятка, да гдѣ-то, у какого-то Терезина дѣдушки, на горахъ, — съ сотню. Птицы всякой особенной — индюшекъ, цесарокъ, — не назовешь. Жили въ подвалахъ кролики, сотни три; начесывали съ нихъ нѣмцы до пуда шерсти, ѣли шибко, а не могли переѣсть: плодились кролики, какъ мухи. Ходила за ними Лизхенъ, а рѣзалъ горбатый Морицъ. Сто дѣлъ было у горбатаго: нырялъ со своимъ горбомъ съ за-

ри до зари, по огороду да въ хмельникѣ. А къ вечеру опять катилъ по деревнѣ на велосипедѣ, визжалъ:

— Нах-рих! Нах-рих!

Слышалъ его Иванъ съ поля: мчитъ, стало быть, газету; по-ихнему — нахрик.

Даже у пятилѣтняго Людика дѣло было: перышки собиралъ по двору въ мѣшочекъ. Подивился Иванъ: за годъ насбиралъ мальчишка на подушку пуху!

Самъ нѣмецъ затыкалъ всѣ дырья, катался на короткихъ ногахъ съ дубинкой, свѣтилъ розовой плѣшью, давалъ наряды. Показывалъ Ивану волосатый кулакъ въ веснушкахъ, трясъ у носа:

— Арбайт! Штайн-берг! Крафт! Ми всэ умни!

— По-нятно... Нѣмецъ обезьяну выдумалъ. А накладутъ вамъ, ужъ это сдѣлай милость! Сыты будете.

— О, унзер кайзер убер аллес!

По праздникамъ уходилъ нѣмецъ въ клубъ-пивную. Собирались туда всѣ бауэры, тянули пиво, воняли сигарами и трубками и читали газеты. Сидя у палисадника, слышалъ Иванъ, какъ въ клубѣ-пивной рычали: хох! хох!! — и стучали въ полъ палками. Зналъ Иванъ, что это новую побѣду празднуютъ нѣмцы, а завтра обязательно выкинутъ флагъ у въѣзда. И закипало сердце. Думалось: «всѣхъ покорятъ! а надо бы сбить съ нихъ шапку!» Вглядывался вокругъ: «не собьешь, — машина!»

И машинъ было много всякихъ. Была у нѣмца «вертѣлка» для молока, соломорѣзка, косилка, — на всѣ дѣла! Глазъ кололи телѣги и плуги, крутозадыя лошади, коровы такія, что не лучше были и въ скворцовской усадьбѣ. Брала Ивана досада:

— Эхъ, шапку бы сбить да загрести все, для новаго хозяйства!

Думалъ — голодомъ морить будутъ. Нѣтъ, ничего кормили. Даже вечеромъ ѣли съ саломъ, а въ праздникъ крошила нѣмка соленую свинину. Ѣлъ Иванъ во дворѣ, — нѣмцы въ домѣ. Приносила обѣдъ тонкая, золотушная Лизхенъ, говорила писклявво: «драстуй», а Иванъ отвѣчалъ: «данкашен, майнэ фройлайн!» Она убѣгала, прыская въ ладошку. Жалѣлъ ее Иванъ: похожа она была на сестру Дашу, — слабенькая такая и въ золотушкѣ. Сдѣлалъ ей удовольствіе, щепную птичку и золоченую клѣтку изъ соломокъ — подъ потолокъ вѣшать.

Мѣсяцъ за мѣсяцъ — приглядѣлся Иванъ, приладился. Сталъ хорошо понимать по-ихнему. И говорить сталъ отчетливо. Смѣялись, а потомъ привыкли. Шутилъ надъ ними Иванъ, говорилъ нѣмкѣ:

— Вотъ, фрау Тильда ваша, невѣстка, по-нашему будетъ такъ: ка-была!

Повторяла нѣмка: ка-би-ля!

— Я вот, всѣ говорят, красивая... — говорила Ивану Тильда, поигрывая глазами. — По-вашему, какъ сказать надо?

Яро смотрѣлъ въ ея бараньи глаза голодный Иванъ, переводилъ на животъ, на бедра. Говорилъ слово — самому было зазорно слушать, а круглоглазая Тильда съ гордостью повторяла. Обучилъ ее Иванъ разнымъ словамъ непристойнымъ, смѣялся — слушалъ: по-тѣха!

Справилъ себѣ Иванъ крѣпкіе башмаки на гвоздяхъ, куртку и синюю кэпку: ходилъ херръ Браунъ въ какой-то «ферайн», самъ выбралъ. Да еще выдалъ Ивану жалованья остатокъ. Въ празд-

никъ какъ-то вырядился Иванъ въ нѣмецкое платье, закурилъ сигаретку и пошелъ по деревнѣ. Смотрѣли на него нѣмки изъ садиковъ, смотрѣли крадучись-жадно, а часто встрѣчавшаяся розовенькая, тоненькая Тереза кивала ему свѣтловолосой головкой. Сказалъ ей Иванъ, молодцевато козыряя:

— Гутен таг, майнэ фройлайн!

Отвѣтила Тереза привѣтливо и оглянулась на голубой домикъ, въ виноградѣ.

Каждое воскресенье сталъ прогуливаться Иванъ по Грюнвальду, — купилъ хлыстикъ для шику, хоть и серчалъ Браунъ на пустую трату, — и все поглядывалъ на завѣтный домикъ. И всякій разъ видѣлъ въ садикѣ, за вязаньемъ, пышноволосую, нарядную Терезу. Шелъ — насвистывалъ: «чубарики-чубчики вы мои!»

На недѣлѣ забѣгала Тереза къ Катринхенъ, выбирая вечеръ, когда приходили съ поля. Торчала у закромовъ, куда Иванъ сваливалъ картофель. Показывалъ Иванъ передъ ней силу, игралъ мѣшками, захватывая на шею по два. Кричалъ весело нѣмцу:

— Нох, херр Браун! Наваливай! Афляден!

Швырялъ — посвистывалъ. Дивился нѣмецъ: что за охота швыряться силой! А старая нѣмка показывала глазами всегда смѣющейся, бѣлозубой Тильдѣ, шепталась насчетъ Ивана. Иванъ понималъ шопотъ: говорила Тильда, что Иванъ не слабѣе ея Фрица. Смѣялся въ усы: не разъ видалъ, какъ поглядываетъ на него Тильда, закусывая полныя губы-вишни; а разъ даже задержалась въ хлѣву, подъ вечеръ, словно ждала чего-то. Не осмѣлѣлъ Иванъ: ужъ очень нарядная была Тильда, — а были будни, — надѣла розовую кофту съ кружевной вставкой и короткую юбку — всѣ толстыя ноги видно. Часто

потомъ вспоминалъ тотъ вечеръ, полные розовые локти и думалъ: дуракъ!

Вскорѣ пріѣхалъ на побывку къ женѣ унтеръ-офицеръ Фрицъ, круглоголовый крѣпышъ, съ стеклянными голубыми глазами, черный съ французскаго солнца. Забѣгали-зашумѣли въ домѣ, зажгли въ садикѣ бумажные фонари. Закололи стараго индюка на радости. И запыхавшаяся, праздничная вся, Тильда, въ красной вырѣзной кофтѣ, въ той же короткой юбкѣ, весело крикнула Ивану:

— Кобель пріѣкаль!

Обучилъ ее такъ Иванъ: мужъ — по-нашему называется!

И наказала, посмѣиваясь глазами, сходить въ лавку и принести самаго крѣпкаго портеру бутылку и остраго фаршированнаго перцу.

Сказалъ ей Иванъ:

— Сама-то жарчей перцу!

И опять подумалъ: ду-ракъ!

III

Другой годъ кончался, какъ работалъ Иванъ на нѣмца. Въ работу втянулся, говорилъ чужой рѣчью, и уже сажали его нѣмцы съ собой обѣдать. Только всегда говорила нѣмка:

— А руки вымылъ, Иванъ?

И смотрѣла Ивану въ руки.

Пѣлъ Иванъ нѣмецкія пѣсни, ловко умѣлъ ругаться и даже заходилъ въ кирку. Даже одинъ ѣзжалъ въ городъ.

Говорили про него въ Грюнвальдѣ:

— Русскій Иванъ — золотой парень, парень — сила. Изъ него выйдетъ хорошій нѣмецъ.

Самъ херръ Браунъ порой даже спрашивалъ у него совѣта. Зналъ Иванъ и печное дѣло, и кирпичную кладку, а топоромъ работалъ — приходили дивиться. Сказалъ нѣмецъ къ концу второго года:

— Кончится война, на родину не ѣзди.

— Уѣду обязательно, — сказалъ Иванъ. — Скучаю.

Получилъ какъ-то ржаныхъ сухарей изъ дому. Писала ему каракулями Даша: «очинь живетца плоха, ничего нѣту, дорогой братецъ . . .» Пошумѣлъ сухариками Иванъ, засмѣялся . . . еще пошумѣлъ. Нагнулся къ сухарикамъ въ ящикѣ, потянулъ духъ сухарный, — и вспомнилось ему въ сухаряхъ многое. Не скоро заснулъ въ ту ночь. А на утро показалъ нѣмцу на ладони:

— Вотъ какой нашъ-то хлѣбъ, херръ Браунъ!

Похрустѣлъ нѣмецъ, пожевалъ: кисло. Сказалъ: надо посыпáть тминомъ.

— У насъ посыпаютъ солью, — хмуро сказалъ Иванъ. — Хлѣбъ-соль.

Съ недѣлю ходилъ Иванъ не въ себѣ, думалъ: «живется плохо» . . . Мать увидалъ во снѣ: идетъ старуха полемъ пустымъ, снѣгами, — будто къ нему идетъ, его ищетъ; а онъ, Ваня, въ сугробѣ, голосу подать не можетъ. Проснулся: нѣмецъ на работу выстукиваетъ. Ноготь соломорѣзкой сорвалъ въ этотъ день Иванъ: не ладилась работа. А послѣ работы, какъ сидѣли съ хозяиномъ на колодѣ, у сарая, сказалъ Иванъ:

— Работаю на васъ, херръ Браунъ, а вы и безъ моей работы богаты. А у меня мать-старуха безъ меня заслабла . . .

— Работаешь на нашу Германію, Иванъ. Ты плѣнный . . .

— Это не по правдѣ. Это — какъ крѣпостное право было. А говорите, херръ Браунъ, что у васъ — культура! Выходитъ — на людяхъ ѣздите. Жалованья мнѣ, по-нашему, два цѣлковыхъ . . .

Сказалъ ему Браунъ, что такъ говорить не надо, а то онъ заявитъ, какъ требуется по закону, и тогда могутъ послать въ шахты.

— Оттуда не выходятъ!

— Знаю, — сказалъ Иванъ: — это, по-вашему, — куль-тура!

Осерчалъ Браунъ, обозвалъ картофельной головой. Спросилъ:

— Въ какой газетѣ читалъ такое?

— Это у меня тутъ написано, въ картошкѣ!

Чаще стала встрѣчаться ему Тереза, въ укромныхъ мѣстахъ перекидывалась словечкомъ.

Въ хмельникѣ разъ, по осени, насыпалъ ей Иванъ полный передникъ хмельныхъ бубенчиковъ, — просила на припарки для матери, фрау Виндэ. Вѣжливо поцѣловалъ Иванъ холодные пальчики Терезы, а она дала ему изъ передника кисточку и, смѣясь, сказала:

— Носите всегда съ собой. Это вамъ на счастье.

— Волосы ваши буду помнить, — сказалъ ей Иванъ. — Какъ хмель они золотые. Съ нихъ у меня мутится . . .

Стыдливо засмѣялась Тереза. Спросила удивленно:

— Гдѣ вы прочитали такія слова, Йоганнъ? Вѣдь вы русскій . . .

— У насъ на каждое дѣло свое слово!

Потянулся, было, къ ея хмелевой головкѣ, но она убѣжала.

Сунулъ кисточку въ кисетъ съ табакомъ и скурилъ — не замѣтилъ.

Нагналъ какъ-то ее Иванъ по дорогѣ въ городъ. Было это въ концѣ апрѣля. Синѣло небо, уже распускались полевыя маргаритки. Шумѣло въ ушахъ кровью, и жаворонки звенѣли, какъ подъ Тулой. И начинали хорошо пахнуть березы. Примѣтилъ Иванъ гнѣздышко розовыхъ маргаритокъ при дорогѣ и остановилъ сѣрую кобылу. Остановила свою пѣганку и Тереза. Иванъ сорвалъ маргаритки и молча отдалъ. Тереза кивнула ему и сказала:

— Вы для меня остановились, чтобы нарвать маргаритокъ! Нѣтъ, вы не дикій русскій Иванъ, вы совсѣмъ нашъ, Йоганнъ. Изъ васъ будетъ хорошій нѣмецъ...

Сказалъ ей Иванъ, оглаживая пѣгую кобылку:

— Запотѣла. А это, слышь, жаворонки поютъ... И у насъ есть жаворонки ... самое имъ теперь время!

Она подняла синіе глаза къ небу: нѣтъ, не видно.

— А у васъ. Йоганнъ. есть ... щеглы?

— Сколько угодно. Орловскіе щеглы самые пѣвкіе ... — сказалъ онъ, забывъ, что она не пойметъ по-русски.

— Оставайтесь у насъ, Йоганнъ. Отецъ охотно возьметъ васъ для хозяйства.

— Всякій меня возьметъ на работу! — сказалъ Иванъ, подымая за колесо шарабанъ съ Терезой. — Не бойтесь, не упадете. А чего мнѣ тутъ дѣлать? Пріѣду домой, женюсь ... обзаведусь хозяйствомъ. Теперь многому научился ... Заплатилъ херръ Брауну за науку. Буду и самъ херръ Браунъ!

— Какой вы ... смѣшной! — воскликнула Тереза и хлопнула его по рукѣ маргариткой. А раз-

вѣ у насъ вамъ плохо будетъ? Кончится война и вы будете свободный! Можете тогда зарабатывать чѣмъ хотите! Вы сильный, вы можете много заработать!

Смѣшно стало Ивану. Запѣлъ весело, въ полный голосъ.

Йехъ, журочка-журавель,
Журавушка-журавель!
Нѣмецъ-перецъ колбаса,
Купилъ лошадь безъ хвоста!

Сказалъ ей пѣсенку про нѣмца, какъ задумалъ нѣмецъ жениться, купилъ невѣстѣ корытце. Весело смѣялась разрумянившаяся Тереза.

— И выходитъ, стало быть, дѣло за корытцемъ!

— Такъ что же? У насъ есть красивыя дѣвушки... хорошихъ семействъ... Только надо имѣть свое хозяйство. У васъ тамъ есть капиталъ, въ Россіи?

— Я самъ — капиталъ! Сказалъ вчера самъ херръ Браунъ! Энтотъ все знаетъ! Тамъ у насъ за меня поймутъ и безъ капиталовъ!

— Да, конечно... — вздохнула Тереза, — но безъ денегъ жить трудно. Вы, Йоганнъ, мало знаете жизнь. У насъ знаетъ это всякій школьникъ.

Зналъ Иванъ, что нравится Терезѣ. Зналъ, что и она ему по сердцу, только строга, не какъ Тильда, съ которой у него уже были сладкія минутки. И еще зналъ, отъ Тильды слышалъ, что Браунъ и Виндэ, отецъ Терезы, давно рѣшили, что младшій сынъ Генрихъ — теперь воюетъ во Франціи — послѣ войны женится на Терезѣ. И сказалъ прямо:

— По душѣ ты мнѣ... а быть тебѣ за Генрихомъ, знаю ваши порядки.

Она залилась кровью и опустила глаза. Подумала и сказала тихо:

— А если . . . убьютъ . . .

Помѣшалъ имъ горбатый Морицъ: нагналъ на велосипедѣ. Тереза погнала кобылку, а Иванъ тронулъ шагомъ. И всю дорогу думалъ: какія чудныя эти нѣмки: скромницы, а такое скажутъ! . .

Но веселая, голубоглазая Тереза сильно его манила. Такой еще не было въ его деревнѣ.

Нѣжна ужъ очень! На барышень похожа изъ скворцовской усадьбы.

Вечеромъ поймалъ онъ ее въ хмельникѣ, за ригой. Пришла она слушать, какъ поетъ-чокаетъ черный дроздъ, подвѣшенный Брауномъ на высокой вѣхѣ. Иванъ поймалъ ея руку, потянулъ и сказалъ твердо:

— Вотъ что, слушай. На родину со мной поѣдешь? поженимся . . .

И крѣпко обнялъ. Дроздъ сладко свисталъ надъ ними. Она прильнула къ Ивану и сказала чуть слышно:

— Сегодня Генрихъ прислалъ письмо . . . ѣдетъ въ отпускъ . . .

— Стало быть, не убили? . . — началъ было Иванъ, жарко захватывая ея плечи, но она вырвалась и убѣжала въ испугѣ.

Остался стоять Иванъ въ вечерѣющемъ хмельникѣ, въ голомъ лѣсу жердей. Стоялъ поглядывалъ на дрозда, на пробивающіяся звѣзды. Стоялъ и свисталъ ему, свисталъ «чубарики». И дроздъ тоже поглядывалъ на него, и тоже свисталъ . . .

Когда вернулся Иванъ изъ хмельника, рѣзко крикнула ему Тильда:

— Иванъ, мѣшки снять надо!

Иванъ вошелъ за ней въ темную уже ригу. Она вдругъ кинулась на него, цѣпко схватила его за плечи и затрясла въ дрожи:

— Дьяволъ проклятый! дьяволъ неблагодарный! дьяволъ!! я теперь все знаю...

Иванъ захватилъ ее и сказалъ въ ухо:

— Выпьемъ-ка за здоровье твоего Фрица, можетъ и убьютъ скоро?..

Она рванулась отъ него, какъ шальная.

— Не смѣй! тьфу! не смѣй!! говорить такъ... глупо!

—А сама любишься, кошечка... — шепталъ ей, крѣпче захватывая ее Иванъ. — Да не... корежься... да не... вотъ вы... нѣмки какія... все чтобы чисто-гладко... по вашему закону выходило... Да ты послушай... дроздъ-то какъ... заливается...

Она осталась, довольная. Ушла, заслышавъ только тяжелые шаги за ригой: шелъ, сопя, за своимъ дроздомъ Браунъ — снять на ночь.

IV.

Наступилъ май — третій май нѣмецкаго плѣна. Уже два раза пріѣзжалъ на побывку Фрицъ. Два раза пріѣзжалъ Генрихъ. И всякій разъ Браунъ рѣзалъ по поросенку. По двѣ недѣли ѣли они доотвалу и много выпивали пива.

Въ этотъ май такъ случилось, что пріѣхали оба сына разомъ — на одну недѣлю. Опять закололи поросенка и двухъ гусей, хоть и жалѣла нѣмка. Да важное было дѣло: дали Генриху новый чинъ, и Браунъ рѣшилъ устроить помолвку его съ Терезой. Да и подходила, будто, къ концу война. Шли

побѣдные праздники на деревнѣ, и то и дѣло выкидывали на въѣздѣ побѣдный флагъ.

На помолвку пріѣхали родные: и изъ Грюнвальда, и изъ Вербина, и «изъ-за горы». Все тяжелые нѣмцы и широкія нѣмки, и много и крѣпкихъ и тонкихъ дѣвушекъ въ свѣтлыхъ платьяхъ, съ цвѣтными бархатками на шейкахъ. Генрихъ ходилъ среди нихъ въ новомъ мундирчикѣ, съ новой саблей, потому что былъ теперь новый — фендрикъ. Пріѣхалъ на трезвонистомъ шарабанѣ Терезинъ дѣдушка изъ далекихъ мѣстъ, какъ яйцо лысый, въ столѣтнемъ зеленомъ кафтанѣ съ жестяными пуговицами въ ладонь привезъ въ подарокъ перламутровую шкатулку и бѣлаго кота-ангорку.

Шумно сыграли помолвку у Виндэ, наколотили для будущаго счастья гору посуды всякой. Слушалъ Иванъ отъ риги, какъ звенѣло «счастье». Сидѣлъ — думалъ: «расколотить бы мнѣ главную посуду, т о м у — на счастье!» Захватило тоской. Пошелъ на погребицу, поковырялъ гвоздочкомъ замокъ нѣмецкій, вытянулъ литра три темнаго пива — посвѣтлѣло. Пошелъ черезъ улицу ко двору Терезы, постоялъ — послушалъ: все еще бьютъ посуду. Пошелъ къ Браунову двору, поковырялъ гвоздочкомъ — и посвѣтлѣло. Пошелъ опять слушать, какъ набиваютъ Терезѣ «счастья». Ходилъ туда и сюда долго, пока кончили бить посуду. Уже ничего не помнилъ.

Съ утра стали у Брауна играть на скрипкахъ подъ сиренью — горбатый Морицъ и паренекъ изъ аптеки. Ходилъ просить разрѣшенія Браунъ — въ отступленіе отъ военнаго закона. Пришла телеграмма о новой большой побѣдѣ, — разрѣшили.

Съѣли гости цѣлаго кабана, гусей двѣ пары и кроликовъ два десятка. Выпили сорокъ литровъ

пива и четыре бутылки шнапса. Сытые и веселые ходили. Портретъ Кайзера обвили елочкой и дубовыми вѣтвями, грозились перетопить всѣ вражьи пароходы, захватить всю Россію, до Сибири . . . Скрипѣлъ старый дѣдушка Терезинъ:

— Хочу теплую шубу . . . изъ русскаго медвѣдя!

Обѣщалъ ему Генрихъ и шубу, и лисью шапку, а маленькой Терезѣ — розоваго шелка изъ Ліона.

Слышалъ Иванъ, о чемъ говорили нѣмцы, свое и свое думалъ: «эхъ, разбить бы ей главную посуду!»

Танцовали на тѣсной площадкѣ садика, гдѣ зацвѣли ранніе левкои. Танцовали свой «шибер». Фрицъ-кабанъ плясалъ съ пышно разодѣтой Тильдой — въ золотистое платье, съ розовымъ бантомъ сзади. Генрихъ-франтъ съ тихой овечкой — Терезой. Не было совсѣмъ парней, пришелъ только Клюпфъ, пьяный солдатъ, стучалъ по столу кулакомъ, грозился:

— Изъ француза красное вино пущу . . . изъ англичанина портеръ черный! Бей всю Европу!

Смѣялись надъ Клюпфомъ: «да мы же, нѣмцы, самые первые въ Европѣ!»

Знать ничего не хотѣлъ пьяница Клюпфъ, оралъ:

— Германія выше всей Европы! Хох! хох!!

Острякъ былъ Клюпфъ-пьяница, шорный мастеръ, всѣ гоготали на его рѣчи, стучали палками, а Терезинъ дѣдушка похлопывалъ въ сухенькія ладошки-дощечки.

Было воскресенье, вечеръ. Иванъ сидѣлъ во дворѣ, у сарая. Слушалъ, какъ визгливо-раскатисто хохотала Тильда. Она выпила много пива и все приставала къ усачу Фрицу.

— Ты ужъ и осовѣлъ, мой Фрицикъ? Не пей такъ много, мой пѣтушокъ. Давай, станцуемъ!

Клюпфъ топтался по дерну и вылъ-хрипѣлъ свою солдатскую пѣсню:

Изъ быка ремней нарѣжу,
Поясовъ друзьямъ намну!..

Вытолкали его изъ сада за непристойность.

Видѣлъ Иванъ, какъ франтъ-фендрикъ нашептываетъ Терезѣ, какъ краснѣетъ стыдливая овечка. Вспоминалъ — посмѣивался въ усы: «а если... убьютъ?..» Хорошо понималъ, какъ напѣвалъ Генрихъ пѣсенку, подавая овечкѣ бѣлый цвѣтокъ левкоя:

Ахъ, любимая блондинка,
Чистъ и нѣженъ образъ твой.
А возьмешь цвѣточекъ въ ручку,
Станешь прямо ты святой!

Тяжело было Ивану съ самаго утра. Съ утра взглянула на него Тильда, будто въ первый разъ его видитъ, крикнула:

— Почисти сапоги Фрицу!

Взялъ Иванъ сапоги изъ рукъ, поглядѣлъ ей въ безстыжіе глаза, сказалъ дерзко:

— За свои башмачки ты мнѣ хорошо платишь, мадама... а за эти, со шпорами, заплатишь лучше?

Огнемъ залилась Тильда, вырвала сапоги, умчалась. Цѣлый день дразнилъ его розовый бантъ Тильды и ея заливной хохотъ. Томило его, какъ вся бѣленькая Тереза сидитъ неотлучно съ франтомъ,

подпѣваетъ его стишкамъ-пѣснямъ. Не выходило изъ головы навязавшееся съ обѣда, какъ услыхалъ впервые:

„Ахъ, любимая блондинка!»

Въ этотъ веселый вечеръ дроздъ висѣлъ на сараѣ и свисталъ особенно безпокойно-лихо. Слышалъ Иванъ въ его свистѣ знакомое: «и шумэ, и гудэ-э...» Томила его дроздова пѣсня. Слушалъ трескучіе голоса нѣмцевъ... Оби-да!.. Взяли его всего, взяли его работу, а все чужой. Скотина милѣй хозяину! Сегодня Браунъ опять пыталъ, — не останется ли и совсѣмъ въ Грюнвальдѣ? А на праздникъ и не пригласили, даже не угостили гусятиной и не отпустили пива! И эта корова Тильда: то каждую ночь совалась... а теперь такъ и жмется къ своему рыжему усачу и бантъ нацѣпила на свое мѣсто! И Тереза эта... овцой смотритъ, а своего не упуститъ. Нечего съ ними и канитель разводить. Вотъ уѣдетъ этотъ — позову въ хмельникъ, разобью посуду! Пустъ отпразднуетъ свой дѣвишникъ...

И опять услыхалъ Иванъ:

А возьмешь цвѣточекъ въ ручку.
Станешь прямо ты святой!

Сидѣлъ Иванъ на точильной плитѣ, позванивалъ въ раздумьѣ завѣтнымъ рублемъ о камень. Прислушивался къ серебряному звону. Наводилъ этотъ тонкій звонъ на думы ему родное. Дашурку-сестру припоминалъ, какъ вязала въ избѣ кружева на коклюшкахъ, заработала этотъ рубликъ... мать старуху... Другой годъ лежитъ старуха на погостѣ. Прошинскихъ коней вспоминалъ, заводскихъ,

жеребцовъ съ кровяными глазами... Собачонку «Лиску», вольные луга Скворцовки, росяные покосы, вешніе соловьиные раскаты... какъ ходилъ по лугамъ съ гармоньей, какъ хороводился съ дѣвками въ овражкахъ...

Прислушивался Иванъ къ тонкому звону, думалъ: «можетъ, и въ Расею теперь скоро». Поднялъ голову — дроздъ на него свиститъ — смотритъ.

Снялъ клѣтку, отворилъ дверку — лети, мать твою такъ-то!

Высунулъ голову дроздъ, поводилъ туда-сюда желтымъ носомъ — пырхъ! Сѣлъ на сарай, завелъ все то же: «и шумэ, и гудэ!» Не слетѣлъ, опять въ клѣтку забился.

— Дурак! Выучилъ тебя нѣмецъ мѣсту!

Услыхалъ хохотъ, подумалъ злобно: удивить бы ихъ чѣмъ, чертей!

Вспомнилъ — поить коровъ скоро. Придется Тильдѣ снять свою красу, подоткнуть подолъ да звонить по ведрамъ.

«Взять да въ стойло за ней, да при всѣхъ и залапить... во бы штука! А то принести ее кирсетъ энтотъ, крикнуть: на койкѣ-то у меня ночью забыла! вотъ бы штука! Эхъ, подивить бы ихъ, чертей, чѣмъ!»

Поднялъ голову на шаги: пьяница Клюпфъ приглядывается. Смотрѣлъ Клюпфъ, какъ звякалъ Иванъ рублемъ.

— Гей! — поманилъ его Клюпфъ.

— Гей! — поманилъ Иванъ.

— Покажи, пріятель! — опять поманилъ Клюпфъ.

Вынулъ Иванъ кисетъ, спряталъ рубликъ, «чубчики» засвисталъ.

Топнулъ Клюпфъ, показалъ кулакъ, гакнулъ:

— Ахъ ты свинья! .. русская свинья, грязная!..

Никогда Иванъ за словомъ въ карманъ не лазилъ: пустилъ Клюпфа на всѣ лады, — натрафился за три года. Полѣзъ Клюпфъ на Ивана, да подошелъ самъ Браунъ и ухватилъ Клюпфа. Шумѣлъ Клюпфъ, грозился брюхо вспороть Ивану.

Уговорилъ его Браунъ плюнуть, сказалъ:

— Хорошій Иванъ работникъ, совсѣмъ и не похожъ на дураковъ и лѣнтяевъ русскихъ!

Задѣло Ивана за живое. Всталъ во весь ростъ гвардейскій, какъ на смотру, крикнулъ:

— Врешь, херъ Браунъ! Какъ былъ русскій, такъ и остался русскій, а не кабанъ, не нѣмецъ! На чужомъ горбу не выѣзжаю! Не грошовникъ!

Тутъ всѣ загалдѣли и застучали палками, кто во что. Унялъ Браунъ компанію, сказалъ мирно:

— Не надо переходить мѣру. Будемъ, друзья мои, праздникъ праздновать. Выпили мы всѣ немножко.

— Всѣ, да не на всѣ! — крикнулъ Иванъ. — На всѣ-то еще, время придетъ, — пить будешь!

По-своему крикнулъ — не поняли его нѣмцы.

— Уложу его на лопатки!

Знали всѣ быка-Клюпфа: всѣхъ укладывалъ на лопатки. Закричали нѣмцы:

— Зо! Зо-о!! Выходи, русскій Иванъ . . . онъ тебя въ двѣ минуты положитъ на лопатки!

Стало всѣмъ опять весело, закричали Клюпфу: хох — хох!

Увидалъ Иванъ, что смѣется Тильда, сверкаютъ у нее жадные зубки-кусачки: увидалъ и Терезу-овечку: выглядываетъ изъ-за спины жениха, пытаетъ стеклянными глазами. Хлынуло въ него ражемъ.

— Эхъ, ужъ и покажу вамъ кузькину мать! Ставься!!

Выбрали судей для порядка. Сѣли на колоду. Ударилъ Терезинъ дѣдушка въ ладошки, понюхалъ табаку, — начинай!

Клюпфъ былъ пониже Ивана, но шире въ плечахъ, грузнѣй. Прихватилъ Ивана подъ поясницу, сталъ подъ себя давить. Давилъ-давилъ, — лопнули штаны, насмѣшили. Вытянулся Иванъ, навалился, захватилъ бычью шею, — нѣтъ, не сдюжишь. Прошелъ срокъ, ударилъ въ ладошки Терезинъ дѣдушка:

— Довольно. Пива Клюпфъ много выпилъ!

Выпустилъ Иванъ Клюпфа — синѣй синьки. Плюнулъ въ сухой кулакъ:

— На кулаки ставься! Эхъ! удивлю чертей!!

Не дали судьи, закричали: съ пьянымъ не трудно сладить!

Тогда Фрицъ крикнулъ:

— Давай на мѣшкахъ пробовать, кто сильнѣй!

Лежало на дворѣ пять мѣшковъ съ парниковой землей, большихъ, тяжелыхъ. Взвалилъ себѣ Фрицъ мѣшокъ, велѣлъ Ивану наложить другой сверху. Наложилъ Иванъ. Прошелъ Фрицъ по всему двору — не погнулся. Велѣлъ третій накладывать. Прошелъ — чуть погнулся. Скинулъ мѣшки, велѣлъ Ивану носить.

Три мѣшка навалилъ Иванъ, прошелъ по всему двору соколомъ, «чубарики» высвистывалъ. Ничуть не погнулся, крикнулъ:

— Наваливай!

Тяжелые были мѣшки, пятипудовые. Прошелъ Иванъ по всему двору — не погнулся. Чуть поплясалъ даже:

Йеххъ, ж-журочка-журавель...
Журавушка-дъ-журавель!..

Хохнули нѣмцы, палками застучали.

— Эхъ, побилъ Фрица!

— Нѣтъ. Фрицъ можетъ!

Навалили Фрицу четыре мѣшка. Прошелъ, бурый. Фрицъ, выпучивъ глаза, закачался, скинулъ.

Крикнулъ лихо Иванъ:

— Эхъ, удивлю чертей! Наваливай весь пятокъ, нѣмцы!

Стали нѣмцы кричать:

— Довольно! Сорвешь спину, Иванъ! Видимъ, — не слабѣй Фрица!

— Наваливай! Нох афладен!!

Стали наваливать на Ивана... Гора-горой. Не видать его стало подъ мѣшками. Навалили. Выправился Иванъ ногами, переступилъ шага два, нашелся — пошелъ ходко. Поднялись нѣмцы съ колоды, съ лавки, вытянули шеи — головы, ждутъ — качнется. Натужился Иванъ во всѣ жилы, сталъ какъ клюква. Прошелъ мимо Брауна — усмѣхнулся:

— Садись, хозяинъ!

Прошелъ мимо Фрица, бурый:

— Сажай и свою и мою кобылу!

Ступилъ мимо Тильды, глянулъ въ жадные ея зубы, — хрипнулъ:

— Стан... цуемъ... што ли...

Призналъ мутившимися глазами Терезу, — цѣлуетъ ее Генрихъ въ розовое ушко, въ хмелевую головку. — закачался: гакнуло у него въ груди каленое желѣзо.

И вотъ, когда хлынуло въ него темной волной, и заколыхалась подъ нимъ земля, — услыхалъ

Иванъ, зоветъ, будто, его чей-то родимый голосъ: Ваня!

V

Очнулся Иванъ на землѣ. Уже темнѣло небо. Яснѣли звѣзды. Лежали мѣшки у глазъ. Толпились-гудѣли нѣмцы. Кричалъ Браунъ:

— Глупая игра! Можно потерять человѣка!

Фрицъ смѣялся:

— Что, Иванъ! Земля всѣхъ накроетъ! Вставай, выпьемъ.

— Вставай, Ифанъ! Вставай, русскій медвѣдь! — оралъ Клюпфъ. — Ты силнѣй всѣхъ, кабанъ! Хох! Выпьемъ, мой другъ, брудерщафтъ! Хох!

Не могъ подняться Иванъ. Подняли его нѣмцы, усадили на колоду. Принесла ему стаканъ молока Тильда.

— Выпей, Йоганн, молока..

И вдругъ — хлестнуло изъ Ивана кровью, кривой струей брызнуло въ молоко и на бѣлую руку Тильды. Взвизгнули дѣвушки, и Тильда отдернула руку съ розовымъ молокомъ въ стаканѣ, поблѣднѣла.

Взялъ у ней Фрицъ стаканъ, усмѣхнулся:

— Что... чужой еще крови не видала... Поди, вымой...

— Тильда, Тильда! — звала старая нѣмка. — Время доить, Тильда!

Кукушка прокуковала — 8. Пошла Тильда перемѣнить платье. Нѣмцы ушли допивать пиво, а Фрицъ повелъ Ивана въ сарай, на койку.

— Не знаешь ты мѣры, Иванъ, — вотъ и потерялъ силу. Все это твоя глупость. Надо и шутить разумно.

Едва выговорилъ Иванъ:

— Пле... вать.

Ночью опять шла кровь — залила всю рубаху. Томила жажда. Не было подлѣ Ивана человѣка. Иванъ слабо вбиралъ губами горячій воздухъ, колыхался на высокихъ, подъ небо, возахъ сѣна и слышалъ жалѣющій его родимый голосъ...

Свѣтать стало. Прокуковала пять разъ кукушка, — и пришелъ — застучалъ Браунъ:

— Какъ, Ифанъ? Можешь окапывать картофель?..

Неподвижно лежалъ Иванъ — платъ бѣлый. Какая ужъ тутъ картошка! Постоялъ-постоялъ Браунъ...

— Ифанъ! Ты бы выпилъ немного пива... и покушалъ свинины?..

Не отомкнулъ глазъ Иванъ. Выговорилъ чуть слышно:

— Сытъ... бу... дя.

Не понялъ Браунъ. Стоялъ-топтался, совѣтовалъ растереть грудь и спину оподельдокомъ или муравьинымъ спиртомъ: вѣрное, старинное средство. Самъ онъ всегда растираетъ грудь муравьинымъ спиртомъ.

— На родину... Расію желаю... везите... чую...

Не понялъ Браунъ: бредилъ Иванъ на чужомъ языкѣ — на своемъ, медвѣжьемъ.

Пришелъ Фрицъ, поглядѣлъ на восковое лицо Ивана: — «готовъ», подумалъ. Сказалъ, что надо везти въ больницу.

Воли искалъ Иванъ, искалъ губами. Невнятное говорилъ себѣ, нѣмцамъ, темнотѣ сарая. Хваталъ воздухъ губами: бредилъ на невѣдомомъ языкѣ, — на своемъ, медвѣжьемъ...

Повезъ его въ больницу самъ Браунъ.

Когда подсаживали въ плетушку, Тильда привстала на колоду, чтобы лучше видѣть. Встрѣтился съ ней Иванъ глазами. Усмѣхнулся слабо: видишь, какой теперь, не то что... Оглянулъ дворъ нѣмца, крѣпкую, дикаго камня, стройку, тёлокъ, которыхъ выгоняла въ загончикъ Лизхенъ; поглядѣлъ на расшитыя занавѣски въ окнахъ, на красныя сережки фуксій, на зеленыя, густыя гряды огорода, къ саду. Эхъ, перетащить бы въ Скворцовку!

Сгорбился и привалился къ нѣмцу.

Когда проѣзжали мимо голубого домика Виндэ, Иванъ поглядѣлъ на садикъ, но не было тамъ праздничной Терезы.

Прощай. Прощай, синеглазая, ласковая, не наша. Вспомнилъ, какъ сказалъ вчера пьяный Клюпфъ: «ты сильнѣй всѣхъ, Иванъ!» Накатило досадой. и сказалъ нѣмцу Иванъ:

— Все умѣю... Все бы ваше хозяйство справилъ... плевать.

Покачалъ Браунъ головой, отвѣтилъ черезъ сигарку:

— Нѣтъ. Не справить тебѣ, Ифанъ. Ты... ты картофельный голёва, Ифанъ.

Сказалъ, какъ говорилъ часто. И добавилъ:

— Не картофельный голёва такъ не кончаетъ. Думм!

— Плевать... — сплюнулъ Иванъ кровью. — Отдамъ тебѣ рубль завѣтный...

Не отвѣтилъ Браунъ. Нашарилъ Иванъ кисетъ, вынулъ завѣтный рубликъ, погладилъ на ладони...

— На, нѣмецъ... Поминай Ивана.

Посмотрѣлъ Браунъ въ лицо Ивану, взялъ рубликъ изъ холодныхъ пальцевъ, досталъ кошелекъ

бисерный, кувшинчикомъ... Да не далъ ему Иванъ: вытянулъ рубль изъ пальцевъ.

— Пущай гуляетъ!

И, собравъ послѣднія силы, пустилъ его на ребро въ небо, какъ, бывало, запускалъ лещедкой.

Прудомъ Грюнвальдскимъ, плотиной какъ разъ ѣхали они, — прудъ на версты. Далеко блеснула серебряная капля. И канула.

— Пущай... гуляетъ! — болью усмѣхнулся Иванъ, кривя зубы.

Строго оглянулъ его Браунъ и засопѣлъ сигаркой.

VI

За ужиномъ сказалъ Браунъ:

— Мы потеряли добраго Ивана. Докторъ сказалъ, будто лопнуло у него въ груди, гдѣ пробила пуля. Ты, Фрицъ, его разсердилъ. А онъ — глупый и не знаетъ мѣры. А былъ золотой работникъ. Надо просить опять. Говорятъ, новую партію прислали русскихъ Ивановъ на работы. Не надо было его задорить!

— Онъ хотѣлъ передъ дѣвушками похвастать силой, — сказала Тильда. — Такой бабникъ! Теперь я могу сказать: очень онъ таскался за мной, бѣдняга.

— Что такое? — строго закричалъ Фрицъ.

— Вздумалъ еще! За кого жъ ты меня считаешь?! — крикнула возмущенно Тильда.

— Ладно. Налей мнѣ пива.

Тильда налила ему и себѣ, протяжно заглянула въ глаза и чокнулась — не отняла кружки. Любов-

но глядѣла на нихъ старая нѣмка. Кукушка прокуковала — 10.

— У него уже помутилось... — показалъ на голову Браунъ. — Онъ зашвырнулъ въ прудъ свой серебряный рубль, двѣ марки!

Въ этотъ часъ, въ чистой палатѣ грюнвальдскаго медицинскаго пункта, умеръ Иванъ.

Дежурный докторъ отмѣтилъ въ своемъ журналѣ:

«Русскій плѣнный, Иванъ Грачовъ, 26 лѣтъ, № — 24727, умеръ въ 10 ч. 16 с. мая отъ кровоизліянія въ легкія (легочный ударъ). Заявлена причина: поднятіе чрезмѣрной тяжести на споръ, въ игрѣ (до 30 рус. пд.). Причина, способствовавшая: боевое раненіе въ грудь (сквозное). Прекрасно выраженный экземпляръ славянскаго типа. Всестороннее измѣреніе сдѣлано (стр. 169). Сообщить г. профессору Клейденъ (Берлинъ)».

Записавъ показаніе фельдшерицы, докторъ приказалъ перенести трупъ въ прозекторскую — для вскрытія.

1918—1923 г.

СОДЕРЖАНІЕ

Неупиваемая чаша 5
Это было 89
Чужой крови 185